

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ # 1
ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES
И USA TODAY

*Проигрыш ещё никогда
не был так сладок*

СЕРИЯ МАСТЕРА ИГРЫ

ИГРОК КРЕСЛИ КОУЛ

Безумец с тёмным прошлым...

В Городе Греха Дмитрий Севастьянов находит её — Викторию Валентайн — сексуальную, незащищённую девушку, нуждающуюся в опеке. Одержимость глубоко пускает в него свои корни. Несмотря на прошлое, полное жестокости и предательства, он не остановится ни перед чем, чтобы обладать ею.

Мошенница, которой нечего терять...

Двадцатитрёхлетняя Виктория (по прозвищу Вайс) из старинной династии шулеров должна сорвать немыслимый куш, чтобы обезопасить своих близких. Её взгляд падает на прекрасного и богатого Дмитрия Севастьянова. Играя с телом и разумом, неотразимый русский пленяет её сердце.

Любовь — абсолютный козырь

Когда Вайс и её сообщники вынуждают Дмитрия к поспешной женитьбе в Вегасе, он отказывается обезопасить себя и заключить брачный контракт, полностью доверяя ей во всём. Но может ли и она ему верить? По мере раскрытия тайн новобрачные проводят дни в сомнениях, а ночи — в самых безумных наслаждениях. Но как только Вайс узнает, что было в прошлом её мужа — останется ли она рядом, чтобы побороться за брак, или бесследно исчезнет?

Кресли Коул
Игрок

Этапы многоходовки (только для профи)

Найти клиента. Цель — жадный, бесчестный, имеющий отношение к криминальным кругам.

Подготовительная работа. Выяснить подробности личной жизни, устранить препятствия, собрать команду.

Встреча. Обеспечить незабываемое первое впечатление.

Внедрение. Интегрироваться в жизнь клиента.

Разогрев. Постепенно познакомить клиента с нуждами.

Жертва. Пожертвовать чем-то ценным, чтобы укрепить доверие клиента.

Кризис. Ультиматумом создать ощущение срочности. Клиент должен либо действовать, либо навсегда упустить возможность.

Ловушка. Вынудить клиента принять на себя нерушимые обязательства.

«Желание — словно игра в шахматы. Делай всё, что требуется, чтобы победить».

— Дмитрий Севастьянов, компьютерный гений, самостоятельно заработавший состояние

«Главное правило аферы: никогда-никогда-никогда не влюбляться в клиента».

— Виктория Валентайн (Вайс), гордая специалистка по искусству втирания в доверие

— Сказки я знаю, — сообщила я своему двоюродному брату. — Чудовище залегло в берлоге. — Мы с Питом стояли на большой террасе пентхауса «Калидон Казино», глядя на смотровую площадку, расположенную выше.

Мы уже находились так высоко, что казалось, протяни руку и коснёшься луны.

— Значит, Дмитрий Севастьянов — чудовище? — Пит забавлялся, тёмная синева его смеющихся глаз резко выделялась на фоне светлых волос. Как и я, и моя сестра, свою внешность он унаследовал по отцовской линии. — Хотя ты с ним никогда не встречалась?

— Ага. — Шумная вечеринка Севастьяновых была в самом разгаре — музыка грохотала, и сотни гостей толпились внутри огромного четырёхкомнатного пентхауса. Однако Дмитрий отделился ото всех, уединившись на этой площадке, и, очевидно, был сильно не в духе. — И, как в тех сказках, ты собираешься принести в жертву девственницу. — Пит хотел, чтобы я прощупала этого воинственного мужчину.

— Чушь. Все знают, что ты не девственница.

Я пихнула его в руку.

— Юморист. — Я могла бы быть девственницей. Тех троих можно было не считать.

— А Дмитрий — *не чудовище*, — заметил он, добавив, — ну, не особенно. Едва ли.

Пит знал всё, что можно было узнать о семье Севастьяновых. Ну, по крайней мере, всё, что мошенник мог узнать из своих источников. Будучи сотрудником казино, работающим с VIP-персонами, он удовлетворял все прихоти богатых гостей — и одновременно был нашим агентом.

Понятия не имею, чего ему стоило устроиться на это тёпленькое местечко, но на протяжении вот уже нескольких недель мы выслеживали каледоновских китов-дегенератов, в основном ради шантажа.

Тёплый августовский ветерок трепал выбившийся из моей причёски локон.

С того момента, как я начала наблюдать за площадкой, Дмитрий отшил уже с десятков девушек.

Туда только что поднялась очередная группка питающих надежды. Похоже, о вечеринке знала каждая девушка на Стрипе — бесплатная еда, алкоголь и подходящий миллиардер в наличии.

Пит пожал своими громадными плечами. Клянусь, в свои двадцать девять он всё ещё продолжал расти.

— Я не прошу тебя начинать розыгрыш, — то есть аферу, — против Дмитрия. Просто скажи своё мнение, пока мы не избавились от всей команды Севастьяновых.

Будучи одновременно и специалистом по подбору персонала, и наставником в организации мошеннических операций, Пит устроил меня и мою сестру в VIP-зону подавать коктейли (и расставлять медовые ловушки).

Держите себя в руках, ребята, не то попадёте под удар.

К несчастью, трое братьев с двумя жёнами и одной увязавшейся за компанию подружкой действительно держали себя в руках.

Они не интересовались наркотиками и вообще не спрашивали ни о чём нелегальном или аморальном. Мужья и жёны в обеих парах были всецело преданы друг другу. И вообще, средний брат с женой как раз отмечали здесь четвёртую годовщину со дня свадьбы.

Праведники денег не приносят.

— К тому же, скоро ты сможешь рассмотреть Дмитрия поближе, — продолжал Пит. — И он окажется самым привлекательным мужчиной, которого ты когда-либо видела. — То же самое сказала и моя сестра Кэрин. Вчера она как раз подавала им напитки.

— Привлекательнее старших братьев? — Я уже видела их в пентхаусе — двух крепко сложенных черноволосых красавчиков, которые глаз не сводили со своих жён.

— Гораздо привлекательнее. — Пит изобразил на лице простодушие. — Поверь мне.

— Поверить тебе? — Несмотря на обстоятельства, мы оба хихикнули. — Я тоже умею делать бесхитростное выражение лица, научилась этому раньше, чем смогла читать.

Сердитый голос донёсся со смотровой площадки, где Дмитрий развернул очередных девушек, посмеявшихся вломиться в его укрытие.

Вскоре девицы в платьях, едва прикрывавших промежность, продефилировали вниз по лестнице. Все они говорили одновременно.

— Ну и козёл!

— Да плевать, что он красавчик, разве можно такое говорить?

— Разве можно быть таким сексуальным? И таким *злым*?

Я узнала Шэрон, официантку, живущую в том же многоквартирном доме, что и я. Полногрудая брюнетка и сама не чуралась мошенничества.

С бокалом шампанского в руке она махнула своим подружкам идти к бару, а сама подплыла к нам; при каждом шаге надетое на ней открытое платье без бретелек с трудом пыталось удержать на месте её сиськи.

Привстав на цыпочки, она чмокнула моего брата в щёку и дружески проворковала:

— Пити Трижды.

Клички у мошенников могли быть просто жаргонными словечками, но свою Пит получил заслуженно. Даже будучи пойман за руку, он все равно обхитрил бы вас ещё дважды — вот как он был хорош.

Меня прозвали Вайс ещё в детстве. Участвуя в семейных аферах с инвестициями, я завоевала славу девушки, хладнокровной, словно лёд.

Долгие годы мы выбирали людей, желающих получить что-то в обмен на ничто, и продавали им ничто в обмен на что-то.

Но это время прошло...

— Шэрон, ты, как всегда, великолепна, — невозмутимо ответил Пит.

— Очаровашка. — Поправив причёску, она оглядела меня с головы до ног. — Клевое платье, Вайс. Классика.

— Спасибо, куколка. — Это белое платье с одной бретелькой было сшито несколько месяцев назад для одного дела. Сегодня я изображала *сексуальную, но милую девушку*, которая отличалась от обычной *авангардной и дерзкой* меня. Чёрные ногти сегодня были покрашены лаком натурального оттенка, макияж тоже был нейтральным. Серьги-шпицы я сменила на бриллианты-гвоздики (читай: с цирконами), а длинные волосы собрала в элегантный пучок. Вместо ботинок на платформе я выбрала туфли на шпильке с ремешком вокруг щиколотки.

Шэрон отпила из бокала.

— Приделась для этого *лоха* Себастьянова? — Лохом мы называли любого, не вовлечённого в схему.

— Произносится через «в», — вставил Пит. — Се-вас-тя-нов. — Мелочи были нашей

профессией.

Шэрон пожала плечами, платье держалось уже на честном слове. Её перекаченные сиськи далеко превосходили мой собственный размер 7 °С; напитки она могла бы вообще разносить без подноса.

Я всегда представляла, как она под цирковой марш удерживает своими буферами бокалы с мартини.

— Нет, не для него. У меня был толстосум на примете. — В махинациях многое зависело от одежды, и мой внешний вид идеально подходил для состоятельных мужчин. Найджел, мой клиент, как раз на него купился. Однако потом он внезапно бросил меня в лобби отеля без объяснения причин. — Разводка не удалась, так что Пит пригласил меня сюда. — На разведку. Сейчас я ни на что больше не годилась.

Медовая ловушка может обойтись без пчелиных укусов.

— Похоже, неделя у тебя выдалась ещё та, — заметила Шэрон. — Я видела на твоей двери уведомление о выселении.

Я понизила голос:

— Всего *один-единственный* раз я забыла надеть шейный корсет.

Пит вздёрнул свои светлые брови. О выселении я ему не рассказывала, чтобы не усугублять ситуацию, учитывая мои предыдущие провалы.

— Такое случается даже с лучшими из лучших, — Шэрон допила шампанское. — Если лопнула труба, то пошло оно всё на.

Я улыбнулась.

— Обожаю эту поговорку.

— А как ты узнала о вечеринке? — спросил её Пит.

— Какая-то ненормальная по имени Алисия или Джессика или ещё как-то пригласила весь Стрип, сообщая каждому, что собирается подцепить кита. Ну, я и заявила, чтобы загарпунить эту рыбку. Без вариантов. Как он сказал «Я знаю, какая женщина мне нужна, и ты — не она» Русские — отстой.

Мы с Питом переглянулись. У нас имелся собственный русский сообщник, который был, типа, нашим дедушкой.

— Ну, пойду поищу настоящую движуху. *Чао*, крошки. — Послав нам воздушные поцелуи, Шэрон направилась к подругам. И перед тем, как войти в бар, она обернулась и прокричала в сторону Дмитрия:

— Пошёл на хер, Russki!

Сверху прогрохотала ответная тирада на русском, и я взглянула на Пита, приподняв брови.

— Может, он вообще не по женскому полу? Если уж Кэрин с ним облажалась... — Вчера он вёл себя с моей сногшибательной сестрой так, словно её вообще не было. — Может, Дмитрий — гей.

— Тогда мне бы очень повезло, — протянул Пит, придав голосу мечтательную нотку. — С таким парнем медовую ловушку я бы провернул в мгновение ока.

— Всё не так просто, как кажется, шеф. — Уж я-то знала. Сегодня я должна была участвовать в своей первой ловушке. Женатый клиент заманивается с помощью приманки в «медовую ловушку» — в компрометирующую ситуацию, пока сообщник снимает это всё на видео. Вуаля — готовая возможность для шантажа.

Найджел был идеальным кандидатом: женатый бабник с кабальными условиями

брачного контракта, шаловливыми ручонками и белой полоской от кольца на безымянном пальце.

При виде меня водянистый взгляд этого стареющего папика сразу же прояснился, но лишь до того момента, когда он проверил свой телефон, выругался, прочитав там что-то, и пулей вылетел из казино.

Пятая сорвавшаяся операция подряд. Как любой мошенник, я была суеверна, и понимала, что эта полоса означает.

— Пит, я уверена, что меня сглазили. — И всё равно я притащусь сюда завтра, и буду завлекать очередного слизняка. Пришлось отработать три двойных смены — шестнадцать часов на шпильках — чтобы подцепить Найджела.

— Может, проблема именно в ловушке — раз она у тебя первая и всё такое, — сказал Пит.

— Ты так говоришь, будто я новичок. — Конечно, любой мошенник имел специализацию — моей являлись инвестиционные аферы — но опытный специалист был универсалом.

— Пока не встанешь на ноги, ты могла бы помогать Кэрин с малышами пару дней в неделю, тогда у неё получится провернуть больше операций. Это только пока мы не выплатим долг.

Я недоверчиво заморгала.

— У нас тут кризис в самом разгаре, а ты предлагаешь мне нянчиться с детьми? — Это уж не говоря о том, что мамочка с папочкой меня живьём загрызут, если я попытаюсь ограничить их время с внуками.

Пит потёр своё симпатичное личико.

— Найджел ведь был... ну, он же был лёгкой добычей. Кэрин могла бы его окрутить даже во сне, — недовольно добавил он.

Ой. Хотя все с первого взгляда понимали, что мы были сёстрами, я оставалась всего лишь её невысокой и менее одарённой версией. В свои двадцать восемь она была длинноногой, грациозной, уверенной и сексуальной; я же, если только специально не прилагала усилия, вела себя с мужчинами холодно — что ставило под удар медовую ловушку.

Пит поспешно добавил:

— В картах ты просто ас, и твоё чутьё ни с чьим не сравнится. Вся наша семья существовала благодаря твоим инстинктам в инвестиционных сделках. Но всё это в прошлом.

Мы натолкнулись не на тех людей, и они потребовали вернуть деньги — с процентами.

— У нас осталось всего двадцать дней, а ты отправляешь меня на скамейку запасных? — Неудивительно, что сегодня я получила столько ободряющих смс! И всё равно упустила лёгкую добычу.

— Именно потому, что осталось всего двадцать дней. — Он выдохнул. — А ты упускаешь клиентов, с которыми Кэрин бы справилась. За прошедшие несколько недель она прошла по куче развратников, среди которых оказался даже дважды избранный конгрессмен.

Я же в непосредственной близости от нашего наштигованного скрытыми камерами дома никого подцепить так и не смогла.

Кэрин была моей лучшей подругой, но иногда я прямо-таки чувствовала себя какой-то

Золушкой.

Пит чуть смягчился:

— Тебе всего-то и надо чуть подтянуть навыки манипулирования мужиками с помощью женских штучек, но сейчас на это просто нет времени.

Манипулирование с помощью женских штучек? Правда что ли? А как же я тогда заставила всех тех недоумков вложить деньги в инвестиционные сделки?

Да просто убедившись, что они устали на мой вырез, а не на то, что было написано на стене!

— Когда немного отдохнёшь, то сама поймёшь, с чего я завёл этот разговор, — продолжал Пит. — Лучше пропустить Дмитрия и пойти развеяться.

Я вытаращила глаза, когда до меня вдруг дошло.

— Ты заранее решил не соваться к Севастьяновым! И моё «задание» по добыче информации... это просто чтобы меня *занять*, да? Чтобы я не расстраивалась из-за Найджела?

Секунду спустя Пит поднял ладони вверх.

Сидеть с ребёнком и заниматься какой-то ерундой. Если он отстранит меня от дел, то в течение следующих трёх недель я сойду с ума. Разве я могу просто сидеть, вместо того, чтобы бороться за будущее родных?

Мне до смерти хотелось быть полезной и внести свой вклад тогда, когда это больше всего было нужно. Мой взгляд упал на логово зверя. Слова полились сами собой:

— Знаешь что? Я не собираюсь на скамейку запасных. Потому что начну розыгрыш самого многообещающего клиента из всех, вместе взятых — *Дмитрия Севастьянова*.

Пит рассмеялся, но потом увидел, что я говорю серьёзно. — Кэрин из него ни словечка не вытянула.

Вчера, прослышав, что Севастьяновы спускаются в ВИП-зал, Пит отослал меня домой и вызвал нашу «звезду» для доильной операции — самой сложной из всех многоходовых схем.

В доилке соблазнительница погружает клиента в состояние сексуальной горячки, дразня, но не даваясь в руки, вынуждая его покупать драгоценности, машины, даже недвижимость.

— Ни единого словечка. — Пит покачал головой. — С учётом того, что у Дмитрия не было пары, а она была во всеоружии.

Если уж Кэрин не смогла зацепить русского, значит, он вообще незацепляем. Но я замахнулась на большое дело. — Значит, мне не стоит портить потенциального клиента, так ведь?

— Не обижайся.

Я сунула Питу свою сумочку. — Обижаться? Мне? Разве ты не слышал? — Я направилась к лестнице, бросив через плечо. — Я хладнокровна, как лёд.

На самом деле, я так обиделась, что с грохотом протопала вверх по лестнице. И всё же смогла взять себя в руки и не разбить шпильками плиточный пол. Может, удастся понаблюдать за ничего не подозревающим Дмитрием.

Исчерпывающие заметки Пита давали мне общее представление. Тридцать два года, гражданин России, вырос в Сибири. Младший из трёх братьев. Математик и компьютерный гений.

Был лучшим из всего выпуска в Оксфорде, затем основал компанию, совершившую прорыв в сфере бизнес-вычислений. Получил несколько патентов, став, таким образом, миллиардером. Однако в интернете о нём было совсем немного упоминаний, и ни одной фотографии.

Когда я вышла на веранду, вид экстравагантного звериного логова заставил меня приподнять брови. Свет распространялся от очагов открытого огня. Над джакузи, скрытом под зелёным навесом глициний, поднимался пар, а у дальней стены журчал выложенный мозаикой фонтанчик. Там же располагался полностью укомплектованный, но безлюдный бар.

Дмитрий стоял у перил и обозревал открывающийся вид на город. Поблизости не было ни души.

Я бесшумно приблизилась, подмечая детали его внешности. Мускулистое телосложение и рост под два метра, явно выше моего бывшего, который был метр девяносто.

Моя бабушка бы назвала Дмитрия Севастьянова *горой среди мужчин*. Он ощутимо возвышался над моим метром шестьюдесятью.

Его дорогая одежда сидела настолько хорошо, что я чуть не захлебнулась слюной. Сшитые на заказ серые брюки подчёркивали узкие бёдра и упругие ягодицы. Угольно-серая рубашка облегла спину и плечи.

Я видела, как под тонким материалом бугрятся трицепсы на руках, стиснувших перила так, что побелели костяшки. Словно Брюс Беннер изо всех сил противился превращению в Халка.

Пит говорил, что между Дмитрием и Алексом, старшим из братьев Севастьяновых, время от времени возникало какое-то напряжение. Может, они поругались, и теперь Дмитрий срывается на окружающих?

Если он так зол, то почему не уйдёт к себе в комнату? Или вообще не уедет куда-нибудь, с его-то состоянием?

В следующее мгновение все мои предположения перевернулись с ног на голову, потому что его голова откинулась, а широкие плечи приподнялись и опустились со вздохом. Даже с моего места было видно, что он смотрит на полную луну.

Люди, кипя от злости, обычно так не поступают; так делают, чувствуя сожаление или даже тоску.

Я ощутила вспышку жалости. Его родственники веселятся этажом ниже, а он стоит тут один.

Это то, что случается с чудовищами в сказках; они вовсе не хотят *быть чудовищами*. И не хотят *быть одни*.

Наконец, Дмитрий отпустил перила и потёр виски.

Желание увидеть его лицо возобладало, и я направилась в противоположный конец перил, намеренно стуча каблуками.

Он уронил руки, а его мышцы напряглись ещё сильнее. — Сколько, блядь, раз мне ещё повторить? — процедил он с сильным акцентом. Потом, поворачиваясь ко мне, отрывисто бросил: — Я — ЧЕРТ ВОЗЬМИ — НЕ — ЗАИНТЕР... — и пораженно замолк.

Мне было знакомо это чувство. Дмитрий Севастьянов оказался... великолепен.

Вид его безупречного мужского лица просто выбил из лёгких весь воздух.

Густые чёрные волосы, точёные скулы. Гордый тонкий нос и сильная челюсть. Глаза — цвета пылающего янтаря.

Прекрасное, прекрасное чудовище. Я едва не покачнулась на месте. Раньше я такое проделывала только *намеренно*, при обчистке карманов.

Как только его напряжённая челюсть расслабилась, губы мгновенно превратились из вытянутых в целовательные. Живой взгляд пробежал по мне от каблуков до макушки. — Ты... — выдохнул он.

Начни разговор, Вайс. — Я? — Мы точно никогда не встречались. Потому что это лицо осталось бы в моей памяти навсегда.

— ...сногшибательна. Один твой вид сразил меня наповал.

Э-э-э? Парни находили меня симпатичной, но на фоне длинноногих стриптизёрш и накаченных силиконом моделей было весьма сложно выделиться (я всегда говорила себе, что *займусь* этим в Рино).

А как же Кэрин? Может, вчера он забыл надеть контактные линзы?

Вместо того чтобы прогнать меня, чудовище подошло ближе. Пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. *Ну, приветик, здоровяк.*

Он находился так близко, что я ощущала исходящее от него тепло. Почувствовала едва уловимый аромат его одеколона — хвоя и что-то таинственное — от чего захотелось мурлыкать. Нет, не едва уловимый, это была настоящая *доза*. Его запах, распространяясь по воздуху, превращался в наркотик.

— Меня зовут Дмитрий Севастьянов, — сообщил он низким голосом. — Ты должна назвать своё имя. — Довольно бесцеремонно он приподнял прядь моих волос, ярко выделявшуюся на фоне его загорелой кожи.

Зацепка! А что, если у меня *получится* отработать этого парня?

— Меня зовут Виктория Валентайн. — Мой твёрдый тон впечатлял.

— *Виктория*. — То, как он произнёс окончание моего имени, пророкотав последний слог, заставило меня вспыхнуть.

Я никогда не могла контролировать свой румянец, сколько бы не выговаривали об этом мне мои родственники.

— Приятно познакомиться. Но, кажется, ты хотел сообщить мне о своей незаинтересованности?

Его скулы тоже порозовели, и он выпустил мой локон из рук. — Местные женщины были очень... настойчивы.

— Большинство мужчин сочли бы это приятной проблемой.

— Те женщины — не единственный раздражающий фактор, — сказал он. — У меня было предчувствие, что этот вечер станет в каком-то роде иным. Я был разочарован.

— Я догадалась.

— Как? — Он взглядом скользил по моему лицу, останавливаясь на каждой чёрточке, словно желая запечатлеть её в памяти.

— Люди вздыхают под луной от тоски или грусти. — Теперь, когда я завладела его вниманием, пришло время начать ускользать. — Оставлю тебя предаваться своим чувствам, здоровяк. — Я повернулась к лестнице. *Иди за мной, иди за мной...*

Дмитрий поспешно меня прервал: — Как бы то ни было, я больше не разочарован, раз мне явилась такая соблазнительная белокурая крошка, которая в лунном свете похожа на ангела. А ангел мне нужен позарез.

Ангел? Да ради семьи я одним движением ногтя ему яйца отрежу. — А если я не ангел? Если я демоница? Скрестишь со мной рога?

Он торжественно кивнул. — Я буду счастлив скрестить с тобой *что угодно*.

Он говорил серьёзно, а я поймала себя на том, что пытаюсь скрыть улыбку. — Скрещивание рогов может иметь далеко идущие последствия, господин Севастьянов, а мы только что познакомились.

Один уголок его рта изогнулся. — Зови меня Дмитрий. Или Дима. — Он стоял между мной и лестницей.

— Ты весь вечер отгонял женщин, а теперь преграждаешь мне путь? Не знаю, радоваться этому или, наоборот, насторожиться.

— Ты всё слышала? — Его скулы вновь порозовели.

— Я была снаружи, на террасе. И даже сказала, что ты, как чудовище из сказки, один-единёшенек в своём логове.

Глядя мне в глаза, он произнёс: — Я нашёл свою красавицу.

У меня пальцы на ногах подвернулись. Гнев и буйство — вот чего я ждала, а никак не очарования. Взгляд упал на его пухлую нижнюю губу. В которую мне вдруг очень захотелось впиться. На что это будет похоже — целовать такого мужчину? Спать с ним?

Несмотря на то, что я была абсолютно свободна с того момента, как рассталась с бывшим, ни один мужчина меня ещё не заинтересовал.

— Я не преграждаю тебе путь, — заметил русский, — а приглашаю остаться.

— Откуда мне знать, что ты снова не выйдешь из себя, Дмитрий?

Его веки отяжелели, словно он наслаждался тем, как я произнесла его имя. — Я думаю, что смогу держать себя в руках, если буду мотивирован сладкой целью.

— Ты думаешь? — Коротко подстриженные с боков, на макушке его волосы были длиннее. Ветер развеивал эти густые пряди. — То есть, ты не уверен?

— Для меня эта область неизведанна. Но мне уже нравится мой проводник.

Да неужели? Фишка с образом хорошей девочки сработала! Что, если мне удастся разыграть свою первую дойку — и сразу с миллиардером? Я всем дам понять, чего стою! А что самое главное...

Смогу всех *спасти*.

Афера *началась*. — А вдруг я тебе нужна, чтобы другие не липли?

— А вдруг я всем отказал, чтобы дождаться тебя?

Я наклонила голову на бок. — С моей помощью ты можешь заставить кого-то ревновать. — Это бы многое объясняло в его неожиданном внимании.

— Ты уже дважды обвинила меня в том, что я тебя использую. *Ты меня используешь?*

Умник. С таким надо быть осторожной. — Я поднялась сюда, чтобы полюбоваться видом. А ты — турист, который пытается разговорить местную жительницу. — В схеме розыгрыша у нас только что прошёл этап «знакомство».

Я бросила взгляд через плечо, желая, чтобы Пит это видел. *Мне уже слышался в карманах Дмитрия звон монет!* Я окучу русского притворным флиртом, чтобы довести практически до постели.

Это будет идеальная доильная операция, потому что я никогда не теряю над собой контроль в пикантных ситуациях, даже если так требуется по сценарию.

— Ты хочешь к кому-то вернуться? — спросил Дмитрий. — Ты пришла с другим мужчиной?

Разумеется, ревность в его голосе мне просто почудилась. — Меня пригласил ваш VIP-администратор. Питер Валентайн — мой двоюродный брат.

— А, да. Он помог сгладить ситуацию, когда подруга моей золовки чуть не попала за решётку.

Увязавшаяся с ними Джессика была лучшей подругой Натали Севастьяновой — рыжеволосой девушки со степенью кандидата наук.

Мы взбодрились, услышав о проблемах Джессики с законом, надеясь на что-нибудь *пикантное!* Но Пит узнал, что девушка умоляла о «фотке с по-по». Для личного блога.

— Вы, ребята, наверное, веселились на полную катушку, раз в дело вмешался Лос-Анджелесский отдел полиции. — Которые уже махнули рукой на членов нашей семьи и всех наших сообщников.

— Джессика везде притягивает неприятности. — Дмитрий добавил зачарованно: — И всё равно её везде приглашают.

— Думаю, она забавная. Я проходила мимо неё внизу, и она громко гадала, можно ли называть местного сыроеда Веган Лас Веган. — А потом Джессика идеально спародировала Леди Гагу.

— Забавная? — Дмитрий, похоже, обдумывал эту информацию.

— Ага. Пит мне рассказал, как застал Джессику в *мужском* туалете, где она кривлялась и укладывала волосы. Увидев его, она задрала ногу на полку и продемонстрировала свою промежность.

— Мой садовник посоветовал мне стиль а-ля натюрель, — объяснила она, — но я всё ещё сомневаюсь. А ты что думаешь, Питер Дритер? — Она считала, будто он натурал.

Дмитрий быстро кивнул. — Джессика примерно твоего возраста. Возможно, ты

захочешь с ней пообщаться. Я проведу тебя внутрь.

— Стой, я вовсе не хочу быть незваной гостьей. — По его словам выходило, будто мне предстоит официальное знакомство или что-то в таком духе. — Пит сказал, что у вас семейное торжество. — Я прикусила нижнюю губу.

Его глаза сделали небольшое движение. — Да, Натали, жена моего старшего брата, защитила кандидатскую. А средний брат с женой отмечают четыре года со дня свадьбы. — Максимилиан, отошедший от дел политик, и его горячая латиноамериканская наследница — Люсия.

Пит узнал, что эта парочка владела половиной Майями, которую активно перестраивала, параллельно скупая вторую половину. — Это серьёзные поводы. В большинстве случаев сюда приходят отметить получку.

Его взгляд оторвался от моего рта. — Ты и правда говоришь, как местная.

— В третьем поколении. — Мама была продолжательницей длинного рода серийных невест, а папа происходил из династии цирковых артистов. Они ни разу не выезжали за пределы города.

— Чем ты тут занимаешься?

— Разношу напитки внизу. Как и моя сестра. — Надо выяснить, почему он предпочёл меня ей. Мошенники всего города прозвали её «Та Самая», потому что она была той самой женщиной, которая нужна любому мужчине. Даже на счету моей мамы, знаменитой Бриллиантовой Джилл, в прежние дни не было столько окруженных женатиков. — Карин обслуживала ваши столы вчера вечером.

— А если бы там была ты, мы бы встретились на день раньше, — заметил он, словно бы сожалея о таком упущении.

Разыгрывающий Тренер меня вчера просто заменил.

Дмитрий нахмурился. — Надеюсь, мы оставили твоей сестре хорошие чаевые.

— Вполне. — Честно говоря, это был семейный рекорд. Который тоже пойдёт в оплату долга. Вечно этот проклятый долг. Мысль о котором вернула меня к предстоящей задаче. — Я лучше пойду. Может, ещё увидимся.

Его тёплая сильная ладонь стиснула мой локоть.

Я резко выпрямилась, словно от удара током, а по телу разлилось незнакомое ощущение. Волны жара, перемешанные с ознобом? Прежде чем повернуться к нему, я стёрла с лица недоумённое выражение.

Своё же он скрыть не пытался. Глаза прищурились, губы приоткрылись. — Я даже не подозревал, что бывает такая мягкая кожа. Отпустив меня, он провёл по моей обнажённой руке костяшками пальцев.

Я растерянно наблюдала, как, пробудившись от его ласки, моя кожа отзывается лёгким покалыванием. Холодной-как-лёд Вайс было сейчас очень-очень жарко. Глядя на него снизу вверх, я пыталась прочесть ответ в выражении его лица.

У него и правда были восхитительные глаза. С такого близкого расстояния в янтарной радужке были заметны более яркие вкрапления, придававшие его глазам золотистое мерцание.

Я могла бы в них затеряться. Будь он аферистом, стал бы *мачо-меном* — мошенником, который мог манипулировать женщинами одним взглядом.

Склонившись ниже, он поднял руку, чтобы погладить мой подбородок, потом щёку.

— Так невероятно прекрасна, *my angel*.

И что, этот миллиардер сейчас меня поцелует? — Ты ведь игрок, правда? — пробормотала я.

Продолжая ласкать моё лицо, он ответил: — Что значит «игрок»?

— Тот, кто считает женщин взаимозаменяемыми и меняет их, как перчатки. Просто играет ими. — Кто может быть хуже игрока? Игрок-турист.

Дмитрий согнул палец под моим подбородком. — Ты должна знать обо мне две вещи, Виктория. Первое: я буду играть с тобой в игры.

Тепло, распространившееся по всему моему телу, сконцентрировалось точно между бёдер. Я сглотнула. — А вторая вещь, здоровяк?

Обхватив ладонью мой затылок, он притянул меня ближе. Но потом всё-таки заколебался, будто предвкушая, как *будет* меня целовать. — Тебе мои игры понравятся. Наклонившись, он провёл по моей шее тёплыми твёрдыми губами.

Мои веки закрылись, а все органы чувств обострились до предела. Его соблазнительный запах стало просто невозможно сопротивляться. Притягательное тепло его тела теперь казалось жарким, как огонь.

Мысли разбегались во все стороны, но я пыталась вновь обрести контроль. *Потенциальный клиент. Сохраняй голову ясной. Что ты делаешь?*

Я чувствовала его лёгкое дыхание. Губы прикоснулись к моим с такой нежностью, даже... почтительно. Он меня соблазнял.

И это было *бесподобно*.

С начала моей сексуальной жизни я всё ждала, когда же ко мне придёт та самая страсть, о которой столько сказано, написано и спето. Секс мне нравился, но я легко могла обходиться без него целый год. Порой мне казалось, что я вообще не найду тот ключик, который откроет замок и выпустит мою страсть на свободу.

Когда я приоткрыла для него губы, он чуть передвинул свои, и наши языки соприкоснулись. Дыхание перехватило, а моё отрицаемое либидо вдруг пробудилось к жизни. Мог ли вот этот самый мужчина быть моим ключом?

Со стоном он взял моё лицо в ладони и медленно переплёл наши языки.

Я вздрогнула от изумления, вцепившись в его широкие плечи, наслаждаясь ощущением его мышц. Под чашками лифчика без бретелек напряглись соски, а стринги увлажнились.

Его тело было напряжено, но, несмотря на это он продолжал своё постепенное соблазнение.

Мне показалось, он через силу пытался быть со мной нежным; но нежности мне совсем не хотелось. «*Ещё*», молила я про себя.

Но он продолжал свой медленный обжигающий ритуал.

Ещё! Мои ногти вонзились в его плечи, и в тот момент я будто что-то в нём переключила: нежность сменилась дикостью. Он застонал, не отрываясь от моих губ, а его ладони опустились на мою попку, резко прижимая к себе.

Я ахнула, продолжая поцелуй — его член был огромным! Дмитрий нас перемещал? Я вдруг оказалась прижата к стене.

Плотно прижавшись ко мне, он шевелил бёдрами, вдавливая в меня свою эрекцию.

Я дрожала от желания, ощущение огромного бугра, зажатого нашими телами, заставляло меня стонать. Я совсем промокла, киска зудела. Голова кружилась. Хотелось оказаться к нему ещё ближе. Вращая бёдрами, я всосала его язык...

— *Вайс?*

Этот бесподобный поцелуй пришлось прервать. Я упёрлась ладонями в грудь Дмитрия и ощутила, как перекачиваются его мышцы. Жадные пальцы не желали его отпускать, и я уже собиралась вернуться к прерванному занятию...

Пит прочистил горло.

Уронив руки, я выскользнула из объятий Дмитрия, пытаюсь восстановить дыхание.

Но русский не отпустил меня, а вместо этого, развернув, прижал спиной к себе, так что мы оба оказались лицом к Питу. Я вновь залилась краской, ощутив зажатый нашими телами член. Дмитрий по-хозяйски обнял меня — Питер, как ты мог прятать от меня такую красоту?

«Но ведь я бросил к твоим ногам нашу звезду», должно быть подумал Пит. Он держал в руках мою сумочку. — Я даже и не подозревал, что ты заинтересуешься... ею. — Естественно. Он был так поражён, увидев, как мы целуемся, что не сдержался и назвал меня нашим семейным прозвищем.

Дмитрий недоверчиво хмыкнул. — Могло ли быть *по-другому*?

Не забыть спросить у Пита, насколько самодовольной я выглядела в тот момент.

— Тебя ищет Максимилиан, — сказал Пит. — Собираются начинать поздравления.

Дмитрий прижал меня плотнее. — Мы скоро спустимся.

— А может... — в его объятиях я развернулась, чтобы посмотреть в глаза — ...я догоню тебя? Мне надо переговорить с Питом.

Дмитрий бросил взгляд на моего двоюродного брата. Он постарался скрыть реакцию, но лица я читала как настоящий профессионал, замечала любые микро движения. И сейчас Дмитрий был микро раздражён. — Перед уходом... — Из кармана рубашки он достал и вручил мне крошечный телефон. — Я хочу, чтобы ты набрала свой номер.

Я взяла высокотехнологичную вещичку, игриво заметив: — Хм. Не знаю, стоит ли оставлять тебе мой номер. *Я очень хочу, чтобы у тебя был мой номер.*

— Я просто выпытаю его у Питера. За номер Люсии Максим заплатил десять тысяч долларов; будь уверена, что я дам не меньше. — Он смотрел прямо на меня. Как будто использовал магию!

Но этим чарам хотелось подчиниться. Он как будто невольно подыгрывал нам в нашем розыгрыше. Пока я набирала номер, русский подошёл к соседнему столику и взял свой пиджак. Стоя спиной к нам, он надел его, застегнув пуговицу.

Это чтобы прикрыть до сих пор твёрдый член?

Из моей сумочки донеслась мелодия, Дмитрий вернулся, и необычный рингтон заставил его поднять бровь.

— Это «Давай сойдём с ума» Принца и «Революшн» — Ноль реакции. Очевидно, мок любовь к хитам восьмидесятых он не разделял. Я вернула ему телефон.

Поймав мою ладонь, он запечатлел на ней поцелуй.

— Не заставляй меня ждать слишком долго, Виктория. — С этими словами он спустился по лестнице.

Мы с братом молча смотрели друг на друга, пока не остались наедине. — Какого чёрта ты с ним сделала?

Я изучала свои ногти. — Применила старые добрые женские штучки, — невозмутимо

сообщила я, как будто сделала нечто большее, чем просто цеплялась за него изо всех сил.

Даже четыре туза не могли бы перебить поцелуй Дмитрия.

Пит отдал мне сумочку. — Думаешь о дойке, так ведь? Даже учитывая, что ни разу её не разыгрывала? Это не имеет ничего общего с инвестиционными аферами и требует полного эмоционального погружения и вовлечённости. А ты ни разу никого не подцепила даже на одну ночь. — И, скорее для себя, он добавил, — Мы всё ещё можем вовлечь сюда Кэрин. Может, вчера Дмитрий забыл надеть контактные линзы.

Хотя это были в точности мои мысли, я отрезала: — О, да ладно! Я ему *направляюсь*.

— Ты права, права. Но к сексу ты готова?

После такого-то поцелуя? Я в деле! — Готова.

— У тебя ведь было только трое мужчин, — заметил Пит. — И один из них продержался всего пять секунд.

Зря я рассказала братику о Ронни-скоростреле.

— Ты сможешь довести Дмитрия до сексуального иступления, а потом отвергнуть? Свести его с ума так, чтобы он пообещал тебе всё на свете?

Как будто у меня был выбор. Я вздёрнула подбородок. — Я иду на эту вечеринку — разводящей. — Главный игрок аферы. — И сделаю свою работу, так почему бы тебе не заняться своей? — Я буду работать не вслепую, так как успела прочитывать все записи Пита о Севастьяновых, но информация никогда не бывает лишней. — Сколько там телохранителей? — Проклятье всех аферистов.

— Несколько. У Дмитрия и Алекса по двое. Начальник службы безопасности Максима — лысый, Василий. Он может быть источником неприятностей, так что смотри в оба.

— Мы вообще способны пройти их проверку? — Хотя никто из моих родственников приводов в полицию не имел, некоторые наши сообщники отсидели реальный срок.

— Ещё три месяца назад не прошли бы, но Бенджи кое-что поправил. Так что всё может получиться. — Мой приёмный брат — Бен Валентайн (Бенджи Всевидящее Око) — был нашим технарём. — Придётся рискнуть.

— Последние наставления?

— Вся компания любит неприличный — в смысле похабный — юмор. Девушки пьют текилу, мужчины — почти не пьют. Джессика тебя заставит к ним присоединиться. Не трать энергию, пытаясь ей отказать. Просто не забывай закусывать. Если понравиться ей, жизнь сразу покажется легче. Скорее всего, она к тебе прилипнет.

— Будем надеяться, — я читала, что и к женщинам, и к мужчинам она испытывала интерес в равной степени.

— При случае продемонстрируй Люсии свой испанский. Она способна влиять на Дмитрия. А, и если вся компания отправится за покерный стол, не давай им никаких советов. Кроме того, мне кажется, что выигрышные ставки он рассчитывает не хуже тебя.

Да неужели? Это звучало невероятно сексуально. — Кстати, о покере, — я постучала пальцем по подбородку, — может, я раскручу его на ставки?

— Забудь. За столом ты много не выиграешь. А нам нужно сорвать куш.

Он был прав. Я вполне могла зарабатывать игрой на жизнь, но не в тех масштабах, которые нам требовались. Если только заранее не успевала поработать с колодой. — Значит, ты со мной не пойдёшь? — Собственно, я этого и не ожидала. Клиент не расслабится, если поблизости будет маячить родственник мужского пола.

— Буду создавать атмосферу. — Для поддержания романтической обстановки.

Он был способен на всё, начиная от подкупа ди-джея и заканчивая отловом бродячих собак.

— Вайс, эти люди, может, и лохи, но они далеко не глупы. Прислушивайся к своему чутью.

Чутьё афериста было для нас чем-то вроде Силы. Может, тут была замешана мистика, а может наше подсознание получало подсказки в поведении объектов и трансформировало их в интуицию.

В одном я была уверена: моему чутью можно было доверять. Я хрустнула пальцами.

— Понятно. С ясным взором, полными сердцами — не проиграем, верно?

Пит издал длинный страдальческий выдох, и мы направились к лестнице. Спускаясь, он скомандовал персоналу: — Ну-ка, потише.

Ди-джей перестал играть. — Они, скорее всего, уже начали произносить тосты.

В гостиную мы с Питом вошли вместе. Никаких тостов. Все глаза были прикованы... ко мне. Разговоры стихли.

Максим с Люсией и Алекс с Натали разместились на длинном диване. Джессика там тоже была. Все они молча уставились на меня, и остальные гости также последовали их примеру. Стоявший рядом Дмитрий гордо объявил: — Познакомьтесь с Викторией Валентайн. *Она моя пара.*

Со словами «ну, разводящая, они все твои», Пит отчалил. Козёл.

Люсия вскочила с дивана с такой скоростью, что чуть не споткнулась. Эта брюнетка была одета в облегающее платье бронзового оттенка, сочетающегося с цветом её широко распахнутых глаз. Подлетев ко мне, она протянула руку, на которой моё внимание привлекли инкрустированные бриллиантами часы. — *Encantada*, Виктория. Не могу выразить, насколько я рада с тобой познакомиться, — пропела она с заметным акцентом. — Очень-очень рада.

Откуда такое преувеличенное радушие? Можно подумать, Дмитрий раньше никогда не знакомил из с девушками.

— Взаимно, — я пожала её руку.

Натали, рыжеволосая девушка с аппетитными формами в серо-голубом платье тут же оказалась рядом. — Меня зовут Натали. Добро пожаловать на наш праздник! Выпьешь чего-нибудь? Ты просто обязана выпить. Сейчас достану. — Взгляд зелёных глаз обвёл комнату в поисках официанта.

— Э-э... — Большинство гостей продолжало наблюдать за этой странной сценой. Тут же вклинилась черноволосая напористая Джессика, облачённая в плотно облегающий комбинезон, явно дизайнерский. Девушка сунула мне в руку бокал шампанского.

— Я Джесс. Наше знакомство только что изменило всю твою жизнь. Потрясная фигурка, кстати. Я уже поклонница. Это цветные контактные линзы?

Щёки начали пылать. — М-м, нет.

Джессика повернулась к Люсии: — Ну, моя *знойная мамуля*, я тебя бросаю ради этой непробиваемой лисички.

Лисичка? Это мне подходит. Передо мной только что распахнулась дверца курятника.

Люсия прыснула: — Постараюсь с этим смириться, Джезабель.

У меня вырвался нервный смешок, и я кинула взгляд в сторону Дмитрия.

Его обступили братья, и они о чём-то негромко переговаривались по-русски. Но никто не выглядел недовольным — скорее наоборот.

А Дмитрий? Он расправил плечи, и его обжигающий взгляд был открыто прикован ко мне.

Я выдохнула, а потом резко спросила: — Что происходит?

Натали нашла первую. — Точно. Ты же ничего о нас не знаешь, так что это всё немного странно и чересчур, да?

— Самую малость.

Джессика приступила к объяснениям: — За последний год к ногам этого мужчины я кидалась сама и кидала всех знакомых свободных женщин. Но это... — она очертила руками свою потрясающую фигуру, — ...он отверг. Неоднократно. Самый разборчивый человек в мире. А теперь, значит, он глаз не сводит со своей новой «пары». Ты перебила тысячи женщин. Скажи, это было не сложнее, чем глотать?

Я уставилась прямо на неё. — Мы познакомились пятнадцать минут назад.

Джессика кивнула. — За эти пятнадцать минут ты уже глотала?

Должно быть, она шутит. Непристойный юмор, да?

— Не обращай внимания на Джесс, — сказала Натали. — Я бы списала всё на алкоголь,

но она всегда такая.

Когда к нам направились Дмитрий с братьями, Люсия шепнула мне: — А они неплохо все вместе смотрятся, да? — Она вздохнула, — *Tan quapo*. — Такие красавчики.

— *Si que lo son*. — ответила я. Так и есть. Все трое обладали мускулистым телом и ростом под два метра, хотя Дмитрий выглядел чуточку изящнее — и был самым симпатичным.

— *Tu hablas español?* — спросила она вне себя от восторга.

Любой в нашей семье говорил, по крайней мере, на двух языках, поскольку это открывало доступ к большому числу клиентов. — *Sólo lo suficiente para ser peligroso*, — ответила я. Достаточно для того, чтобы представлять опасность.

Дмитрий, подойдя ко мне, представил своих братьев: Алекса, самого старшего с янтарными, как у Дмитрия, глазами, и Максима, с пронзительно голубыми.

— Мы очень рады познакомиться с тобой, Виктория, — сказал Максим. Обняв Люсию, он притянул её ближе, оба как будто лопались от счастья.

Да у нас с Дмитрием был всего *один* поцелуй!

Алекс очутился рядом с Натали, зажав её ручку своей огромной ладонью. — Да, Виктория. Очень-очень приятно.

Я выдавила улыбку. — Взаимно. — Хотя никакого напряжения между Алексом и младшим братом я не чувствовала, язык тел однозначно мне говорил, что Дмитрию ближе Максим.

— Где ты достала это невероятное платье? — спросила Люсия.

— Сама сшила.

Джессика обошла меня по кругу, разглядывая. — Да охренеть. Я в одежде разбираюсь. Это сделано профессионально.

— Спасибо.

Подойдя ближе, Дмитрий обнял меня за плечи. — Она красивая *и* очень талантливая.

Натали и Люсия восхищённо переглянулись.

Это какая-то тонкая издёвка? Нас снимают скрытой камерой? Почему мне так хотелось расслабленно прислониться к Дмитрию и просто наслаждаться?

Мой взгляд метнулся к Питу, который стоял в противоположном конце комнаты. Вид у него был опарашенный, и ровно так же чувствовала себя я.

Я объяснила компании: — Питер — мой двоюродный брат. — *Динь-динь! Я прихожусь родственницей «помощнику»*. Я подняла свой бокал, чтобы сделать глоток.

— Я заметила сходство. С ним я тоже собиралась трахнуться. Ну, теперь всё понятно, — заметила Джессика.

Я поперхнулась шампанским, а затем рассмеялась над абсурдностью ситуации; все подумали, что я смеюсь над Джессикой, и тоже расслабились. *Так, ладно, это действительно происходит*.

— Давайте послушаем мастера тостов, — предложил Дмитрий.

Максим кивнул. — Присаживайтесь.

Когда все занимали места на диване, Люсия предложила: — Мы можем потесниться.

— Не стоит, — ответил Дмитрий. Заняв последний стул, он невозмутимо и по-хозяйски притянул меня к себе на колени.

Пит неподалёку от бара со скоростью света набирал смски нашей семье.

А может, меня и не сглазили! Чёрт, да меня бы здесь вообще не было, если бы Найджел

не сорвался с крючка.

И такой мужчина, как Дмитрий Севастьянов не делал бы знак официанту, чтобы мне принесли новый бокал шампанского.

Я терпеть не могла пить на работе, но какого чёрта... я обменяла пустой бокал на полный. — Спасибо.

Дмитрий взял один и для себя. Наши взгляды встретились. В его гипнотизирующих глазах, казалось, скрывались сотни секретов.

Ну что я за идиотка? Не хватало ещё начать сохнуть по клиенту. Я знала все реплики...

— Хочу, чтобы ты чувствовала себя свободно и просто наслаждалась, — сказал он.

Ха. Эту реплику я не слышала ни разу.

Дмитрий прижал меня плотнее к груди, так что теперь я чувствовала ровные удары его сердца. Он вдохнул аромат моих волос, и его сердце забилося чаще.

— Наш первый поцелуй зажёт во мне огонь. Я отчаянно жажду второго, — пробормотал он мне на ухо.

Его голос заставлял меня таять, звук словно бы проникал прямиком в мою кистку.

— Не стоит заставлять меня ждать слишком долго, *mon angel*.

Ангел? Я вздрогнула, и его член шевельнулся подо мной, однако Дмитрий сохранял спокойствие.

— Думаешь, будет второй? — прошептала я.

— Даже если потребуется сдвинуть небо и землю...

Ох. Сердце заколотилось. У моей аферы имелось очевидное слабое место; разве можно ему отказать?

С завидной лёгкостью Максим начал речь о достижениях и браке, счастье и любви. Он завоевал восхищение всех вокруг — глаза Люсии блеснули? — но Дмитрий настолько заполнил все мои органы чувств, что я едва ли понимала хоть слово.

Приди в себя, Вайс. Веди. Свой. Розыгрыш.

Пару тостов спустя, Максим поднял свой бокал в честь Дмитрия и... меня. — Выпьем за новых друзей. Пусть в нашей семье им всегда будет уютно.

Я подняла свой бокал и сделала глоток, чуть не подавившись, когда заметила лысого Василия. Скрестив на груди огромные руки, он не сводил с меня глаз.

Я сказала себе, что *работа у него такая — быть мудаком. Природа зверя.*

Харизматичный Максим сорвал оvation, и музыка возобновилась. Сквозь толпу гостей сновали официанты, разнося блюда и напитки. Один из них поставил на журнальный столик бутылку текилы с набором стопок и закусками.

Джессика соскользнула с дивана и, встав на колени на пушистом ковре, принялась разливать.

— Ну что, вмажем рок!

Люсия и Натали уселись рядом. — Пошли к нам, блонди.

Так, началось.

— Можешь остаться тут, — произнёс Дмитрий.

Если он чего-то хотел, я не должна была давать ему это *целиком*. — Я на минутку. Выкрутившись из его объятий, я присоединилась к девушкам.

Микро-гримаса.

— Как тебя называют знакомые? Вики или Тори? Наверное, будем звать тебя Тори... — начала Джессика.

— Вайс, — поспешно ответила я. Тори звал меня только мой бывший. Кроме того, Пит уже сболтнул моё прозвище. — Друзья зовут меня Вайс.

— Хочу узнать, почему. — Дмитрий наклонился вперёд, поставив локти на колени. — Это ведь означает на сленге *полицию*. — Похоже, он долго над этим размышлял и теперь был разочарован, что не смог разгадать загадку.

Но, опять-таки, я не собиралась давать ему желаемое. — Хм-м. Может, расскажу попозже.

Полноразмерная гримаса.

— А Пит придёт с нами выпить? — поинтересовалась Люсия.

Брат маячил на периферии, всегда готовый оказать мне любую помощь. — Думаю, он всё ещё занят.

— Так чем ты занимаешься? — спросила Натали.

— Ещё три месяца назад я помогала родителям в бизнесе, связанном с финансовым планированием. Но сейчас с этим тяжело. — Смертельный рынок.

— Мне интересен твой инвестиционный опыт, — сказал Дмитрий. — Возможно, ты подскажешь, как мне выбрать наиболее перспективное вложение.

Сомневаюсь. Мой опыт заключался в умении продавать болванам пакеты акций так, словно они были манной небесной, а не оценивать их прибыльность.

— Боюсь, что этим я больше не занимаюсь. Теперь я официантка этого казино.

— И как тебе сфера обслуживания? — спросила Люсия.

В Вегасе? Да я просто счастлива, когда меня лапают пьяные посетители. Особенно в этом преуспевают женатики!

Пока я придумывала ответ, Натали простонала: — Когда я работала официанткой — это был кошмар. Верный признак: если в ресторане экономят на приборах, то и чаевых там не дождёшься.

Она была официанткой? В записях Пита была сказано, что она выросла на большой ферме в Небраске и несколько лет назад унаследовала огромное состояние.

— Убирать чужие дома мне нравилось больше, чем разносить заказы в коротких топах. Мытьё туалетов казалось даже... чище.

Смеясь вместе с ними, я всё равно гадала, зачем Люсия это делала. В течение многих поколений её богатейшая семья владела огромной территорией флоридского побережья.

Может, на низкооплачиваемую работу их отправляли родители, чтобы они не витали в облаках? Или Севастьяновы специально не раскрывали такую информацию, демонстрируя посторонним только привлекательный фасад. Я взглянула на Дмитрия, обнаружив, что он тоже на меня смотрит.

Технический гений с неограниченными возможностями мог спрятать много грязи. Хм...

— Посетители могли быть совершенно дебильными, — сказала Натали, привлекая моё внимание. — Ты когда-нибудь видела, чтобы парень заказывал «Космополитен» и просил принести его в «мужском стакане»?

— Да! И ещё там всегда кто-нибудь крикнет «Нет, тебе хватит!»

— Да, мне такое тоже говорили! — рассмеялась Натали.

Дмитрий не смеялся, но в качестве признака будущей улыбки один уголок его рта изогнулся. Значит, он доволен? Выглядело так, будто ему всё это было... в новинку.

Джессика раздала всем девушкам рюмки. Как только мы экипировались солью с

лимоном, она провозгласила: — Так, дамочки, готовьте печень. Теперь наша очередь переходить к жареным тостам.

Что-что?

Натали подняла рюмку и подмигнула Люсии. — Выпьем за три разновидности оргазмов. Священный: «О, Боже, о, Боже, о, Боже». Одобряющий: «О, да, о, да, о, да». И притворный «О, Макс, о, Макс, о, Макс».

Люсия с Максимом так искренне расхохотались, что стало сразу понятно: с сексом у них всё замечательно. Люсия лукаво улыбнулась: — За Натали.

*И пусть не девственна давно,
Но есть куда залить вино!*

Я прыснула, но потом поняла, что от меня они тоже будут ждать ждуть тоста. Раньше я всегда поднимала бокал в честь Госпожи Удачи, но сейчас от меня ждали чего-нибудь *жареного*... Лимерики мне всегда нравились, один раз я даже выиграла соответствующий конкурс, так что и сейчас попыталась сочинить что-нибудь экспромтом.

— Этот для моей Вайс-Вайс Бейби. — Джессика выразительно на меня посмотрела. — За одиночек, в чьих глазах двоится, в постели — троится... а при оргазме множится.

Я все ещё хихикала, когда все повернулись ко мне. Свой бокал я подняла для Джессики и произнесла, имитируя ирландский акцент:

*Красотка Джесс всегда одета супер,
И может до утра сосать член.
А сколько раз она давала в клубе
Вставая иногда с колен?*

Джессика загоготала. Натали и Люсия взвыли. Алекс и Максим чуть не лопнули от смеха.

Дмитрий не смеялся, но уголок рта изогнулся вновь, а по обе стороны от глаз проявились небольшие морщинки.

Но даже такая микро-реакция, казалось, всех порадовала — и удивила.

— Лизнуть — опрокинуть — куснуть, сученьки! — скомандовала Джессика.

После этой рюмки вечеринка набрала обороты. Несмотря на взгляды, которые время от времени кидал на меня Василий, я прекрасно проводила время. Даже пришлось напомнить себе, что я на работе — дело прежде всего.

Дмитрий был неизменно внимателен, всякий раз спрашивая, удобно ли мне и не нужно ли чего-нибудь. Как только он выяснил, какой у меня любимый коктейль, поблизости всегда находились ром и кока-кола.

Джесс была единственной в своём роде, но Люсия и Нэт тоже были нереально круты. Я просто с ума сходила от того, насколько крепко они привязали к себе мужей. Слово «преданность» и близко не описывало их отношения.

Если Нэт отходила от Алекса, он неотрывно следовал за ней взглядом, считая каждую секунду, которую она проводила вдали от него. Максим всё время касался Люсии, и часто шептал ей что-то такое, от чего её глаза начинали блестеть.

Мы с сестрой придумали теорию, по которой достойных мужиков на этой планете было всего три процента. А как же иначе можно было сравнить тех ублюдков, которых мы встречали по работе, с прекрасными мужчинами в нашей семье и среди доверенных лиц?

Относились ли к этим трём процентам и Севастьяновы?

Максим был самым очаровательным из трёх, уверенным и дружелюбным. Алекс казался

более замкнутым и напряжённым. Он смеялся вместе со всеми, но был не слишком разговорчив.

Дмитрий тоже в основном молчал, каталогизируя, словно компьютер, всю поступающую от меня информацию...

Полуночное световое шоу в Кали только что подошло к концу, когда Максим поцеловал Люсию в макушку и поднялся. — Думаю, нам с братьями пора выкурить по сигаре. Алекс встал, но Дмитрий остался сидеть.

— Пойдём, Дима, дай им выпить очередную рюмку без нас, — сказал Максим, добавив что-то по-русски.

Сдавшись, Дмитрий тоже поднялся. Но предупредил девушек: — Только попробуйте её отпугнуть.

Они рассмеялись, но мне его тон не показался игривым. Мне послышалось *«только попробуйте, мать вашу, её отпугнуть»*.

Как только братья вышли, вопросы на меня посыпались градом. — Ну и что ты думаешь? Пойдёшь с ним на свидание снова? Каковы твои планы и можно ли нам организовать групповушку на троих?

Последний вопрос был от Джесс.

— Мне он кажется... милым. — Начала я. — Он не предлагал, но я, возможно, пошла бы с ним на второе свидание. Групповушки не по мне, и у меня пока нет никаких планов.

Натали нахмурилась. — Но он тебе понравился, так?

От его запаха я впадала в нирвану. От его тела приходила в возбуждение. Его язык я могла сосать часами.

Я решила ответить уклончиво: — Я ведь местная. И знаю, что лучше не связываться с туристами. — Так оно и было. Что бы они ни говорили, они всегда потом уезжали. *Мужчины и их обещания.*

Люсия пригладила на плече длинную блестящую копну волос. — Дмитрию ты вправду понравилась. Подобные вечеринки для него — это особенная разновидность ада, но он всё равно остался, потому что ты здесь веселилась.

— Ему не нравятся вечеринки?

— Он больше одиночка по натуре. Эта толпа была для него настоящим испытанием. — Почти обращаясь к самой себе, она добавила: — Я очень удивилась, когда он посоветовал нам организовать праздник в Вегасе.

Я потягивала напиток и запоминала новую информацию. — Странно, что у него нет пары.

Джесс фыркнула. — Несмотря на все мои старания. — Она вновь наполнила рюмки. — Но теперь я могу отдохнуть.

Типа, теперь пара у него появилась? — Это всё произошло так быстро.

— Хочешь, я открою секрет? — икнув, спросила Натали. *Ну разумеется, дорогая кандидат наук.* — Такие уж в этой семье мужчины. Алекс сказал, будто понял, что я буду его женой, с первого взгляда.

Минутку, она и правда использовала слово *«жена»* в предложении, отдалённо имеющим отношение ко мне?

Люсия кивнула. — *Максим* сказал, что как только он подошёл достаточно близко, чтобы рассмотреть мои веснушки, он понял, что «погиб». Конечно, нам надо было многое утрясти. Но суть в том, что уже через полчаса он знал, что я — его.

Джесс так вообще выложила всё напрямую. — Дмитрий смотрит на тебя так, словно тонул все эти годы, а теперь нашёл свой спасательный круг. Очередной Севастьянов попал с первого взгляда. Ставлю на услуги сервиса по организации свадьбы! — Она затянула: — «Сказка о любви

Древняя как жизнь»

Мог ли шикарный миллиардер по-настоящему *меня захотеть*? Или, что вероятнее, эти богатые дамочки сбрендили?

Глупышка-Вайс. Каждый мошенник знает, стоит только выпустить синицу из рук, как госпожа Удача тут же погрозит тебе пальцем.

Отсюда урок.

Даже не думай дотянуться до звёзд.

Мы с Питом стояли в коридоре и шипели друг на друга, словно две кошки.

— Они над тобой стебуются? — спрашивал он. — В игры играют или что? Богатые лохи всегда с причудами.

— Да! Наверное, так и есть. — Вернувшись с террасы (буквально каких-то десять минут спустя) Дмитрий, казалось, был настроен ещё более решительно удовлетворить любой мой каприз, угощая напитками и деликатесами.

Официанты стали обращаться со мной так, словно я была одной из гостей этого фантастического пентхауса!

— У Севастьяновых вот такие вот шутки, — полупрошептала полупрошипела я. — Развлекать себя общением с быдлом. — Богачи и мошенники всегда были словно кошки и собаки. — Пора валить.

— А если это не шутки? Понимаешь, что это может значить?

Я поправила ремешок сумочки на плече. — Что зря я, наверное, стащила у Люсии часы. — Вообще-то, мы не являлись карманниками в прямом смысле слова. И я ещё ни разу ничего не крада у такой милой девушки.

С праведников тоже можно кое-что поиметь?

— Вайс!

— Я хочу внести свой вклад, и даже с учётом перепродажной цены часы потянут на двести пятьдесят тысяч. — Моя сумочка имела двойное дно, где часы сейчас и лежали. — Лучше подстраховаться, верно? Там все так накачались, что она просто подумает, будто потеряла их. — В этом прелесть Вегаса. Клиенты прибывали каждый день, чтобы в одних шортах нырнуть в бассейн с акулами. А потом всегда уезжали, и значит мы могли оставаться.

— Ты тоже выпила, — заметил Пит. — Кто-нибудь мог заметить, как ты стащила часы.

— Телохранители в мою сторону больше не смотрят. — А Василий исчез. *Очень удачно.* Можно было бы наведаться в любой номер, и никто бы мне слова не сказал. — К тому же, сам бы попробовал сообщить Джесс, что отказываешься от шестой рюмки текилы.

— Теперь она Джесс? А Натали — Нэт? А ты — старая добрая Вайс, отважная официантка с золотым сердцем? — Он едва слышно выругался. — Я что, должен тебе напоминать? Мы не такие, как они. Мы — из другого теста...

Монотонно я повторила фразу, которую слышала всю свою жизнь: — Мы последние представители создателей многоходовок, аристократия мошенников. Зарабатываем на жизнь собственным умом под покровительством госпожи Удачи. Мы способны обмануть всех, кроме судьбы...

— И ты вот с ними путаешься? Мы *не путаемся* с лохами. — Изобразив озарение, он добавил: — Чёрт, да ведь ты уже так делала.

Мой бывший жених. Тот, кто меня предал. И до сих пор пытался меня вернуть.

— Удар ниже пояса, Пит.

— Я пытаюсь вернуть твои мысли в игру. Я видел, как ты смотрела на Дмитрия, словно вы созданы друг для друга. Чтобы манипулировать таким парнем, ты должна быть хладнокровной.

— Ты прав. О чём я только думала? — Я покачнулась на каблуках, алкоголь со всего

маху ударил в голову.

— Ещё не поздно всё поправить. Вайс, мы же можем подцепить его. Моби Дика среди китов.

Но никому ещё не удалось подцепить Моби Дика! — Так, всё! Надо придумать, как ввести сюда Кэрин в качестве разводящей. Она просто верняк. Куш слишком большой, чтобы испортить дело, а меня сглазили! — Пит был прав, инвестиционные аферы были куда проще. Моя тема — это жадные любители отмывать доходы или уклонисты от налогов!

Пит покачал головой. — Я видел, как он на тебя смотрел. Не могу это описать, но он выглядит так, будто уже зависим от тебя. Никого другого он не примет. Поверь мне. — Эта фраза заставила нас обоих усмехнуться.

Честно говоря, в нашей огромной семье каждому можно было верить примерно наполовину.

— Так ты поддержишь мою игру там? — спросила я. — Поддержишь меня?

— Полностью. Чёрт, у вас же только что состоялось знакомство. — Он поскрёб подбородок. — Лучше б настроение у тебя было позажигательнее, а сама бы ты не была так вымотана за прошедшую неделю...

— Да ладно!

— Надо было обеспечить тебя телефонным сканером. — Это позволило бы нам видеть все смс-ки и письма Дмитрия, а также отслеживать посещаемые с телефона сайты. — Он ведь дал тебе свой телефон и отвернулся. — Пит был крайне недоволен. — Ну, сам виноват. — Больше, чем на нас, мой брат злился только на самого себя.

— Времени было слишком мало, — уверила я. — Даже если бы его отвлекли, я бы всё равно не успела.

— Кстати, о времени... Как ты объяснила Дмитрию, куда идёшь?

— Я включила на телефоне приложение «срочный звонок» и сказала, что мне обязательно надо ответить. Пора назад. — И ещё очень хотелось пописать.

— Моя смена на сегодня окончена. — Вечеринка подходила к концу. — Если останусь и не присоединюсь к вам — это будет выглядеть странно. Сама справишься?

Я вздёрнула подбородок. — Всё под контролем. — *Прошу тебя, госпожа Удача, не дай мне облажаться!*

— Если что — пиши смс. Будь начеку, Вайс. И помни: мы и они — разные.

Тогда почему с ними я чувствовала себя как дома?

Когда я вернулась, Джесс, Нэт и Люсия болтали с Дмитрием. Он явно нервничал и подёргивал ногой.

— С тех пор, как ты помирился со старшим братом, я всё время пыталась тебя с кем-нибудь свести, — язык у Джесс заплетался. — Даже зная, что ты был моим единственным шансом попасть в Цирк дю Членей.

Помирился? Цирк дю Членей? Я отступила обратно в коридор, прислушиваясь.

— Оче-ви-идно, я в этом преуспела, поскольку гениально пригласила на нашу небольшую вечеринку *каждого* местного вегана.

Нэт снова икнула. — Совет племени вынес решение, Дмитрий. Можешь оставить Вайс.

— Она нам очень понравилась, — добавила Люсия.

— У неё такие понимающие глаза, которые много всего такого повидали, но с другой стороны, она *краснеет*. Чем и сводит меня с ума! Если её не займёшь ты — это сделаю я, — пообещала Джесс.

— Может, проблема в другом, — сказал Дмитрий. — Может, вопрос в том, оставит ли она меня.

В груди всё сжалось от страха. Они надо мной не стебались. Они решили, что я отличная девчонка, понимающая их юмор и готовая наравне с ними пить. Я прекрасно вписалась в их компанию и замечательно со всеми поладила.

Разве можно быть такими доверчивыми? Понятия не имея, кто я, они уже готовы были впустить меня в свою жизнь?

Я украла часы, которые можно загнать за четверть миллиона, и сделала бы так снова. А уж возможности, которые открывали передо мной гостевые спальни — Господи Боже.

Хотелось их встряхнуть. *Глупые богатеи.*

Неужели они не видят, что я — фальшивка?

Уставившись в потолок, мыслями я вернулась в своё раннее детство. Расстроенная и смущённая, я спрашивала маму: — Лохи любят повторять «если что-то выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой, значит всё так и есть». Это должно было быть *нашим* секретом, но известно каждому и повторяется из уст в уста. Так почему они к этому не прислушиваются?

— Жадность в них заглушает голос разума, — отвечала моя прекрасная мама. — Вайс, всегда помни, что мы продаём сказки. А сказок не бывает.

Когда я выходила из гостевой ванной комнаты, Дмитрий шёл по коридору прямо на меня с решимостью на лице

Что он задумал?

Господи, а он и правда огромен. Инстинктивно я отступила назад, тем самым очутившись в замкнутом пространстве. Но когда он закрыл и запер за собой дверь, я не ощутила никакого беспокойства; я ощутила волнение... и предвкушение.

Что он намерен делать? Разумеется, мы не первые незнакомцы в Вегасе, которые заперлись вдвоём в туалете.

Стоит ли мне придерживаться сценария?

Может и так, но поломаться не помешает. — Дмитрий, я не из тех, кто может перепихнуться в туалете.

— Я знаю.

— Но всё равно хочешь этим заняться?

Он взял мою сумочку и отставил в сторону.

Видимо, да.

— Я не собираюсь заниматься с тобой сексом.

— Я понял. Распусти свои прекрасные волосы.

Поколебавшись, я вытащила из причёски шпильку, и волосы каскадом осыпались на плечи. Они слегка вились и от каких-то норвежских предков унаследовали платиновый оттенок.

Дмитрий зачарованно пропускал их сквозь пальцы. — Словно шёлк, — рассеянно сказал он, будто не подозревая, что говорит вслух. — Хотел бы я видеть, как эти волосы раскинутся на моей кровати.

Всё может быть.

Кончики волос он обернул вокруг кулака, а затем нагнулся ко мне, чтобы провести губами вдоль шеи. Меня коснулся его язык, и удовольствие оказалось таким сильным, что я не сдержала тихий стон. Для равновесия пришлось вцепиться руками в его плечи.

— Хочу второй поцелуй. — Он прикоснулся губами к моему рту. Один раз, другой... Его язык проник внутрь.

Где встретился с моим, и всем телом я ощутила волну жара.

Он застонал, не отрываясь от моих губ, углубляя поцелуй. Наши языки переплелись, я почувствовала, как грудь заныла, а трусики — увлажнились. Когда он отстранился, я уже тяжело дышала.

Золото его глаз теперь казалось темнее от страсти, приобретя совершенно янтарный оттенок. — Как много всего я хочу с тобой сделать, — в голосе слышалась хрипотца. Он выпустил мои волосы. — Встань лицом к зеркалу.

— Извини? — он привёл мои мысли в замешательство.

— Я буду тебе приказывать. А ты, если подчинишься, будешь вознаграждена.

Он предупреждал, что будет играть в игры. — Не знаю, — пробормотала я, демонстрируя сомнение, прежде чем согласиться. В розыгрыше я должна была воплощать его мечты — до известного предела. Дразня и редко доводя до секса.

— Развернись. — Кипящее желание во взгляде заставило меня подчиниться.

Повернувшись и взглянув на своё отражение, я думала, что увижу замешательство на своём лице. Вместо этого я столкнулась с собственным возбуждением. Неужели мне *нравилось*, когда мной командовали?

— Подними для меня подол платья.

На мне были только кружевные стринги. Я закусила губу.

— Ты же хочешь продемонстрировать мне своё тело.

Я хотела. Вправду хотела.

Нет, это всё действие текилы! В голове была только одна мысль: *дай ему всё, что он хочет*.

— Давай. *Сейчас*. — Его властный голос лишал меня присутствия духа — и возбуждал.

С бьющимся сердцем я ухватила краешек платья и стала тянуть его вверх. Ожидание смущения — вместе с желанием прикрыться — померкли.

Почему-то мне очень хотелось, чтобы он увидел мою попку и промокшие трусики. Но подол платья к талии я поднимала не спеша.

Он со свистом втянул воздух, пожирая глазами мои округлости.

Моё лицо пылало. Мысли в голове запутались настолько, что даже моё смущение вызвало новый прилив влаги. И счастья. Даже эйфории. Мои губы изогнулись.

— Улыбка победительницы, да, Виктория? Так и должно быть. Я просто погибаю. Если когда-нибудь ты поймёшь, как сильно меня к тебе тянет — я обречён.

— Обречён на что? — Я смотрела на него в зеркале.

Член дёрнулся у него в штанах. — На всё, чего пожелает моя Виктория.

Это материальный мир, русский.

— Не опускай платье. — Положив ладони на мою попку, он принялся массировать ягодицы, разводя их в стороны. Это была не просто ласка. Он изучал меня, глаза светились любопытством. Мальчик с новой игрушкой.

Его руки стиснули мою талию, и, наклонив голову вниз, он наблюдал, как его бёдра толкаются в меня. Из его груди вырывались низкие протяжные звуки.

Я резко вздохнула. Его возбуждение и желание разжигали внутри меня пожар, но я всё равно уточнила: — Без секса, да? — Я не думала, что смогла бы физически *принять* в себя его член. По крайней мере без подготовки.

Наши взгляды встретились в зеркале. — Я не собираюсь пока тебя трахать. — Погоди-ка, «пока»? — Сними платье. Хочу увидеть всё твоё тело.

А он, значит, будет одет? — С чего бы?

Он наградил меня своим гипнотизирующим взглядом. — Потому что, красавица, ничего приятнее в этой жизни я ещё не делал, и ради того, чтобы это длилось дольше, я готов на всё.

Он не... он не лгал?

Я обнаружила, что уже расстёгиваю боковую молнию платья. Стянув его, я осталась лишь в лифчике, трусиках и на каблуках.

— *Виктория*, — пророкотал он. Его взгляд опустился вниз, а потом переместился на моё отражение в зеркале. — Женщина, что за сокровища ты скрывала. — Чувствовалось, что он начинает терять контроль.

Что будет, если он потеряет его окончательно?

Он провёл кончиками пальцев вдоль, вызвав во мне дрожь. — Твоя спина так чувствительна?

Я и не знала. Что этот мужчина со мной творит? Его рука продолжила движение вниз,

пальцы скользнули по ягодицам. Которые я, не подумав, тут же приподняла, следуя за его прикосновением.

— Отзывчивая.

По его описанию я выходила какой-то развратной штучкой, а я такой вовсе не была. Обычно.

Вдруг этот мужчина действительно обладал ключом? Ключом ко мне?

Русский встал на одно колено и скользнул ладонями по моим ногам так, словно я была ценным трофеем, а он намеревался воздать должное каждому сантиметру моего тела. Он помассировал бёдра, целуя их с каждой стороны. Поднимаясь на ноги, прижался губами сначала к одной половинке попки, потом — к другой.

Отражение показывало, с каким трудом я пыталась удержать глаза открытыми...

Он меня укусил!

Я ойкнула, но мне, скорее, понравилось.

Он проложил дорожку из поцелуев вдоль моей спины. — Твоего тела мне всегда будет мало. Ткнувшись носом мне в ухо, Дмитрий расстегнул застёжку лифчика. Я поймала его, прижав к удивительно набухшей груди. — Не уверена, что мне стоит оставаться в одних лишь трусиках, пока ты полностью одет. — В медовых ловушках необходимо было подразнить, а не бросаться сразу выполнять любое желание клиента.

Он не стал приказывать опустить лифчик, вместо этого поднял мои волосы вверх и провёл губами вдоль шеи, заставив меня вздрогнуть. Его горячее дыхание и твёрдые губы перебороли моё сопротивление. Его реакция на моё тело просто завораживала. Каждое прикосновение побуждало ещё сильнее открыться перед этим странным мужчиной, выставить ноющую грудь напоказ и выпятить попку.

— Виктория, ты должна показать мне все свои сокровища, пока я достаточно себя контролирую, чтобы насладиться этим зрелищем. — Он развернул меня лицом к себе. Я позволила его чарам меня захватить и отпустила лифчик.

Вниз он не смотрел. Пока. Он подарил моим губам короткий поцелуй — одобрение? — и лишь *потом* опустил взгляд.

Его реакция стоила моего румянца. Он зажмурился, потом вновь открыл глаза, словно ждал, что я — или моя грудь — сейчас исчезнут. Хрипло произнёс:

— Никогда не видел такого совершенства, — в его взгляде сквозило вожделение и страстное любопытство, словно ему *до боли* хотелось узнать, какая же я под одеждой.

Внезапно русский приподнял меня и усадил на мраморный прилавок, а сам протиснулся между моих колен. Его кадык подпрыгнул, когда он двумя руками потянулся к груди.

Контакт.

Из его лёгких вырвался судорожный выдох, я застонала, выгибаясь к его ладоням.

— Готов кончить в штаны от одного только прикосновения. Его огромный член упирался в материю брюк, стремясь вырваться на свободу.

Я протянула к нему руку, желая приласкать, понять, как заставить его стонать...

— А-а. Не сейчас. Руки на прилавок.

Я нерешительно подчинилась, и его указательный палец обвёл один тугой сосок. Потом снова. И снова. С постоянной сводящей с ума скоростью.

Одновременно вместе с сосками начал пульсировать клитор. — О, Боже, — прошептала я. Голова запрокинулась назад, его ладонь обняла мою шею, удерживая меня на месте. — Дмитрий... — Это было похоже на... похоже на *поклонение*.

Надавив второй ладонью на спину, он заставил меня выгнуться ещё сильнее. Наклонившись, потёрся щекой о мою грудь.

Я чувствовала его низкий утробный рык. Задыхаясь, наблюдала, как он, словно забывшись, тыкался носом в мою грудь.

Соска коснулось горячее дыхание, а потом... язык.

— Да! — Я запустила пальцы в его густые чёрные волосы, стиснув голову, без конца повторяя его имя.

— Тебе нравится то, что я с тобой делаю. — Я могла поклясться, что, зарывшись в мою грудь, он улыбался.

Мне так хотелось увидеть его улыбку! Но эта мысль исчезла, как только он губами всосал кончик соска.

Я воспарила! Горячим ртом и сильным языком он дразнил мой сосок. Прикосновение зубов заставило меня всхлипнуть. Потом он точно так же позаботился и о втором соске. Смогу ли я от этого кончить?

Он сосал голодными рывками. Мои глаза сначала широко распахнулись, а затем захлопнулись. Пространство вокруг было заполнено звуками.

Музыка из пентхауса. Мои отчаянные и его блаженные стоны. Влажные чмокающие звуки, издаваемые его ртом.

Отстранился он слишком скоро.

— Оттяни трусики в сторону.

Задыхаясь, я спросила: — Почему раздеваюсь только я? — У меня была полубразильская эпиляция, которая оставляла тоненькую дорожку из волос на лобке. Интересно, ему понравится?

Он изогнул бровь. — Хочешь, чтобы я лишился всего до нитки?

Игра слов? Превосходно!

— А может, тебе понравится быть голой рядом с полностью одетым мужчиной.

Идея казалась извращённой, ведь я буду так уязвима. Можно ли решиться на подобное с незнакомцем?

— Покажи, как сильно ты промокла, Виктория.

Я нервно сглотнула, но всё-таки оттянула стринги в сторону. Нижних губок коснулся прохладный воздух.

Он что-то резко выкрикнул по-русски и уставился на мою киску так, словно ему явилось откровение, светоч всей его жизни. Этот взгляд заставил меня трепетать. Нахмурившись, он нежно провёл костяшками пальцев вдоль губ. — Такая прекрасная. Такая аппетитная.

Прекрасная. Аппетитная.

— Только посмотрите на эти светлые волоски. Я рад, что ты немного оставила. — Он раздвинул складки. — А! Ты просто *сочишься*.

Моё лицо пылало. Ещё никогда я не чувствовала себя такой беззащитной.

И от этого текла ещё сильнее.

Его руки дрожали, когда он, запинаясь, произнёс: — Не думал, что член может так сильно болеть.

И начал прокладывать по моему телу дорожку из поцелуев вниз.

Взмах языка в ложбинке между грудей. Ещё один — над пупком.

— Ух, ты. Что ты собираешься делать? — Свой голос я едва узнавала.

Промокшие трусики он стянул до колен. — Должен тебя попробовать.

Мои ладони упёрлись в его голову. — Стой, лучше не надо. Вообще-то я не любительница. — Таким способом я кончить не могла, а парни, похоже, думали, что опозорятся, если не доведут меня до оргазма. Их настойчивость всё только портила.

Но я не собиралась совсем отталкивать Дмитрия. — Я компенсирую тебе это ртом.

Он прищурился. — К этому мы вскоре вернёмся. — Он начал массировать мою киску, накрыв ладонью.

Что *это* значит? Я не могла думать, когда он меня так ласкал — будто свою собственность.

— Просто... я не очень это люблю.

— Полюбишь, когда это сделаю я. — Его уверенность меня почти убедила. Он поднял вверх покрытые блестящим соком пальцы. — Вкус будущего удовольствия. — Затем их облизал.

Снова игра слов! *Будущее* удовольствие.

Попробовав мою влагу, он закатил глаза. — Это охуенно! — Он обсасывал пальцы, словно ему всё было мало.

Одно это зрелище заставило меня всхлипнуть. — *Дмитрий*.

Застонав, он вытащил пальцы. — Раз ты меня такого лишила, придётся тебя наказать.

— Наказать?

Он поставил меня на ноги и вновь развернул лицом к зеркалу. — Раздвинь ноги и упрись ладонями в прилавок. Не убирай их оттуда.

Я колебалась отчасти из-за розыгрыша, отчасти из-за волнения. Но раздвинув ноги, со спущенными до колен трусиками, я поставила руки на прилавок.

Его ладонь с треском опустилась на мою попку.

Осознание приходило медленно. Он меня... *шлёпнул*? Блин, меня только что шлёпнули! Но я совсем не по *этой* части.

Однако довести его до сексуального исступления было моей работой; если порка разжигала в нём огонь, значит, придётся терпеть.

Новый шлепок. Звук от него казался до смешного громким.

Я сжала зубы и смирилась с судьбой.

Шлепок! Его пальцы оплели моё горло, удерживая на месте. *Шлепок!*

Жар от ягодич распространялся по спине, по ногам и к моей... киске. Я наконец-то начала понимать суть этого странного действия. Внутреннее сопротивление пошатнулось.

Он, должно быть, это почувствовал. — Вот так, — в его голосе звучало мрачное благоговение. — Подчинись мне.

Подчинись... От этого слова всё внутри сладко сжалось. Груды подпрыгивали с каждым шлепком, и мне нравился взгляд, которым он наблюдал за ними в зеркале. Соски ещё никогда не были такими твёрдыми, клитор пульсировал.

— Только посмотри, как ты встречаешь мои удары.

Я задирала зад, чтобы получить ещё! Да что со мной такое? Как будто в голове впервые включилась какая-то новая электрическая схема.

И сделал всё именно этот мужчина. *Ключ*.

— Хочешь ещё? — его голос отдавался прямо в моем лоне.

Я должна была узнать, что он сделает дальше! Он сказал, что не будет меня трахать. А всё остальное прекрасно вписывалось в розыгрыш... с миллиардером в роли клиента! — Да!

Свободной рукой он жёстко обхватил мою промежность. — Такая влажная! Похоже,

моей красавице нужно кончить.

Это шокирующее прикосновение заставило меня со свистом втянуть воздух. — Дмитрий, я больше не выдержу!

Его тело дрожало, под одеждой бугрились мускулы. — А *это* выдержишь? — Его ладонь завибрировала прямо на моей киске.

— Бо-же мой! — Спина выгнулась, соски болезненно напряглись. Расставленные ноги дёргались, попка тряслась.

Он вновь по ней шлёпнул. Удар натолкнул клитор на вибрирующую ладонь. Давление нарастало. Если он не прекратит меня шлёпать, я кончу прямо в его ладонь.

— *Ещё.*

Новый удар направил меня в ждущие объятья.

Чувствуя приближение оргазма, я неотрывно смотрела в его глаза. — Пожалуйста...

Очередной шлепок.

— Что ты со мной *делаешь*? — ошарашенно шептала я.

— Хочу, чтобы тебе было хорошо, и чтобы ты всё время возвращалась ко мне за добавкой.

Хорошо? Да я готова была на стены лезть! — Пожалуйста, дай мне кончить!

— Покажи, как сильно тебе это нужно. С помощью моей руки. — И ладонь, на которой я только что не висела, вдруг замерла.

Он почти довёл меня до пика, а затем поднял ставки. Смогу ли я принять новые правила? Как же неловко будет тереться клитором о его ладонь. Размазать свой сок по его пальцам.

— Подчинись мне. — Он убрал руку, которая удерживала мою попку. Хотел, чтобы я всё сделала сама?

Я ещё никогда не чувствовала себя настолько не в своей власти. Зачем я борюсь с переполняющим меня желанием подчиниться? Я просто должна получить свой оргазм от этой ладони!

— Ты ведь хочешь этого, красотка. — Меня гипнотизировали эти янтарные глаза.

Хочу ли? Смогу ли? Когда я приняла правду, лицо вспыхнуло.

Я позволила чарам окутать меня, и начала двигать бёдрами.

— Вот так, — прошипел он. — Это я и хотел увидеть.

У меня подвернулись пальцы на ногах. — Так хорошо... так хорошо... так хорошо, — я тёрлась о его ладонь, а мой взгляд под отяжелевшими веками опустился вниз. И когда я увидела, что его огромный член грозит вырваться на свободу, любые мысли о сопротивлении испарились. — Я передумала! Резинка с собой?

Он застонал. — Готов убить, чтобы тебя трахнуть. Ещё никогда не был таким твёрдым. — Основание его ладони прошлось по бугру на штанах. На материале проступило пятнышко смазки. Именно это должно было оказаться у меня на языке. — Но я пообещал, что не сделаю этого. Почему его сейчас это волнует?

— Я *хочу*, чтобы ты меня трахнул, Дмитрий... я чувствую, что теряю голову!

Он яростно оскалил белоснежные зубы. — Именно *так* тыводишь меня с ума с самого первого раза, когда я тебя увидел! — Встав сзади, он принялся толкаться членом в мою пылающую попку.

Я вскрикнула, когда кожу обожгла ткань его брюк.

— Ты ведь кончишь сейчас для меня, Вика? — Он опять толкнулся вперёд, пока я

продолжала насаживаться на его ладонь.

— Я уже близко! — Как он меня назвал? Вика? — Уже *близко*... — Мои веки закрылись.

— А-а. Смотри на меня, когда будешь кончать.

Я открыла глаза. Задыхаясь, уставилась на его отражение в зеркале, теряясь в этом пронизывающем взгляде. Мои бедра отчаянно крутились, тело сжалось, готовясь к кульминации.

— *О, Боже!*

— А теперь, красавица, скажи «пожалуйста». Зажатый нашими телами член набух ещё сильнее.

Я на всё была готова. — Пожалуйста!

— Тогда *кончай*. — Его ладонь вновь завибрировала, а бедра накатились на мою бедную задницу.

Достигнув пика, я завизжала, беспомощно прижимаясь к его горячей ладони. Перед глазами всё поплыло. Тело передёрнуло, грудь затряслась.

Меня переполнило наслаждение, и я без остановки продолжала кончать для этого мужчины...

Он и я — мы вместе подвели меня к оргазму, сильнее которого я ещё не испытывала. Спустя некоторое время, я успокоилась и обмякла в его объятьях. Он убрал ладонь. — Не могу терпеть... сейчас кончу! — Послышался звук расстёгиваемой молнии.

Развернувшись, я чуть не упала, когда он высвобождал мощную эрекцию. Открывшаяся картина заставила меня ахнуть.

Дмитрий носил пирсинг! Головку насквозь пронзало кольцо — пирсинг «принца Альберта». — Боже, у тебя такой сексуальный член!

Толстый ствол обвивали вены, кожа на головке была туго натянута. Я перекатила во рту языком, когда на проколотой вершинке выступила капелька смазки.

Он толкнул бедра, пронзая воздух между нами. — Я *чувствую* членом твой взгляд!

— Дмитрий, мне нужно тебя пососать, — намереваясь воздать ему должное, я упала на колени на коврик.

— Женщина! Сводишь меня с ума сильнее, чем я есть!

Я обхватила руками член, который дёрнулся в моей ладони. Потом наклонилась для поцелуя, но Дмитрий удержал мой подбородок.

— Не смогу сдержать сперму! Смотри на меня, *angel*. Удержи меня.

Удержать? Зачарованная им, я кивнула, принимаясь двигать рукой вдоль члена. Его взгляд из-под полуприкрытых век был направлен мне прямо в глаза. Он ни разу не отвёл взгляд. Даже когда из его лёгких вырвался вопль. Даже когда я почувствовала на груди первые струи обжигающего семени.

Его массивное тело, пленённое в моих руках, неконтролируемо тряслось. Вытаращив глаза, я продолжала его доить, пока сперма полностью не покрыла мою грудь и не закапала с набухших сосков. В следующий раз она хлынет в мой рот.

Перестав кричать, он принялся что-то беспрестанно бормотать по-русски. *Prosto rai?* Наконец, вздрогнув, он замер в моей руке.

Постепенно возвращалась способность мыслить. *Дмитрий Севастьянов кончил на мои сиськи*. Холодная как лёд Виктория тёрлась о ладонь незнакомого мужчины и при этом текла как безумная. Я выпустила его член и быстро натянула трусики, словно это могло

уменьшить значение того, что случилось.

Когда он помогал мне подняться, я прошептала. — Не могу поверить, что я это сделала. — Хотелось зарыться лицом в ладони. Разве можно было так потерять контроль? В самом конце про розыгрыш я даже не вспомнила.

Заправляя все ещё немного твёрдый член обратно в брюки, он резко втянул воздух. Я ожидала обычного пренебрежительного поведения плейбоя: застегнуть молнию и презрительно бросить «ну, созвонимся».

Ничего другого я не заслуживала.

Но Дмитрий, казалось, во мне был заинтересован куда сильнее. — Дай я тебе помогу, *mon ângel*. — Он намочил полотенце и протянул руку к моей груди, но потом вдруг заколебался. — Эту картину я никогда не забуду.

Я ахнула, когда он коснулся полотенцем чувствительных сосков, вытирая ещё тёплую влагу. — Так мы вернёмся к началу, — хрипло произнёс он.

Чтобы я опять сходила с ума от желания? Я забрала у него полотенце. — Я могу сама. Вернусь через пару минут.

Вернусь. Ко всем остальным. После всего, что здесь случилось? Нас, наверное, слышал весь этаж.

Он нахмурился. — Ты хочешь, чтобы я... *ушёл*?

Он просто сбивал меня с толку. То он горит желанием и командует, то вдруг полон неуверенности.

— Не хочу терять тебя из виду, — прошептал он.

Я закусила губу. — Ну, на мне, вроде как, твоё ДНК, так что сделай мне одолжение, ок?

Он склонил голову, будто хотел оценить мою реакцию. — С большой неохотой.

Умывшись, одевшись и заново подколов волосы, я оглядела себя в зеркале. За исключением пылающих щёк, никаких явных свидетельств произошедшего видно не было. Но я всё ещё ощущала последствия сорванного джек-пота из оргазмов — и выпитых рюмок.

Чтобы успокоиться, я глубоко вдохнула, повесила сумочку на плечо и открыла дверь.

Дмитрий стоял прямо за ней. Из-под упавшей на лоб пряди чёрных волос он смотрел на меня в упор.

Мой двоюродный брат уже пытался описать этот взгляд, и теперь я поняла, почему ему было так сложно. В выражении лица Севастьянова читалась отчасти тоска, отчасти — мрачное собственничество, решительное, как и всё, что касалось русского. — Это было слишком? Я хочу, чтобы рядом со мной ты чувствовала себя комфортно.

— Я лишь слегка... переполнена впечатлениями. И собираюсь по-тихому уйти. — Я действительно не хотела сейчас раскланиваться и прощаться.

— Понимаю. Я сейчас тебя провожу. — Выудив из кармана телефон, он принялся строчить смски ещё быстрее Пита. — Можем выйти через дверь в конце коридора.

Пару минут спустя мы уже были внизу, у парадного выхода, где перед нами остановился блестящий лимузин «Мерседес».

Эта часть подъездной дороги находилась внутри границ «Каледон», чтобы варвары, типа моей семьи, не могли пробраться внутрь.

Непримечательный тёмноволосый охранник открыл передо мной дверь, спросив адрес. Когда я ответила, Дмитрий помог мне сесть. И сам уселся рядом.

Я моргнула. — Думала, ты собирался лишь меня проводить. — Господи Боже, это будет самая длинная пятнадцатиминутная поездка.

В ответ он усадил меня к себе на колени — словно сидеть рядом ему было недостаточно. Да уж, презрение плебоя.

Тепло его тела и запах вновь разожгли во мне огонь. Попка всё ещё ныла. На щеках выступил румянец. — Ты всё время усаживаешь меня на колени.

— Разве нельзя? — Это был не риторический вопрос. Ему действительно было любопытно.

Я не нашлась, что ответить, и просто вздохнула.

Он понизил голос: — Мне сложно... читать людей. То, что я сделал — это было слишком?

— Что именно?

— Ты злишься, что я на тебя кончил?

Я вытаращила глаза. *Ладненько, поговорим о сексе.* Я заставила себя думать о работе. Надо подогреть в нём желание, одновременно строя из себя хорошую девочку.

— Мне понравилось чувствовать на себе твою сперму. В тот момент я подумала, что в следующий раз она попадёт ко мне рот.

Он вздохнул, приоткрыв рот. — *Виктория...*

— Но мы знакомы всего несколько часов. И я боюсь, что у тебя сложилось обо мне неверное впечатление. Обычно я так себя не веду. Никогда. В двадцать четыре года у меня было лишь трое парней, и все эти отношения были ванильными.

Мне нравилось спортивное телосложение моего бывшего, и с ним я даже испытывала

оргазм больше чем в половине случаев. Но, да, секс с Бреттом был весьма уныл.

— Что-то ещё причиняет тебе дискомфорт? — спросил Дмитрий.

— Ну, я не уверена насчёт порки. И... БДСМ. — Я предпочитала простые вещи. И: увиденного в интернете выходило, что в БДСМ всё крутится вокруг декораций, костюмов и власти. А уж этого мне было достаточно во время наших афер.

Сложная работа, сложная подготовка.

— Но ведь из-за этого ты испытала такой мощный оргазм, разве нет? Мы сразу остановимся, если в будущем это перестанет с тобой работать. — Он что, думает, мы будем долго встречаться?

— Ты бы хотел меня связать? — Что меня ожидает в будущем?

— Да. Я хочу контролировать скорость того, что будет между нами происходить.

— Когда ты вообще всем этим заинтересовался? — Неужели у меня на лбу написано «*отшлëнай меня*»? И поэтому Дмитрий предпочёл меня Кэрин? Я вдруг почувствовала себя неуютно.

— Год назад. У моих братьев есть эти склонности. Идею мне подал Максим.

— А Люсия и Натали эти склонности разделяют?

— С гордостью.

Кандидат наук и богатая наследница? Невероятно. — Ты поэтому сделал пирсинг?

— Полагаю, эти вещи связаны.

— И что, одним прекрасным утром ты вдруг подумал: «*А не проколоть ли мне член?*» — Может, ради любовницы?

Он пожал плечами. — Какое-то время я над этим раздумывал. Мне хотелось не быть похожим на себя прежнего, и я решил, что так ощущения будут... другими.

Не быть похожим на себя. А раньше что было не так?

— Пирсинг я сделал несколько месяцев назад. — Он помолчал. — Ты не против?

— Скорее всего, этой ночью я увижу твой член во сне.

— Я могу остаться и проследить, чтобы это случилось. — Ох, как же он умел очаровывать.

Дмитрий был одной сплошной загадкой. Временами казалось, что общение ему в тягость — все эти паузы перед репликами, взгляды в сторону делали его похожим на молчаливого Алекса. Но, в то же самое время, Дмитрий мог вдруг перемениться и быть таким же милым, как Максим.

— Почему у тебя было так мало мужчин? — спросил он.

— Я не намеревалась беречь свою добродетель, господин.

Уголок его рта почти приподнялся. Микро-улыбка. — Так почему?

Выпитая текила заставила меня раскрыть свои суперспособности. — Я всегда могу узнать две вещи. Когда кто-нибудь врёт мне прямо в лицо, и когда кто-нибудь меня предаёт. Это как звук гвоздя по школьной доске. Так было всегда. — Полезный навык. — В школе парни, с которыми я тусовалась, на что только не шли, чтобы добиться своего. В такие моменты меня будто окатывало ведром холодной воды

Я помнила все их уловки.

Мои родители уехали — но только на выходные. (Долго тусоваться не сможем!)

Если ты на это не согласишься, может, я найду ту, которая согласится. (Действуй сейчас или поезд уйдёт!)

Нам не надо идти до конца, я только кончик всуну. (Получите-распишитесь! Деньги не

возвращаются!)

Дмитрий заправил мне за ухо прядь волос. — Я никогда не буду тебе лгать. Будет, рано или поздно. Они все так делают. Но мне плевать, потому что это моя игра.

— Когда ты возвращается в Россию?

— Зависит от разных причин. Здесь есть одна возможность, которую мне бы хотелось подробно изучить. — Он говорил так, будто этой возможностью была я.

Неужели он уже на крючке? Если так, значит, пора стать неуловимой. Вперёд-назад, вправо-влево. — Возможно, завтра мне придётся работать.

— Зачем?

— Тебе не знакома концепция работы?

— Я знаю, что это такое. Более десяти лет я посвящал себя лабораторным исследованиям по семнадцать часов в день семь дней в неделю.

— Правда? — В заметках Пита было сказано, что Дмитрий обладал двумя высокоприбыльными техническими патентами.

Он кивнул. — Я уже наработал на всю жизнь. Буквально. Я подсчитал.

— Тогда о чём ты спрашиваешь?

— Ты работаешь с какой-то целью? Копишь на что-то?

— О. Ну, я бы не отказалась сменить свой «ИзАвБэ». Это прозвище моего древнего пикапа. — Потому что терпеть эту рухлядь можно было лишь за то, что она доставляла меня из пункта А в пункт Б. Оставив Бретта, я одновременно оставила и машину, за которую он платил. — Судя по звуку мотора, я почти уверена, что пикап пытается мне сказать «брось меня, спасайся сама»

Уголок рта у Дмитрия вновь приподнялся. Я ни разу не видела его полную улыбку, но даже от такой «микро-улыбки» сердце замирало.

— Машина — это всё, что тебе нужно?

Неужели он уже готов к большим подаркам? Да я просто ас по части дойки! Для пятого пункта длинного розыгрыша — «разогрева» — было ещё рановато — но он такой восприимчивый... — Меня должны скоро выселить. — *Так что подари мне коня — и полцарства в придачу!*

— Мы не допустим, чтобы тебя выселили, *mon ângel*.

Лучше всего растянуть пятый этап на несколько свиданий, так что, сделав нужные намёки, я сменила тему. — Что ты имел в виду, когда сказал, что с трудом читаешь других?

— К этому у меня нет никаких способностей. У меня нет проблем ни с математикой, ни с другими научными дисциплинами, но люди постоянно меня обманывают.

Это признание меня растрогало. Любые признаки уязвимости делали этого неправдоподобного мужчину более понятным — в конце концов, *он тоже смертный*, однако не стоит всем рассказывать такие вещи, иначе его просто обдерут, как липку.

Кто-то вроде меня. Укол вины был похож на удар исподтишка. — Как ты понимаешь, кому можно верить?

Его глаза померкли. — В конце концов, это всегда выясняется, правда?

Ух ты, стало быть, не только я знаю, что такое обманутое доверие. И этот человек до сих пор страдает от последствий.

Такой поступок совершил кто-то из бывших друзей? Или родственников? Или любимая девушка?

При мысли о том, что над ним могла поглумиться какая-то женщина, я почувствовала

такую ревность, что мне стало даже как-то не по себе. Нельзя испытывать к нему никаких чувств.

Что он будет делать, если узнает, кто я на самом деле? Рано или поздно их служба безопасности что-нибудь раскопает.

А я уже сейчас предавала Дмитрия. — Звучит так, будто тебе в жизни уже ставили подножки.

Он смотрел в окно. — Довольно рано в жизни.

— Человек, с которым у тебя были отношения?

Он пожал плечами.

На нас словно пелена опустилась. — Дмитрий? — К его щеке я прижала ладонь, отчего его веки сразу отяжелели.

Он прильнул к моей руке, и у меня сердце сжалось. Ему действительно нужен был этот жест поддержки.

До меня вдруг дошло. Ему не просто поставили в жизни подножку, его жестоко *предали*. Внезапно я ощутила желание защитить этого человека, и это чувство застало меня врасплох. Раньше я испытывала подобное только к членам своей семьи.

«До самой смерти» — такой у нас был девиз, потому что наша преданность друг к другу длилась вечно.

Дмитрий явно заново переживал какую-то боль из прошлого, а я хотела, чтобы он оставался со мной здесь и сейчас. — Ну, ладно, здоровяк. — Костяшками пальцев я провела по его напряжённой линии подбородка. — Готов узнать, как я получила своё прозвище?

Его глаза зажглись интересом. — Да. Потому что никакого смысла в нём нет. — Этот человек явно любил, чтобы всё вокруг имело смысл.

— В детстве меня просто завораживали пороки. Погремушки над колыбелькой вызывали у меня только слёзы, зато звук тасуемой колоды и щёлканье игральных фишек успокаивали. Я смеялась и хлопала в ладоши, если при мне открывали шампанское. И набрасывалась на других детей с поцелуями. На всех и каждого. — Я улыбнулась. — Такой я была непостоянной.

— Я могу слушать, как ты говоришь о себе так долго, как... — Он осёкся. — Неисчислимое количество времени.

Такой комплимент заставил меня улыбнуться. Настоящий компьютерщик.

— Я хочу продолжить то, что у нас сейчас, Виктория. Имей в виду. Я получу это.

Я что, кажусь ему настолько доступной? Или он мыслит, как типичный мужчина в Vegasе?

— Люди много чего придумывают про официанток, Дмитрий. Я не продаюсь, знаешь ли.

— Я знаю. Иначе уже купил бы тебя.

Я усмехнулась, полагая, что он шутит, но он лишь внимательно на меня смотрел. Слишком внимательно! Я решила ему подыграть. — Чтобы бы ты сделал, если бы я принадлежала тебе? — Я ласково погладила его подбородок. — Побрился бы?

Он покачал головой. — Я бы освободил тебя, Виктория. А потом бы купил для тебя весь этот чёртов мир.

Моя улыбка померкла, уступив место чутью афериста. — Дмитрий, ты... сумасшедший?

Его грудь не двигалась, поскольку он затаил дыхание. Не сводя с меня глаз, он медленно кивнул.

Да уж, у этой семейки были свои секреты. Интересно, *насколько* он сумасшедший? Миллиардер-эксцентрик? Или «я собираю коллекцию трофеев из женских ушей»?

Нет, чутьё мне подсказывало, что он не из тех мужчин, которые обижают женщин, если не принимать во внимание порку. Но я спросила на всякий случай: — Ты причинял кому-нибудь боль?

Он выдохнул, и этот тёплый воздух коснулся моего уха. — Только не женщинам и не тем, кто слабее меня.

Не лжёт. Я подозревала, что проблемы Дмитрия внутреннего характера; ему *причинили* боль, и я не знала, что сказать.

Положив ладонь на затылок, он притянул меня ближе, так что наши лбы соприкоснулись. На всём белом свете вдруг остались только мы вдвоём. — У меня нет шансов? — хрипло спросил он.

В реальной жизни? Да. Сегодня бы я всё закончила. Когда моя семья вынуждена выживать, у меня просто не остаётся времени на несчастных мужчин. Чёрт, да на любых мужчин.

— Я удивлена, что ты признался.

— Я никогда не буду тебе лгать. А ты задала очень конкретный вопрос.

Обдумывая его признание, я вспомнила ту последнюю ночь с Бреттом — когда застала его голым на нашей кровати вместе со стриптизёршей, внутри которой находились его пальцы.

Я прекрасно знала, что все мужики — кобели, но почему-то ослабила оборону в отношении огромного славного футбольного тренера.

И сейчас, глядя на русского, я поняла, каковы мои предпочтения. Не отводя взгляд, я сказала правду: — Я предпочту честного безумца разумному лжецу.

Он прижал меня к себе так сильно, что я подумала, не останутся ли потом синяки, но мне не хотелось, чтобы он меня отпускал...

— Расскажи, что произошло! — прокричала Кэрин из моей спальни прежде, чем я успела закрыть за собой дверь.

Слышал ли это Дмитрий? Он проводил меня до двери, взял мой ключ и открыл замок. Его прощальный поцелуй был коротким, но нежным. — До завтра, — сказал он.

Я посмотрела в «глазок». Дмитрий, нахмурившись, стоял у порога. Он не скрывал, что хотел бы оказаться внутри, но в квартире повсюду лежал на виду реквизит аферистов: парики, машинка для изготовления документов и прочая бутафория. Кроме того, я должна быть неуловимой.

Наконец, с явной неохотой, он направился к лимузину.

Прижавшись спиной к двери, я выдохнула, впервые за вечер переводя дух.

Всё ещё чувствуя опьянение, я свернула в сторону спальни, пересекая крошечную гостиную, которая служила мне швейной мастерской. Мама научила нас с Кэрин шить, поскольку часто в работе требовалось выглядеть с иголки, а дизайнерская одежда съедала бы всю прибыль.

Проходя мимо манекенов, вешалок с одеждой и моей выдавшей виды старенькой «Зингер», я попыталась вспомнить, когда в последний раз всем этим пользовалась.

Кэрин, Пит и Бенжи расположились на огромной кровати и листали учебники, оставшиеся после моего непродолжительного обучения в школе дизайна.

— Что вы здесь делаете? — Тусить в моей жалкой однокомнатной квартире? У меня практически не было мебели, отсутствовали любые элементы декора и телевизор. Вдоль стен выстроились коробки с постерами музыкальных групп восьмидесятых и знаковыми цитатами из фильмов, но они так и оставались нераспакованными с того момента, как я съехала от Бретта в прошлом году.

Я планировала разыграть трюк с фальшивой травмой в доме с более приличными квартирами, но пока так и не собралась. Кэрин сидела у спинки кровати и широко улыбалась.

— Мы едва тебя дождались, чтобы узнать подробности!

На ней были шорты и рваная майка с надписью: *«Это была я. Я выпустила собак.»* Футболку ей подарила наша бабушка, поэтому, из любви к ней, Кэрин носила её всё время.

Мой розовый мобильник тоже был подарком от бабушки, поэтому я его обожала, хотя ненавидела розовый цвет. Это уж не говоря о том, что фраза «позвонить по розовому телефону» была синонимом мастурбации. Я утешала себя тем, что мой подарок был всё же лучше, чем одеяло-халат, который она подарила Питу или хоббитские носки Бенжи.

— Срань господня, сестрёнка. — Карие глаза Бенжи светились. — Всего один день — а какая разница!

Увидев сегодня моего брата, вы бы никогда не подумали, сколько страданий он перенёс в детстве, обитая на улицах. Он вырос невероятно горячим, высоким и крепким мужчиной, людей в нём привлекала его скрытая сила.

Восемнадцать лет назад, будучи семилетним беспризорником, он попытался надуть моего отца. Толстый пацанёнок с огромными глазами управлялся с картами так же ловко, как я, и почти не помнил, как оказался в Штатах. Он называл себя Бенжи, потому что, вероятно, родился где-то в индийской области Бенгалии.

Отец разглядел в нём потенциал. Не сумев отыскать его родителей, он привёл Бенжи домой и мы приняли его в семью.

— Ты действительно подцепила миллиардера? — спросил он.

Я икнула и расплылась в улыбке.

— Но ты же не спала с этим русским? — спросил Пит. Казалось, он со страхом ждал моего ответа.

Я рубанула ладонью воздух.

— Секс — нует.

Все обменялись взглядами облегчения.

Ключи и сумочку я бросила на стол. В секретном отделении перекатились часы Люсии.

— Но мы пообжимались.

Усевшись на раскладной стул, я принялась снимать туфли, морщась от боли в ступнях.

— Рассказывай, дорогуша! — воскликнула Кэрин. — Какой он?

— Он... он... — я пыталась сформулировать. — С ним всё... — я сдалась. — Мне надо в душ.

Стоя под слабым напором воды в душе я всё пыталась подобрать правильное определение. Как же описать Дмитрия Севастьянова?

Как только, укутавшись в халат, я вернулась, то сразу же услышала от Бенжи: — Ну и?

Я запрыгнула на свободный уголок кровати.

— Дмитрий притягательный, завораживающий и... неординарный.

Кэрин изучала моё лицо.

— Значит, розыгрыш не будет таким уж неприятным. Все просто все себя, Вайс. Я даже перед боссом похвасталась, какая у меня крутая младшая сестрёнка. — Я не сомневалась, что она так и сделала, Кэрин была совершенно независтлива.

— Пит сказал, что он ещё ни разу не видел, чтобы клиент так реагировал.

Тот хихикнул.

— Сначала я говорю Вайс, чтобы она попрактиковалась в женских штучках, а буквально пятнадцать минут спустя русский с огромным стояком прижимает её к стене и стонет ей в рот.

Я покраснела.

— Удивительно, как это ты успел рассмотреть всё в подробностях.

— Некоторые... *гигантские* подробности нельзя не заметить.

Кэрин рассмеялась. — Ученик превзошёл учителя! Я перепробовала буквально всё, чтобы привлечь его внимание, даже такой вульгарный трюк, как перевёрнутый поднос.

Она опрокинула поднос, уставленный пластиковыми стаканчиками со льдом, что позволило ей прорву времени ползать в мини-юбке и на четвереньках, охотясь за каждым кубиком.

Мысль о том, что моя сестра проделывала это перед Дмитрием.... Меня обуяла ревность. Снова.

— Начни с самого начала и расскажи нам всё, — предложил Бенжи.

Я так и сделала, потому что это была моя первая секс-афера, и мне хотелось знать их мнение. Но я постаралась избежать лишних деталей каждого оргазма и обнаружила, что опускаю подробности, делающие Дмитрия более... эксцентричным.

Закончила я со словами:

— Он проводил меня до двери, держась крайне обходительно, что ужасно сбивало с

толку после всего, что случилось раньше.

— Он тебя отшлёпал? — Пит поднял брови. — Не знал, что этим можно кончить. Каламбур.

— Ага. — Попка всё ещё горела. Мне намекнули, каким может быть секс Севастьянова. Крышесносящим. Порочным. Непостижимым.

Пит щёлкнул пальцами.

— Сейчас, когда я думаю об этом, то вспоминаю шуточки и намёки на БДСМ, которыми обменивались Севастьяновы.

Просто Натали и Люсия совершенно не производили подобного впечатления.

— Тебе понравилось? — спросила Кэрин. — Я думаю, что это в твоём вкусе.

— Это не моё, — ответила я, хотя во время порки успела кончить.

Кэрин склонила голову набок.

— Хорошо, что тебе недолго придётся мириться с его наклонностями.

Потому что для его обработки оставалось не так много времени.

Однажды меня спросили, испытываю ли я чувство вины, облапошивая людей. Неа. *За развлечения надо платить. Будете вести себя хорошо — и никогда не узнаете о существовании нашей семьи.* Мы выбирали тех, кто никогда бы не заявил о мошенничестве в полицию, потому что у них и самих было рыльце в пушку.

Так чем же Дмитрий меня заслужил? Тем, что он слегка спятил — и был очень уязвим? Я вспомнила, как он приник к моей ладони. В жизни его уже предавали и воспоминания об этом были ещё свежи.

Возможно, первоначальный порыв Пита не связываться с этой семьей был верным.

— Я думала насчёт завтра, — сказала я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Насчёт конгрессмена.

Деньги от шантажа этого человека могли бы стать самой большой прибылью нашей семьи. Такие поступления среди мошенников считались чем-то вроде регулярной ренты и даже ценились, если клиент платил прилично.

Конгрессмен мог метить на президентский пост. В будущей кампании мы желали ему всего самого хорошего.

К сожалению, всю прибыль от этого ублюдка Кэрин придётся отдать в счёт нашего долга.

Её светлые брови сошлись на переносице. — А что насчёт него?

Бенжи тоже оживился. Он отвечал за техническую сторону. Прозвище «Всевидающее Око» он заработал, профессионально обращаясь с видеотехникой.

— Моя чёрная полоса вроде бы закончилась. — Встав, я постучала по столу, потом уселась обратно. — Если я начну заманивать парней, а ты нагреешь конгрессмена, может... может нам не надо будет брать Дмитрия в оборот.

— *Что?* — хором воскликнули все трое.

Я теребила пояс на своём халате. — Мы наскребём вполне достаточно, если у мамы с папой получится мухлёж с предметами искусства. И Найджела можно снова зацепить. Плюс часы, которые я стянула. — У чрезвычайно милой девушки. Если уж я чувствовала себя дерьмово даже по такому мелкому поводу, что же со мной будет, если я начну играть с чувствами Дмитрия.

— Он тебе *нравится*, — ошарашено протянула Кэрин.

— Или я просто помню о наших собственных правилах? Праведники денег не приносят.

У нас есть кодекс, не забыла? — За всю жизнь мы его ни разу не нарушили. — Чем русский заслужил финансовую потерю и новую боль? Мы целимся в уязвимость, а не в уязвимых.

Бенжи почесал голову.

— И почему ты считаешь, что умный и привлекательный миллиардер со склонностью к БДСМ уязвим?

— Чутьё мошенника.

— Он просто ещё *не успел* тебе продемонстрировать свою тёмную сторону, — уверенность Кэрин раздражала. — Дай лишь время. Грехи всегда всплывают на поверхность. Гарантирую, что он из тех девяносто семи процентов.

Как отец её ребёнка?

Она была права. Уж я-то должна была знать. Могла бы всё понять после всей лжи и супер-ублюдков, которых я встречала на работе. Чёрт возьми, да лучшим примером был мой собственный бывший.

— В любом случае, решение принято, — вздохнула Кэрин. — Дмитрий может быть невинен, как свежесвыпавший снег, и всё равно придётся им заняться. Зайка, представь, что будет в противном случае.

Три месяца назад мы развели на целый миллион (наш самый большой куш) пару иностранцев, торговавших наркотиками. Мы потратили огромное количество времени на подготовку, но ни одна из проверок не показала, что женщина считалась неприкосновенной. Любимой дочкой наркобарона. Вместо немедленной расправы он позволил нам вернуть ему все деньги, записав на наш счёт ещё шесть миллионов компенсации.

Полтора из них собрала Кэрин при помощи своих женатиков. Мошеннические сделки родителей в сфере искусства могли принести нам ещё пятьсот тысяч. Я добавила двести пятьдесят. И у нас было меньше трёх недель, чтобы собрать остаток.

Если не справимся... Наркобарон особенно любил *огненные ожерелья*: руки и грудь жертвы обматывались пропитанной бензином верёвкой, которая затем поджигалась. Он угрожал проделать такое с разводящим аферы — с моим отцом.

— Вайс, это вопрос жизни и смерти. Придётся нарушить кодекс, — произнёс Пит.

Добросердечный отец был оплотом нашей семьи и звался Джентльмен Джо — не только потому, что работал со сливками общества, но и за свою добрую улыбку и мягкий для мошенника нрав.

Мама с папой были просто какими-то сиамскими близнецами. Если что-то случится с отцом, я потеряю обоих.

Единственной альтернативой был побег. Существовала лишь одна проблема: на воскресные семейные ужины у нас собиралось слишком много народу.

Сможет ли каждый наш родственник податься в бега? А если кто-то захочет остаться?

До самой смерти.

— Ты прав. Когда завтра русский мне позвонит, я сделаю то, что должна.

Я готова была поклясться, что за мной наблюдают, когда пробиралась в темноте в туфлях с высокой платформой и в клубном платье.

Прищурившись, я внимательно осмотрела тёмные кусты вокруг нашего «подставного» домика. Я пыталась прислушаться, но «ИзАвБэ» после выключения зажигания ещё долго скрипел и скрежетал.

Эту паранойю я чувствовала на протяжении многих месяцев. Наверное, потому что меня сглазили.

Дмитрий сегодня не звонил, но прислал одну холодную смс.

ДСевастьянов: Свяжусь с тобой завтра.

Шестой упущенный клиент.

У задней двери я вновь бросила взгляд через плечо, не в силах избавиться от ощущения, что я не одна.

Может, кто-то из людей наркобарона следит за нами, пока мы не выплатим долг?

Конечно, это не мог быть Бретт.

Проскользнув внутрь, я направилась в операторскую. Небольшая комнатка была просто наштапована записывающей аппаратурой.

Бенжи уже пришёл и расположился за столом с микрофоном и несколькими мониторами. На экраны передавалось видео с камер, установленных в доме и на улице — но снаружи никого не было видно.

Бенжи развернулся на стуле. — Думал, ты попозже придёшь. — Как и я, он тоже был одет так, чтобы пойти потом в клуб. Брюки-дудочки и приталенный пиджак выгодно подчёркивали его высокий рост. Худощавое лицо было гладко выбрито.

— Я просто изнывала от скуки, — и не могла больше оставаться в своей квартире.

Перед этим Пит написал, чтобы я не приходила, потому что в VIP-зоне никого нет.

Вайс: я всё равно могу отработать смену.

ПЗжды: Вечером отпразднуем и выпустим пар. Завтра ждём большую группу канадских мажоров.

Пытаясь не выглядеть так, будто отчаянно жду новостей от Дмитрия, я спросила о Найджеле.

ПЗжды: Он выписался из гостиницы.

Серьёзно??

Вайс: Дмитрий?

Ну разве смс из одного слова может быть такой жалкой?

ПЗжды: Из пентхауса никто не спускался. Даже не выглядывал. Я знаю, он тебе позвонит.

Вайс: Если лопнула труба, то пошло оно всё на.

Я бросила свою сумку с двойным дном на диванчик и сама плюхнулась рядом. Чтобы развеяться, я собиралась сегодня проехаться на велосипеде по Ред-Рок-Каньон, но «ИзАвБэ» мог не выдержать обратной дороги, к тому же я волновалась, что там не везде ловил телефон. Не то чтобы мне это было нужно.

Всего одно предложение, *Дмитрий*, да? После того, как он меня отшлёпал, и я до сих пор это чувствовала? Я не знала, обижаться ли мне или беспокоиться, так что решила

обидеться.

— Ну, ты как раз вовремя. Кэрин появится через 10 минут.

Идеальная точность. Меньше, чем через час, я буду на танцполе. Вегас считался столицей электронной танцевальной музыки; даже наш местный клуб устраивал ЭТМ-субботы. После такой напряжённой рабочей недели мне просто позарез нужна была дикая клубная ночь — и оделась я соответственно.

Достав из сумочки игральную колоду и пытаюсь успокоиться, я принялась бездумно её тасовать, разминаясь на основных трюках. Снятие мизинцем, фальшивое снятие, двойное снятие, фальшивое тасование.

— Плохой день? — Брат знал меня слишком хорошо.

— Нормальный. — *Дерьмовый*. Хотя не мешало бы вздремнуть, но я продолжала думать о том, что сделал со мной русский.

Вспомнив взгляд его пылающих глаз — и блеск пирсинга — я так возбудилась, что пришлось дойти до разрядки. Несколько раз подряд.

Потом я сломалась и погуглила слово *Vika*. Это оказалось русское ласковое сокращение имени Виктория. И я сразу размякла, как идиотка.

Но это было *до того*, как я поняла, что сегодня он не позвонит. Перебросив карты из правой руки в левую, я отделила червового короля.

— Ни одной весточки от него? — спросил Бенжи.

Теперь каждому в нашей семье было известно, что я тискалась с самым богатым человеком, какого мы только могли себе вообразить — и не смогла запустить в него свои коготки. Да с чего я вообще решила, что он позвонит? Это к слову о «дотянуться до звёзд». Он вообще был птицей совершенно другого полёта.

В мире существует примерно 1800 миллиардеров мужского пола. То есть, богат лишь один из четырёх миллионов человек.

Теперь мне самой было неловко за своё предложение не трогать его. — Он послал только одну смс, — беспечно кивнула я, и такое движение могло обмануть любого, но только не приятеля-мошенника.

— Эй, это для кого угодно слишком крупный клиент.

В воздухе повисла невысказанная фраза: «*но для тебя, Вайс, особенно*». Шесть сорвавшихся розыгрышей. Все были так поглощены моими недавними поражениями, что совсем забыли предыдущие годы побед.

А я так здорово начинала, и вся семья меня поддерживала.

Мама любила рассказывать друзьям:

— Помню, как Вайс выучила свой первый карточный трюк в четыре года, — её голос чуть грубел от эмоций. — Ручки у неё были такие крошечные, что она едва удерживала колоду на ладони. И даже не просите, чтобы я рассказала про её первый «трёхкарточный монти».

В «монти» дилер выкладывает две карты чёрной масти и одну даму червей, а потом отвлекает внимание, чтобы спрятать даму. У мамы даже осталось домашнее видео, на котором я обчищала этим фокусом туристов, приговаривая «Поплобуйте уследить за дамой, сэл!»

Бенжи вновь развернулся к мониторам.

— А вот и лимузин конгрессмена.

Законодатель, приехавший из среднего запада, был женатым отцом четверых отпрысков

— но поклялся Кэрин, что он бездетный кинопродюсер из Калифорнии, который овдовел, когда его жена скоропостижно скончалась в страшной автокатастрофе. Ну, Кэрин ему сказала, что она разведённая бездетная официантка и начинающая актриса.

Бенжи сунул мне свой мобильник.

— Посмотри, какие смски он отправил прямо перед этим свиданием. — Он поставил сканер на конгрессменов телефон, пока того отвлекала Кэрин.

Если бы мы проделали такое с телефоном Дмитрия, может, я бы смогла разобраться в том, что сейчас происходило в пентхаусе.

Я просмотрела сообщения политика за последний час, в которых он писал, что целый день якобы провёл на переговорах, и сообщал своей (чудесным образом живой) жене, Шейле, что как раз собирается лечь спать и свяжется с ней утром. Жена ответила, что он невероятно много работает, и что она и все дети его просто обожают.

Вишенкой на торте стал его ответ: *«Ради своей семьи я готов на всё»*.

Меня замутило.

Пока Кэрин и её спутник шли к дому, Бенжи сказал в микрофон:

— Проверка наушника. Проверка.

За спиной клиента она подняла вверх большой палец.

— Пусть он упомянет свою «мёртвую жену», детка, и я весь вечер буду платить за напитки, — продолжал Бенжи.

Снова поднятый большой палец.

Я десятки раз видела, как она это проделывала. Такая сексуальная и умелая, она даже никогда не прикасалась к голому члену. Изобразив мини-стриптиз, она просила клиента лечь на кровать и продемонстрировать, насколько сильно он её хочет. Он растягивался и хватался за сосиску, а она склонялась над ним, стоя на коленях. Потом, словно собираясь опуститься ниже, она говорила какие-то непристойности, пока мужик на неё глупо таращился с выражением крайнего отчаяния на лице.

Оп-ля. Дело сделано. Зачастую под определённым углом казалось, что мужчина уже внутри.

Как только Бенжи собирал достаточно доказательств, на основании которых можно было бы требовать развода, он отправлялся колотить в дверь, изображая разгневанного бывшего мужа. Тогда Кэрин мигом выпроваживала клиента через чёрный ход.

Блин, да я бы так тоже смогла — если бы хоть раз у меня получилось заманить сюда кого-нибудь. Хотела бы я целоваться с отбросом? Нет. Но это не играло никакой роли...

Пока Кэрин разливала напитки, начиная затягивать удавку, я отложила карты и достала телефон, надеясь, что не услышала звук о приходе смс.

Ничего.

Мигал значок непрочитанных электронных писем. Я обнаружила предложения от школы дизайна, ссылку на скачивание календаря «горячих пожарников» от бабули и новости швейного форума.

Я знала, что завтра придёт очередное письмо от Бретта. В конечном счёте, его попытки меня вернуть сводились к длинным, полным раскаяния голосовым сообщениям, в которых он клялся, что с той секс-бомбой у них почти ничего не было.

Потом началась еженедельная почтовая рассылка с воспоминаниями о нашем прошлом. На протяжении нескольких месяцев он писал мне каждое воскресенье.

На прошлой неделе:

На втором свидании ты сцепилась с Джеком Дэниэлом, и Джек победил. Пока тебя тошнило, я придерживал твои волосы. Ты сказала, чтобы я возвращался на вечеринку. Я понял, что предпочту остаться в туалете с тобой, чем буду тусоваться с другими. На следующий день ты сделала меня просто героем и задорно отблагодарила.

Я всегда буду тебя любить, Б.

Если не брать в расчет предательство, мне было жаль, что он заиклился и не мог двигаться вперёд. В смысле, да, мы планировали соединить наши судьбы и жить долго и счастливо и всё такое, но ведь прошёл уже целый год. Вполне возможно, моё одиночество подогревало в нём надежду.

— Ух ты, — протянул Бенжи. — Это ты ей сшила?

Я взглянула на монитор. Кэрин уже перешла к стриптизу?

На ней было моё последнее творение: нижнее бельё, состоящее из алых лент в духе весёлой вдовы.

Я сконструировала бельё так, что снять его для мужчины было практически невозможно. Расстегнуть каждую ленту — та ещё головоломка для терпеливого мужчины, она же — идеальная приманка для медовой ловушки.

Своего сына, Кэша, сестра родила всего шесть месяцев назад, но, подстёгиваемая местью, Кэрин быстро вернулась в форму. Единственным напоминанием недавней беременности оставалась её грудь, которая теперь была больше моей.

При виде Кэрин в нижнем белье плечи Бенжи напряглись, а дыхание участилось — хотя он старался никак себя не выдать. Увы, некоторые реакции скрыть невозможно. — Не старайся выглядеть, как ни в чём не бывало. Мы же аферисты, помнишь? — Детали были нашей профессией.

Он бросил, не отводя взгляда от картинки: — Ты очень несносная сестрёнка, ты в курсе?

— На самом деле я ведь тебе не сестра, а значит и Кэрин тоже.

— И твои родители — не мои родители. А своих родителей я люблю.

Сегодня они нянчились с Кэшем. — Папа с мамой могут стать тестем и тёщей. Или ты просто будешь членом семьи без каких-либо ярлыков. — Как Русский Эл, наш лучший сообщник.

— У меня в голове и так полно всякого. Последнее, что мне нужно — влюбиться в Кэрин.

Только появившись в нашем доме, он страдал от ужасных кошмаров, с криком просыпаясь посреди ночи. Я пробиравась к нему в комнату и спала на полу, чтобы отгонять собой то, что его пугало. Я была слишком мала, чтобы знать: нельзя никого оградить от собственных воспоминаний.

С тех пор он почти оправился, но, конечно, я понимала, почему он вздрагивал, услышав выстрел.

— Ну вот, — сказал Бенжи. — Сейчас она его разговорит...

Выдержки из аудиозаписи голоса конгрессмена:

— Ничего подобного я раньше ни с кем не испытывал. Даже с Шейлой, упокой господи её душу. *(Бинго!)*

— Моя покойная жена была моей единственной женщиной. *(Не считая оргии с эскортницами вчера вечером)*

— Я сделал вазэктомию. Можно не пользоваться презервативами. *(Шейле это точно не*

понравится, конгрессмен)

И люди ещё удивлялись, почему я считала мужчин слизняками? Даже Кэрин, похоже, начинала терять терпение.

Как только клиент оказался голый в постели, сжимая свой тощий член, Бенжи пробормотал в микрофон:

— Уже скоро.

На своих шпильках она продефилировала к кровати и оседлала мужика, одновременно начиная свои грязные разговорчики по сценарию, выверенному и отполированному годами. Лучше классики ничего не придумать.

Бенжи давал указания:

— Сдвинься чуточку влево. Ещё немного. Почти, почти — *готово*. Фотография ценой в миллион. А на видео будет видно, как трясутся его руки. Готова встретить своего раздражённого бывшего мужа?

Поднятый большой палец.

Вставая, Бенжи мне подмигнул.

— Представление начинается.

Музыка грохотала, свет лазеров пронзал слабо освещённое пространство клуба, а вокруг меня на танцполе тусовались полуодетые двадцатилетки.

Голова у меня кружилась, тело двигалось под звуки хауса.

Я с удовольствием выгуливала своё крошечное чёрное платье. Оно было коротким, облегающим и с длинной молнией спереди для быстрого доступа. На поверхность ткани на десятке разных языков была нанесена надпись «старайся», которая становилась видна только в ультрафиолетовом свете. Сапоги на высокой платформе достигали середины бедра. Я нанесла яркий макияж, надела серьги-шпы и неоновый ошейник, который мне сунул кто-то в клубе.

Мои волосы свободно развевались, от образа «хорошей девочки» ни осталось и следа.

На обед у меня было желе с алкоголем — кто сказал, что это не еда? — и целое ведро Ром-колы. Разумеется, я опьянела. И спросила Кэрин со всей серьёзностью: — Если мошенничать, разыгрывая медовую ловушку, значит, мы будем медовыми мошенницами?

Сейчас моим партнёром на танцполе был темноволосый Дейн с красивыми мускулами и «ролексом» на мясистом запястье.

В сумочке уже лежало двое часов, которые я подцепила у пары ребят, осмелившихся мне отказать, за что и поплатились.

Я вновь потёрла шею сзади. Мне по-прежнему казалось, будто за мной наблюдают. Может, другой мошенник?

Ха!

Неподалёку Пит смеялся и танцевал с каким-то пупсиком. В одной из VIP-кабинок сидели Кэрин и Бенжи.

Они опрокидывали одну рюмку за другой, отставив в сторону локти. Чествуют будущего президента?

Впервые оказавшись в этом клубе, мы наткнулись на вечеринку-девичник. Кэрин специально проследила за моей реакцией. Год назад она организовывала в Кали мой собственный девичник; неделей позже я застукала Бретта.

И в тот день мне захотелось встряхнуть эту будущую невесту, посоветовав ей: — Надевай на палец мужчины обручальное кольцо только если уверена, что он никогда не захочет его снять.

В сущности, Бретт спас меня от развода и обманутых чувств в будущем.

Подумав об обманутых чувствах, я сразу же вспомнила о Дмитриии Севастьянове. Который не удосужился сегодня даже позвонить.

Может, у него свидание с другой? Внутри шевельнулась ревность. Разве можно ревновать Дмитрия к какой-то воображаемой женщине сильнее, чем Бретта с живой стриптизёршей в моей кровати?

Ответ на этот вопрос меня смутил, так что я протанцевала поближе к Дейну. Он усмехнулся, полагая, что я уже готова.

Почему бы с ним не переспать? Но, с другой стороны, *зачем?*

Он — не был моим ключом.

Я дотронулась до загривка. Чёрт, меня не отпускало чувство, что за мной *наблюдают*. Я оглядела клуб.

И дыхание перехватило.

У края танцпола стоял Дмитрий Севастьянов и неотрывно смотрел на меня. В чёрных брюках и строгой синей рубашке он выглядел безупречно, однако казался взволнованным.

Как он меня нашёл? Что ему нужно? Он окинул меня взглядом, явно потрясённый моим внешним видом. Он что, ожидал увидеть вчерашнего ангела?

Потому что, малыш, его больше нет.

От того, как двигались мои бёдра, дыхание Дмитрия участилось. Наверное, стоит показать ему, что он мог получить, если бы удосужился позвонить.

Я повернулась к нему лицом, двигаясь более чувственно, так, словно танцевала только для русского. Похоже, Дейн обиделся и, выругавшись, отчалил в сторону.

Подняв руки вверх, я поиграла локонами, затем скользнула ладонями вниз по своему малоприличному платью, одновременно покачивая бёдрами. Мои сапоги были просто созданы для таких танцев.

Кулаки Дмитрия были крепко сжаты, в глазах светилось желание. Он не делал никаких попыток скрыть свой выпирающий член. Казалось, он готов был накинуться на меня прямо у сабвуфера.

Соски напряглись. Гадая, видно ли всё по моим глазам, я облизнула губы.

Похоже, он дошёл до предела. Ринувшись на танцпол, Дмитрий схватил меня за предплечье.

— *Пойдём со мной.* — Из-за музыки ему пришлось кричать. — Мы уходим. — Пока он тянул меня сквозь толпу, люди останавливались и таращились на нас, но его это совершенно не волновало.

— Я тут с друзьями. — Никого из моих не было видно! — И не хочу уходить!

Он повернулся ко мне лицом, оскалившись. — Ты собиралась трахнуть того парня?

— А ты из ревнивцев, что ли? — Идеальный объект для дойки. И, естественно, он будет всё отрицать.

— С тобой? Да! Я готов был его убить!

Мамочки. Он это... буквально? — И всё равно ты мне не позвонил? — Может, для розыгрыша не всё потеряно?

Его взгляд метнулся.

— Мне надо с тобой поговорить.

Музыка не давала возможности продолжать диалог, но и уйти с ним я была ещё не готова.

— Есть одно место. Идём в конец зала. Взяв меня за руку, он пошёл в указанном направлении, пока не наткнулся на сплошную чёрную стену.

— Сюда, — я нырнула за портьеру в секретную зону клуба.

Он последовал за мной. — Что это за место?

— Карусель. Во времена сухого закона здесь торговали спиртным. Все стены были уставлены старыми карнавальными декорациями.

Лучи света падали на керамических лошадок одной из первых каруселей, работавших на пару. В углу были свалены барабаны, до сих пор пахнущие гримом. С потолка свисали яркие вывески и гимнастические сети. — Теперь об этом помещении знают лишь местные.

Администрация открывала этот зал для частных вечеринок, так что мне тоже несколько раз довелось здесь быть. Это место мне всегда казалось волшебным. Долгими ночами здесь нередко обжимались парочки, поскольку в этом помещении не было видеонаблюдения.

— И оно просто... здесь. — Он осматривал комнату, бормоча, — с такими вещами мне нужна помощь.

— С какими с такими?

Он встретился со мной взглядом. — Мне нужно, чтобы занавес поднялся. Нужно, чтобы мне показали то, что я никогда бы не смог увидеть сам.

Эти странные слова — плюс мои коктейли — равнялись полному отсутствию понимания с моей стороны. — Как ты меня нашёл?

— Этот клуб популярен среди работников «Калидон».

Я забежала в кабинку. — И о чём ты хотел поговорить?

Он проскользнул за стол и уселся рядом. — Я пытаюсь... — Он закрыл рот. Новая попытка. — Я хочу... — Его глаза пылали какой-то сдерживаемой эмоцией, но сам он выглядел расстроенным, словно потерпел неудачу, пытаюсь понять, что у меня на уме. — Ты на меня злишься?

Пальчиками я провела по присборенному голенищу сапога. — После того, что между нами было, я надеялась, что ты позвонишь. — Как настоящий аферист, он поманил меня и исчез.

— Сегодня я был внизу, полагая, что ты или Питер работаете в казино.

Я ведь *сказала* Дмитрию, что, возможно, буду работать. — Но не позвонил?

— День так быстро прошёл. Меня сильно... отвлекли. И я звонил три часа назад.

Когда мы как раз приехали в клуб. Телефон был в сумочке. — Хочешь выпить чего-нибудь?

Не удержавшись, он придвинулся ещё ближе. — Нет. Я должен сохранять контроль.

— Зачем?

— Вчера мне хотелось сделать с тобой то, что смутило бы тебя ещё сильнее. Если бы я выпил, то сделал бы.

— Например? — я была заинтригована.

— Я бы хотел добраться до тебя ртом и доказать, что оральный секс тебе нравится. Я бы хотел высечь тебя посильнее, чтобы ты подольше помнила обо мне. Я бы хотел погрузиться в эту плоть, которую я ласкал, и трахать тебя, пока ты не закричишь.

Моё дыхание участилось.

— Я чувствовал потрясение. У меня никого не было какое-то время, и вдруг появилась ты. В его пронзительном взгляде многое можно было прочесть, но алкоголь во мне делал эту задачу невыполнимой.

— Как долго у тебя никого не было?

— Очень долго. Могу поспорить, я ждал именно тебя.

Ой.

— Дмитрий, чего ты от меня хочешь? — Встретившись с ним взглядом, я сократила остававшееся между нами расстояние. — Просто скажи, и проверим, хотим ли мы одного и того же.

Он смотрел мне в глаза, раздувая ноздри. — По твоим словам всё выходит так просто.

— Ну, так и не усложняй. Просто подведи итог.

— Мне нужно больше того, что было прошлой ночью, — его слова сочились неприкрытым желанием.

Я прильнула к нему и пьяно прошептала: — Хочешь слова облизать мои сиськи?

— *Поцадите*, — прошипел он, и рывком усадил меня к себе на колени, прямо на

выпирающий твёрдый член.

Жар от его эрекции я чувствовала даже сквозь одежду, веки сразу отяжелели. — Я так понимаю, это значит «да», — я поёрзала на нём.

Он резко вздохнул. — Мне нужно больше тебя. Больше твоего тела.

Это напомнило мне недавнее одиночество и раздраз.

— Но ты не позвонил? — пробубнила я расстроено и пьяно. — Если бы позвонил, мы бы поговорили. Смогли бы лучше друг друга узнать.

— Я... не узнавал сам себя. Думаешь, я не хотел с тобой поговорить? Я боялся тебя отпугнуть. Мне говорили, я могу быть очень настойчив.

— Это девушки так говорили?

— Это все так говорили.

И хотя его одежда была безупречна, а лицо — гладко выбрито, на коже осталось несколько порезов. Между обидой и волнением я выбрала последнее. — Почему ты не узнавал сам себя? — Что-то случилось? Я чувствовала нарастающее желание защитить.

— Я поссорился со своим братом, Максимом.

— Очень жаль. По-моему, вы очень близки.

— Так и есть. После смерти родителей он практически меня вырастил.

Почему же этого не сделал его старший брат?

— Хочешь рассказать о том, что случилось?

— Максим сунул нос в мои дела. — В его глазах вспыхнула чистейшая ярость. — А потом он сказал, что я, скорее всего, потеряю то, чего так сильно желаю.

Разговор принял странный оборот. Снова я напилась во время розыгрыша и оказалась в уязвимом положении.

— Я попросил семью уехать, — сказал он.

— А сам остался? Из-за инвестиционных возможностей?

Он кивнул, и его взгляд смягчился. — *Да.* — Обведя помещение взглядом, он выдохнул. — Такого я не планировал.

— Ты всегда всё планируешь?

— Если это что-то важное, то да. — Обхватив мой затылок, он притянул нас лбом ко лбу. Мне нравилось, когда он так делал. Казалось, он тщательно выбирал слова, — растерянность... мне вредит. Я... плохо с этим справляюсь. — Его голос срывался, и сам он казался немного спятившим. — Мне нужно, чтобы была определённость. Но разве с тобой определённость возможна?

Вряд ли под определённостью мы с ним подразумеваем одно и то же — разве что он имеет в виду закрепление отношений после одного дня знакомства.

— Пойдём в мой номер.

Ух ты, и это когда я только-только поверила, что ему нужно нечто большее, чем просто секс.

Значит, я не должна думать ни о чём большем, чем просто деньги. Розыгрыш *продолжается*. Пора вновь прикинуться хорошей девочкой. — Этого не будет. Вчера я оставила о себе неверное представление. Не знаю, почему я так себя повела. — *Правда.* — Но повторения не будет. — *Ложь.*

Он одарил меня своим гипнотизирующим взглядом. — Побалуй меня — и я побалую тебя. — Он говорил о деньгах? Или о сексе?

Поскольку я была пьяна, то зарывшись лицом в шею Дмитрия, вдохнула его запах.

— Твой аромат совершенно сводит меня с ума. Если ты когда-нибудь уложишь меня в свою постель, я, наверное, буду просто кататься на простынях и мастурбировать.

— Я *никогда* не перестану представлять эту сцену, — простонал он.

Оторвавшись от его плеча, я взглянула Дмитрию в лицо и затрепетала от взгляда полуприкрытых глаз. Я гладила его грудь, и мне нравилось, как в ответ двигались его мышцы. — Наверное, ты качаешься.

— Добросовестно весь прошлый год.

— Дай угадаю, — сухо заметила я, — так ты недостаточно горяч?

— Я качаюсь, чтобы сфокусироваться, а не ради внешнего вида. Очевидно, я тебя привлекаю, — ответил он, словно только это имело значение.

— Не слишком ли самонадеянно? Что, если я притворялась?

— Ты была слишком возбуждена, чтобы притворяться. И готов спорить, что ты думала обо мне, когда снимала напряжение сегодня.

— Ага. Так и было, несколько раз. Под душем я ласкала себя пальчиками и кончила так, что у меня колени подогнулись.

— Пощади, женщина! — снова взмолился он, и его член подо мной дёрнулся. — Ты не знаешь, что ты со мной делаешь.

Вот только я знала.

— Если ты не заметил, я слегка набралась. Позаботишься обо мне?

Быстрый кивок. — Непременно.

Я улыбнулась. — Мне это нравится. Ты не воспользуешься моим состоянием? Я не хочу заниматься с тобой сексом.

— Значит, не хочешь, — он будто не верил собственным ушам.

— Мне не нужна короткая интрижка — даже если ты рассчитываешь на длительный срок.

— А что тебе нужно? — казалось, его очень интересует мой ответ.

— Мужчина, достойно зарекомендовавший себя, — убедительно ответила я, хотя моя планка была слишком высока.

— Значит, я не трахну тебя. Но это не значит, что я не смогу тебя трогать. Мне до боли нужно доставить тебе наслаждение, — он протянул ко мне руку.

— Здесь? — в «Карусели»? Сейчас в этом тёмном помещении мы оставались одни, но надолго ли?

— Здесь.

Дмитрий провёл костяшками пальцев по линии подбородка, и дальше, вдоль моей шеи. — Прекраснее нельзя и представить.

Я вздрогнула, когда он коснулся ключиц. Его руки продолжали опускаться всё ниже. Он растегнул молнию на моём платье так, что грудь готова была вывалиться наружу — на что я и рассчитывала, создавая его дизайн.

Горячая ладонь проскользнула внутрь, обхватывая меня. Я выгнулась к ней, а он что-то пробормотал по-русски. Я могла поклясться, что расслышала в конце его имя.

Он разговаривал сам с собой? Но этот вопрос, как и моё беспокойство — исчезли, когда он потёр один сосок подушечкой большого пальца. Меня пронзило волной удовольствия, и он перекатил вершинку между пальцев, сначала слегка ущипнув. Потом — чуть сильнее. Потянув за сосок в последний раз, он перешёл к другой груди, принимаясь её массировать. — Раздвинь для меня ножки.

Я позволила одному колену откинуться в сторону.

Его вторая рука поднималась вдоль внутренней поверхности моего бедра всё *выше и выше*. Костяшки скользили по чувствительной коже.

Ещё выше. Он дошёл до моей мокрой киски. — Ты не надела трусики? — рявкнул он. Я думала, он обрадуется, а не придёт в ярость. — И кто из них получил такой сюрприз? Тот, с кем ты танцевала?

— Может, в следующий раз ты мне позвонишь.

— Может, я научу тебя желать только меня, — он снова выглядел немного спятившим. — Лишь я знаю, что тебе нужно.

Разве я не подозревала, что он был моим ключом? Очевидно, Дмитрий подозревал то же самое. — Ну, скажи, что мне нужно.

— Я сейчас *покажу*.

— Но я тоже хочу к тебе прикасаться, — моя рука нырнула вниз.

— А-а. — Схватив за запястье, он прижал мою ладонь к своей груди. — Это лишь для тебя.

— Может, ты думаешь, что я настолько забудусь, что позволю себя трахнуть?

— Хотел бы я видеть тебя настолько раскрепощённой. — Этот низкий голос, эти гипнотизирующие глаза. — Но сегодня я буду только трогать тебя, Вика. Подчинись моим желаниям.

Вика. Уменьшительная форма моего имени. Невероятно *сексуально*. Он просто *источал жар*. В тот момент мне безумно хотелось сдаться этому мужчине. Но надо было продемонстрировать сопротивление. — Почему именно я всегда оказываюсь в уязвимом положении? Ты, в отличие от меня, ничем не делишься.

— Не делюсь? Хочешь, открою тебе секрет? Это тебя удовлетворит?

— Попробуй и узнаешь.

В его голосе слышалась хрипотца: — Я передёрнул в лимузине, когда вчера возвращался в отель. Хотел, кончая, чувствовать на языке твой вкус. После двух рывков я излился в кулак, облизывая губы, думая о тебе.

Я судорожно выдохнула. И повторила его же собственные слова: — Я никогда не перестану представлять себе эту сцену.

Может, он изобразил на лице микро-улыбку, но и она померкла, когда он начал поглаживать мою кожу у самого входа. — Хочешь чувствовать мой палец внутри? Невероятно, но его член подо мной стал ещё твёрже.

— Да, — я задышалась. — Да...

Он сместил меня так, что теперь мы оба были развёрнуты в одну сторону, мои раздвинутые ноги лежали у него на коленях, а его ладони покоились на моих бёдрах. — Тогда подними руки и переплети их за моей головой. Не убирай их оттуда, что бы я ни делал.

Выбора у меня не было, и я подчинилась.

— Умница. В награду он ввёл свой средний палец между моими влажными губками.

Я вскрикнула, и моя киска сжалась.

Он хрипло застонал: — О, Боже, ты такая *тугая*. И такая скользкая. И любишь кончать, правда? — Он вращал пальцем внутри, изводя меня. Потом начал просовывать внутрь второй.

— Вот так, — прохрипел он. — Прими их в свою сладкую маленькую киску. Хочешь, чтобы я трахал тебя пальцами? Тогда прими их глубже.

От этих фразочек и его сексуального акцента я просто таяла!

Другой рукой он надавил на мой лобок и на низ живота, отчего его пальцы внутри показались ещё больше. Он вытацил их, потом погрузил обратно. Снова и снова. — Чего бы я только не дал, чтобы заменить их собственным членом.

И моё тело тоже молило об этом горячем набухшем органе. Он ещё ни разу не коснулся клитора, а я уже была на грани.

— Дмитрий, мне нужно кончить!

Он проигнорировал мою мольбу, продолжая двигать пальцами в медленном, сводящем с ума темпе. Он перекрещивал их, погружая в меня, и снова скрещивал, вынимая.

Его опытность меня поражала. Несмотря на то, что столько удовольствия, сколько доставлял он мне, я не получала за всю свою жизнь, я подсознательно задавалась вопросом, как буду дальше без этого обходиться.

И, словно прочитав мои мысли, он произнёс: — Тебе придётся держать меня поблизости ради этого. Ты ласкала свою киску в душе, но этого ты сделать не сможешь. Ты не сможешь, сплетя пальцы, засовывать их так глубоко, чтобы достать до всех чувствительных точек.

— Дай мне кончить, пожалуйста! — *Или трахни меня*. Я представила, как он насаживает меня на свой большой проколотый член.

— Дам. В конце концов. — Глубоко во мне он двинул пальцами так, словно подманивал кого-то.

Я резко выпрямилась. — О! *О-о-о*. Я больше не выдержу! — Я могла бы довести себя до пика за миллисекунду и чувствовала такой соблазн. Но всё равно оставила руки там, где они были. — Я помню, что говорила о сексе, но это было не серьёзно! У тебя есть резинки? Я на таблетках, но, возможно, стоит подстраховаться.

Между вздохами он произнёс: — Я никогда раньше не занимался сексом без резинки, так что могу это сделать с тобой. — Он не лгал.

— Значит, мы это сделаем? — с энтузиазмом спросила я.

Он вновь застонал. — Чтобы трахнуть тебя, я готов на убийство. Подумай только, на что я могу пойти, чтобы заполучить тебя полностью.

Я ахнула, потому что не считала, что он лжёт.

— А значит, мне придётся сдержать слово.

От досады я тяжело задышала. Казалось, прошли годы, а он продолжал удерживать меня так близко к пику! — Я сейчас просто взорвусь!

— В этом и есть смысл. Это и есть *БДСМ*, — прошептал он мне на ухо. — Доминирование, удерживание на краю, игра. Я же не всегда буду тебя шлёпать. — Он вынул пальцы.

— Не-е-ет! Они мне нужны. *Верни их обратно.*

Он прижал два пальца, раскрытых в виде буквы V по обеим сторонам от клитора, заставив чувствительный бугорок выпятиться наружу.

Я извивалась на его члене. — Прикоснись к нему, — прошептала я, — прикоснись к нему. Пожалуйста-пожалуйста, милый, прикоснись к моему бедному клитору.

Издав стон, указательным пальцем другой руки он медленно потёр выставленную напоказ плоть.

Моя голова откинулась на его плечо.

— Сейчас ты на всё готова, правда, красавица?

Я что-то невнятно бормотала. Он владел мной. Контролировал.

Этот мужчина прорвался через все барьеры, превратив меня в первобытное, бьющее через край желание.

Приближающийся оргазм казался самым мощным из всех, которые мне довелось испытать. Самым глубоким.

Пугающим.

И уже практически достигнув пика, я вдруг заметила сквозь ткань портьеры какого-то человека. — Дмитрий, с-стой. Мы не одни. Я уронила руки вниз.

Вошедший блондин — сёрфер по всей видимости — позвал ещё кого-то:

— Сюда.

За ним следовали рыжеволосая красotka и ещё один симпатичный темноволосый мужчина. Выглядели они такими же пьяными, какой чувствовала себя я. Вся троица уселась на противоположной стороне комнаты в ещё одной кабинке. Рыжеволосая оказалась посередине.

От талии и выше я полностью находилась в их поле зрения! Моя грудь, освещённая мерцающим светом ошейника, чуть не вываливалась наружу. — Так нельзя! — шикнула я Дмитрию, не переставая, однако, двигать бёдрами.

— Им не видно то, что происходит у нас под столом. Ты правда хочешь, чтобы я остановился? — Он продолжал меня гладить. — Скажи «Дмитрий, не трогай мою киску».

У меня получилось только всхлипнуть.

Троица окинула нас взглядом. Рука Дмитрия двигалась. Они не могли не понимать, чем он занимается.

Парни хищно на меня посмотрели, а их руки принялись гладить рыжеволосую. Которая встретила со мной взглядом, а потом вытаращила глаза. В этой комнате нас обеих ласкали одновременно — и мы обе это знали. Вскоре веки у рыжей отяжелели. Казалось, зрители её нисколько не смущают.

Неужели я выглядела так же? Неужели Дмитрий завёлся от этой девки? Я бросила на него взгляд. Он смотрел только на меня.

— Я не могу позволить тебе это, — пробормотала я.

— Конечно, можешь. — Словно сам дьявол шептал мне на ухо, порабощая волю.

Конечно, я могла. Нет! Вайс, приди в себя.

— Мы не будем делать ничего из того, что не сделают они, — продолжал он. — От этого вскипает кровь, разве нет? Так отдайся этому ощущению, Вика. Отдайся мне. Снова переплети руки за моей головой.

Такая уязвимая позиция для чужих глаз.

— Сделай это, иначе я не дам тебе кончить.

Не-е-ет! Дрожа, я подняла руки и сцепила их наверху. В награду он шокировал меня, сквозь платье ущипнув мой сосок. Я едва сдержала стон.

Рыжая тоже завела руки назад, но темноволосый поднял ставки, стянув ниже её облегающее платье и обнажив дерзкие грудки.

Ей явно нравилось выставлять себя напоказ. Её спина выгнулась, и я не сомневалась, что её бёдра тоже насаживаются на пальцы партнёров.

Пока я на неё смотрела, её руки опустились — одновременно с молнией моего платья. Дмитрий тоже решил меня раздеть?

Такого просто не могло быть.

От стыда хотелось провалиться. Или кончить. Опять в моей голове всё перемешалось, и смущение лишь подогревало возбуждение.

Я собиралась его остановить, но потом поняла, что рыжая двигала под столом двумя руками. Она дрочила обоим.

И все трое пялились на меня.

— Это какой-то... разврат, — прошептала я. Это *недопустимо*.

— Подчинись мне, — потребовал Дмитрий. — Я лишь следую твоим нуждам, потому что *ты* — развратная девочка.

Это он меня *такой* делал. И вот я уже выгнула спину. — Да, да...

Он шире раздвинул платье, оголяя грудь.

Реакция зрителей — полуприкрытые веки и приоткрытые губы — сделала мои соски ещё твёрже. Дмитрий и сам был для меня незнакомцем, а теперь зрелище разделяли ещё трое.

— Смотри, какой ты стала влажной! — пробормотал он, совершая эти адско-райские движения пальцами. — Ты ведь хочешь, чтобы на тебя смотрели.

Я хотела! Во мне пульсировало это желание: чтобы он меня контролировал, а другие бы на это смотрели.

Почувствовав, что я сдаюсь, он ткнулся носом мне в ухо. — Разве не приятно делать то, что я говорю?

Теперь я уже непрерывно стонала. И готова была расплавиться на глазах у этих чужих людей. Меня так сильно трясло, что грудь подпрыгивала на радость публике.

Решительно потянув меня за волосы, отчего я (и рыжая) одновременно вскрикнули, Дмитрий уложил мою голову себе на грудь. — Ты ведь хочешь, чтобы они знали, какая ты влажная? — Те два пальца он погрузил глубоко в меня, продолжая большим пальцем массировать клитор.

— Ааа! Уже близко, уже близко... — О, Божечки, четыре человека увидят, как я кончаю.

— Может, показать им, как блестят мои пальцы от твоей смазки?

— Нет, *н-е-ет*. — От одной лишь мысли об этом моё лицо вспыхнуло. Светить

сиськами — это одно, я и сама так делала раньше, но то, что он предлагал — нечто совершенно интимное!

Только Дмитрий уже поднял вверх мокрые пальцы, которые освещались моим неоновым ошейником. От этой картины рыжая вскрикнула и ещё сильнее заёрзала. Темноволосый застонал, его тело дёрнулось. Блондин выругался и стиснул зубы, пытаясь не кончить.

Я словно обезумела. Никак не могла выровнять дыхание. — Сейчас... закричу. Не дай мне... закричать.

— Не дам. Всего лишь попробуй. Потом я доведу тебя до конца. Другой рукой он вновь занялся моим клитором, а влажные пальцы поднёс к моему рту. Обжигая шею горячим дыханием, скомандовал: — *Соси.*

Абсолютно недопустимо. Готова ли я на такое перед всеми? Слова не складывались в предложения. — Как... ты... — я осеклась, прошептав, — *что со мной происходит?*

— Подчинись, Вика.

Издав крик, я наклонилась к его пальцам. Я сосала их, пробуя собственный вкус. Глаза закатились, бёдра насаживались на его ладонь.

Дмитрий выдавил с болью в голосе: — Они на тебя смотрят. Пялятся. Покажи им, как моя развратная девочка любит кончать.

Я самозабвенно облизала его пальцы, когда он их вынимал.

Его ладонь зажала мой рот. Погрузив в меня пальцы другой руки, он начал ими вибрировать...

Пик. Конец. РАЗРЯДКА.

Я взорвалась, вопя в его ладонь, пока тело билось в конвульсиях. Его голос в моём ухе лишь усиливал и без того ослепляющий оргазм. Он говорил, какая я красивая. Что ему никогда не забыть, как в его объятьях я впала в неистовство.

Он говорил, что я — совершенна.

Полёт. Восторг. Этот *мужчина*.

Через некоторое время я пришла в себя после самого сильного оргазма, который у меня когда-либо был. О котором я когда-либо *мечтала*.

Он убрал руку от моего рта. По-прежнему бормоча ласковые вещи, он продолжал нежно меня поглаживать, пока я не оттолкнула его руку.

Я слышала только наше дыхание. Прижавшись к шее, я вдыхала его запах. В знак благодарности лизала его кожу, чувствуя растущую привязанность внутри.

Клубная музыка становилась всё громче.

Клуб.

Вернулось осознание реальности. Я только что яростно кончила. Здесь. Перед чужими людьми.

Я осмелилась поднять голову. Рыжая запыхалась, её грудь вздымалась. Она обмякла на темноволосом, который откинул голову назад. Блондин тяжело дышал, очевидно, только что кончив.

Они все, наблюдая за мной, достигли оргазма.

Меня переполняла досада. Я не могла смотреть им в глаза.

А Дмитрий? Я повернулась к нему. Раздутые ноздри, стиснутые челюсти. Казалось, необходимость дойти до разрядки сводила его с ума. *Он явно со мной ещё не закончил.*

Наверное, думал трахнуть меня прямо на столе. Эта мысль заставила всхлипнуть от

желания — а потом я просто пришла в ужас. Он ведь мог сделать со мной всё, что угодно.

Всё, что угодно.

Хотя я надеялась, что он обо мне позаботится, даже попросила его об этом специально.

Ещё один мужчина, предавший моё доверие.

А я не хотела, чтобы он меня предавал.

Дёрнув язычок молнии, я, как могла, застегнула платье. — Пусти меня. *Сбежать.*

— Вика? — казалось, он был сбит с толку.

Я попыталась вырваться и повторила сквозь зубы: — Пусти.

Наконец, он меня отпустил, и я, пошатываясь, встала на ноги.

— Что случилось? — Поморщившись, он поправил свой выпирающий член.

— Ты должен был за мной присмотреть. А не вынуждать выставить себя напоказ перед незнакомцами! — не в силах встречаться ни с кем взглядом, я вылетела из комнаты.

Дмитрий следовал за мной по пятам. — Вика, подожди!

— Оставь меня в покое! — Я лавировала в толпе, пытаюсь добраться до нашего столика. Кэрин и Бэнжи уставились на огромного русского.

— Я еду домой! — объявила я им. Потом, схватив сумочку, устремила к выходу.

Прежде чем я успела позвать такси, Дмитрий поймал меня, схватив за запястье.

— Поедем со мной в отель! — По выражению его лица было видно, что он едва сдерживается. Этот взгляд утопающего теперь меня пугал. — Мы поговорим...

— Я доверилась тебе, а ты мной воспользовался! Не хочу тебя больше видеть!

— Ты ведь это не серьёзно. — Взгляд Дмитрия заметался, словно сам он не мог совладать со стремительно ухудшающейся ситуацией.

Из клуба выскочили Пит, Бэнжи и Кэрин, переводя взгляды с меня на Дмитрия и обратно.

— Пойдём со мной, Виктория. Быстро, — негромко произнёс он.

Я вырвала руку из его хватки. — Оставь меня в покое!

Моя семья задаёт вопросы потом. Сейчас они обступили меня, готовые броситься на защиту.

Пит закрыл меня своим телом. — Господин Севастьянов, сейчас вам лучше уйти.

Тот смотрел на Питера в упор, выражение лица обещало смерть, как будто он собирался зубами вырвать у него глотку. — Никогда не вставай между мной и ею. — Он сжимал и разжимал кулаки. — Последствия будут плачевными.

Эта угроза испугала бы кого угодно, но Пит не отступил. — Как насчёт вернуться к этому завтра, немного остыв?

Дмитрий повернулся ко мне, сразу потеряв свой смертоносный взгляд. Он нахмурился, но я помотала головой. — Я сказала: не хочу тебя больше видеть.

Его взгляд потух, и это меня обескуражило. Хотя в тот момент я его ненавидела.

— Как пожелаешь. — С этими словами он ушёл прочь.

Я смотрела на его удаляющуюся фигуру, едва замечая, как по щекам текли слёзы.

Остановившись перед дверью скромного домика моих родителей, я поправила на бедре корзину с грязным бельём и прислушалась.

— Надо было видеть, как Севастьянов на неё смотрел, — говорил Пит.

— Он так смотрел, пока она не сказала ему отвалить навсегда, — заметил Бенжи. — Там в клубе Севастьянов сделал что-то такое, чего она стерпеть не смогла, о чём и сообщила ему чётко и ясно.

Я отказалась раскрыть подробности. Утром, когда воспоминания о прошедшей ночи наложились на похмелье, я только и смогла закрыть ладонью лицо. Дмитрий стал для меня просто каким-то секс-Свенгали

Я, скорее, была на стороне Бенжи, и не думала, что русский ещё позвонит. Вспоминая его потухшие глаза, я вновь почувствовала внутренний укол. Разве можно так привязаться к мужчине всего за два дня? Особенно после того, что он со мной сделал?

Я ревела из-за этого козла. А я не ревела, даже когда порвала с Бреттом!

— Десять штук на то, что он позвонит, — сказал Пит.

— Принимаю, — откликнулся Бенжи.

Распахнув дверь, я ворвалась в гостиную, бросив на каждого свирепый взгляд.

Пит сидел в выдавшем виды кресле, оттачивая карточные фокусы на журнальном столике. Бенжи расположился на бугристом длинном диванчике, обложившись запчастями к видеокамерам. Мама с папой сидели рядышком на широкой кушетке. Она шила платье, он — работал с ноутбуком.

Кэрин только что усадила Кэша в манежик рядом с диваном, и малыш приветливо загулил. Бабуля и Русский Эл за раскладным столиком для бриджа играли в шахматы и потягивали шерри из маленьких хрустальных бокалов.

За раздвижной стеклянной дверью были видны и другие мои тёти и дяди, расположившиеся со своими детьми у бассейна.

Хотя мои младшие двоюродные братья и сёстры уже делали успехи в мошенничестве, жульничая в «Марко Поло», в воде я по-прежнему была непобедима.

Сначала стирка. Я подтянула корзину повыше. — Вы что, ребята, ставите на меня? Как на скаковую лошадь?

Мама отложила шитьё, чтобы меня обнять. — Строго говоря, они ставят на Дмитрия. В этом случае он будет скаковой лошадью.

Круги под глазами она профессионально замаскировала косметикой, но я всё равно узнала об этом по запаху отдушки. Конечно, она не спала ночами, волнуясь за папу.

— Давайте больше не будем упоминать Дмитрия, лады? — буркнула я, голова мучила меня похуже несобранного флэша.

Бенжи прыснул. — Да-да, как будто можно *не* говорить о слоне в комнате.

— Об очень большом слоне, — подал голос Эл. Он пригладил свою длинную седую бороду. Наверное, отрачивал её в противовес лысине.

— Виктория, дорогая, — начала бабушка, — почему бы тебе не рассказать нам, что именно произошло в клубе между тобой и твоим русским джентльменом?

Ой.

— Э-эм, в другой раз, бабуля.

В её тёмных глазах читалось веселье. Шерри всегда так на неё действовал, и Эл своевременно наполнял рюмки.

Когда у Эла умерла жена, мои родители, чтобы он не чувствовал себя одиноко, начали приглашать его на воскресные ужины. Двадцать лет назад. Он приходил каждое воскресенье, так что, в конечном счёте, тоже стал частью семьи.

То, что бабуля и Эл стали друзьями с далеко идущими последствиями, не замечать становилось всё сложнее.

Мама положила руку мне на плечо и глубоко вздохнула. — Милая, ты действительно сказала миллиардеру, который от тебя без ума, что не хочешь его больше видеть? — Этот вопрос она задала так, как любая другая мать бы спросила «*Милая, ты что, принимаешь наркотики?*»

— Я... да. — Что такого в нём заставляло меня делать такие странные поступки? — Но вечером я собираюсь зацепить канадского кита. Всё образуется.

Папа закрыл ноутбук, собираясь вмешаться. Он никогда на меня не сердился, но я терпеть не могла его разочаровывать.

Мама снова села с ним рядом. Они всегда были не разлей вода, лучшие друзья и партнёры.

Их подделки знаменитых картин висели на всех доступных стенах. — Севастьянов тебя ударил, горошинка? — Он свирепо прищурил голубые глаза. — Я его убью, если он только посмел...

— Нет! Не ударил. Он совсем не такой.

— В этом я с ней согласен, — сказал Пит. — Он, может, и собирался прокатить меня мордой по асфальту, но женщину никогда бы не тронул.

Наши сдвоенные усилия на этот счёт смогли папу утихомирить.

Кэрин склонила голову на бок. — Похоже, Севастьянов тебя напугал.

Да!

— Немножко. Но не конкретно он сам. — Я нахмурилась. — Лишь частично он. — Все вокруг по-прежнему ждали объяснений. — Мне просто не нравится, какой я становлюсь рядом с ним.

— Он позвонит, — сказала Кэрин. — Поверь мне.

Поверь мне? Все хихикнули.

Эл задумчиво произнёс: — Значит, теперь мы ждём звонка.

— Хватит задерживать дыхание, иначе задохнётесь. Я кинула сумку на диван и потащила корзину в прачечную. Каждое воскресенье я стирала здесь свои вещи. Каждое воскресенье мама специально для меня, загодя, освобождала стиральную и сушильную машины.

Запустив стирку, я вернулась к остальным. Перегнувшись через край манежа, я чмокнула нашего красавца в макушку. Кэш заморгал зелёными глазками и потянулся ко мне своими пухлыми ручками, отчего я сразу же растаяла. Подхватив его на руки, я опустилась на любимое место на диване.

Любовь в моём сердце к этому маленькому человечку просто оглушала. — Ты становишься таким большим! Строго между нами, тебе лучше завязывать с пивом и острыми крылышками, малыш.

Хлопанье ресницами и агуканье.

По тому, как я вела себя с ним, можно было подумать, что я и сама хочу детей. В

принципе я морально готовилась забеременеть от Бретта, но не планировала ещё ничего конкретно.

Кэш снова заагукал, демонстрируя свой первый зуб. С такими глазами и такими тёмно-каштановыми волосами он вырастет полной копией своего отца.

Пятнадцать месяцев назад Кэрин случайно забеременела от невероятно богатого топ-менеджера. Когда она всё ему рассказала, тот обвинил её в том, что она сделала это намеренно, и разорвал отношения. Только она действительно его любила. В тот раз не было никакого розыгрыша.

Фамилия у него была Уолкер.

Очень подходящая.

После рождения ребёнка Уолкер, ни слова не говоря, начал посылать ежемесячные чеки. Ну, они и назвала ребёнка Кэшем. Нам всем казалось, что это очень смешно.

Если не шутить, когда тебя обрюхатили и бросили, то когда же ещё это делать?

Мы подумывали, не начать ли ежемесячно платить Уолкеру взносы за пользование его спермой. Когда вернёмся к прежней жизни, погасив долг. Кстати говоря...

— Посылка конгрессмену уже отослана? — спросила я Бенжи.

— Ага. Сейчас он как раз смотрит видео внезапно отличного качества и проклиняет себя. *За удовольствия надо платить.*

В сопроводительном письме мы требовали полного подчинения, в противном случае угрожали отправить улики во все главные СМИ страны (правда). И предупреждали, что если шантажируемый начнёт откалывать фокусы, группа Анонимус внесёт его в свой список нечистоплотных людей, подлежащих финансовому уничтожению (враньё).

Хотя Бенжи свою работу выполнял безупречно, его талант художника никак не использовался в аферах. Ещё с подросткового возраста он хотел стать фотографом дикой природы, и сейчас уделял этому занятию всё свободное время. Пока оно у нас ещё было...

Когда из моей сумки раздался звук смс, все смолкли. Бенжи забрал у меня Кэша. — Прочти смс, Вайс.

Вытаскивая телефон, я вдруг занервничала, не зная, на что надеяться. Взглянула на экран.

— Письмо от Бретта.

Послышались стоны.

— Непреклонный Бретти, — пробормотал Пит.

— Правильный Бретти, — подхватил Бенжи.

Я закатила глаза.

— Вы, ребята, даже не осознаёте всей иронии, называя Бретта непреклонным и правильным. Ни тем, ни другим он не являлся. — Они его невзлюбили за то, что он был простым законопослушным Маглом, неспособным понять наш стиль жизни. В те несколько раз, когда я приводила Бретта на семейные сборища, присутствие лоха наводило на всех паранойю и тоску.

Я давно подозревала, что тогда с Бреттом всё было подстроено, лишь бы от него избавиться. Девушка, с которой я его застукала, была невообразимо сексуальной, профессиональной стриптизёршей. Бретт даже не знал её фамилии. Как она вообще оказалась на нашей вечеринке? Чутьё мошенника подсказывало, что здесь было что-то не так.

Но раз я никого не поймала за руку, то решила об этом забыть. Наверное, это была такая

самозащита для эго — построить теорию заговора.

— Парню стоит отдать должное, — сказал папа. — Год прошёл, а он всё не сдаётся.

— Этих отношений я никогда не понимала. — Мама рылась в своей швейной корзинке. Буду утверждать до посинения: мы — совсем другой породы. А, значит, единственная пара для мошенника....

— Другой мошенник, — закончила я вместо неё. Мама с папой являлись идеальным примером. Он был женатиком в одной из страстных афер Бриллиантовой Джилл, но женат оказался лишь на словах — и для пользы его собственной аферы.

Мошенница для мошенника.

Раньше я отмахивалась от маминых слов, но теперь поняла, насколько она была права. Необходимость постоянно следить за словами и поведением, когда рядом был Бретт, изматывала.

— Если бы мне давали доллар каждый раз, когда я это слышу, у нас бы вообще не было никаких проблем.

— Слушай-слушай! — Бабуля сделала новый глоток шерри. — Но с этой теорией я не согласна. Надо просто найти того, кто будет любить тебя больше жизни. Тогда любой, кто посмеет разрушить ваши отношения (например, другая женщина), с таким же успехом может попробовать его убить.

Папа улыбнулся мне. — К тому же, в моём случае придётся признать, что твоя мать расставила медовую ловушку. Один раз я так уже попался.

Мама игриво шлёпнула его по животу.

Рано или поздно придётся проверить электронный ящик, так что можно сделать это сейчас. Открыв еженедельное письмо от Бретта, я прочла вслух:

Тейлгейт, Четвёртое июля. На твою ладонь сел светлячок, и его свет отражался в твоих глазах, когда ты смеялась. Никогда раньше я не ждал поцелуя так сильно.

Я всегда буду любить тебя, Б.

Я вспомнила тот вечер. Он поцеловал меня, его честные карие глаза блестели, когда он говорил, как сильно он меня любит...

Потом я нахмурилась. Это ноющее чувство в груди — действительно вызвал Бретт? Вот чёрт. Пустота внутри была из-за Дмитрия.

— Кстати, о лохах, положивших глаз на Вайс..., - Пит повернулся ко мне. — Как насчёт смски Севастьянову?

— Но так не принято, — негромко заметил Бенжи, потому что Кэш задремал у него на груди. — С другой стороны, и сам он — нестандартный объект. Чувак владеет двумя инженерными патентами, которые входят в полсотни самых высокодоходных.

— Не знаю, что это значит, но звучит божественно, — вздохнула бабуля. — Что такого ужасного он мог натворить в клубе? — Она по-прежнему собиралась докопаться до истины.

— Я плохо соображала вчера. Напилась.

— Виктория Валентайн! — цокнула бабуля. — Никогда не пей на розыгрыше!

— Нечестно, у меня был выходной. — Отложив телефон, я вытащила из сумки колоду карт.

— Когда Кэрин будет сегодня в казино, думаю, ей стоит разведать обстановку с Севастьяновым, — предложила мама. — Если его привлекла Вайс, то привлечёт и очень похожая на неё девушка.

Помогите! Я сняла колоду и принялась тасовать карты, не собираясь упоминать, что у

Кэрин уже была попытка.

— Мама права, горошинка, — сказал папа. — Надо сменить разводящую — только в этот раз — поскольку ты всё равно планируешь заняться приехавшими мажорами, а он — такой уникальный клиент.

Мама выразилась более конкретно. — Ты оттолкнула самого жирного клиента за всю карьеру нашей семьи.

Эл передвинул фигуру на шахматной доске. — Только в Америке все эти кошки-мышки.

Кэрин села рядом со мной на диванчик. — Севастьянова я уже отбросила, но если ты меня проконсультируешь, может, мне повезёт. Раз он тебе больше не интересен, ты же не будешь возражать, правда?

Мысль о том, как Дмитрий будет касаться моей сестры... как в её ушке будет звучать его низкий голос...

К горлу подступила желчь. В сердце вцепилась ревность.

— Не пойдёт, — сказал Пит, спасая меня от необходимости отвечать. — Этот парень хочет Вайс. Только её. *Поверьте мне.* — Снова раздалась смешки. — Он будто одержим. Когда я встал между ним и Вайс, то на секунду подумал, будто он собирается меня убить.

От воспоминания его убийственного взгляда у меня мурашки побежали. — Да, что-то в нём есть ненормальное. Мой радар на нём пищит, не переставая.

Да потому что он сумасшедший! Сам в этом признался! Разговаривает сам с собой и «плохо справляется с растерянностью». В его предпочтения входит порка незнакомых женщин в туалете и унижение их в ночных клубах.

— Он тебя обманул? — спросил папа.

— Ни разу. Но всё равно с ним что-то не так. — Я чуть не добавила «поверьте мне», но вовремя удержалась.

— Мы не просим тебя выходить за него замуж, — сказала мама. — Мы просто хотим, чтобы за следующие две недели ты обобрала его по-максимуму.

— Напиши ему через телефон, — сказал Эл. — Объясни, что изменила желание.

Папа ободряюще мне улыбнулся. — Если бы не крайние обстоятельства, мы бы тебя об этом не просили.

— Крайние обстоятельства? — Пит сложил руки на груди. — Мы так теперь называем убийство? — Он смотрел прямо на меня. — Потому что именно этим займётся дядюшка Джо, если мы пропустим платёж.

Во мне вскипела досада. — Значит, надо бежать!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кэш на руках у Бенжи проснулся и зевнул, оглядывая всех вокруг.

— Это наш дом, — твёрдо сказал папа. — Это наши люди. Это наша абсолютно последняя игра.

Я смешалась. — Но даже если я восстановлю контакт с Дмитрием, как мы переведём это в финансовую плоскость? А каждая потраченная на него секунда означает упущенное время с другими. Пит принимает сегодня новых китов...

Снова звук смс. Снова все напряглись. Затаив дыхание, я отложила карты и взяла телефон.

— Это от него.

— Слава госпоже Удаче! — воскликнула бабуля.

— Что он написал? — Кэрин придвинулась ко мне поближе.

— «Заберу тебя на ужин в семь». — Меня охватило невероятное возбуждение, и, боюсь, наша отчаянная ситуация была тому виной лишь отчасти.

— А что, мне нравится. Прямо. Коротко. Чётко.

— Что мы ему ответим? — мама встала и принялась ходить взад-вперёд. — Надо его зацепить посильнее. Больше знаков вопроса, Вайс. Игриво, но *не чересчур*.

Если я снова в деле, значит, сделаю по-своему. Я напечатала три буквы.

— Какого чёрта? — спросила Кэрин.

— Что она сделала? — воскликнула мама. — Что она *сделала*???

— Вайс ответила... «нет».

Я подняла взгляд, съеживаясь при виде шокированных лиц. — Интуиция.

— Грубовато, горошинка, — сказал папа. — Будем надеяться, что он любит охоту.

Эл взял бабулину ладью. — Мы, русские мужчины, действительно любим охоту.

Снова звук смс. ДСевастьян: Другие планы?

Мама стиснула руки. — Пожалуйста, будь... милой.

Я напечатала ответ.

Кэрин сообщила для остальных: — Она написала, что собирается с друзьями в клуб. В сообщение добавила иконки: стакан с мартини, таблетка и капающий шприц.

Эл бросил на меня сердитый взгляд: — Мы тебя воспитывали лучше.

Мама выглядела так, будто вот-вот собиралась упасть в обморок, так что я пояснила:

— Неуловимость. Я же собираюсь его выдоить, поэтому должна быть неуловимой.

— Неуловимой — да. Импульсивной — нет, — сказала бабуля. — Многоходовки потому так и называются, что требуют большого количества ходов, моя дорогая.

Я заметила, как родители переглянулись. Они были... напуганы. Будто бы я с размаху перечеркнула все наши шансы на победу.

Ну же, Севастьянов, ответь что-нибудь.

Все молчали. Бутылка бабулиного шерри звенела о край рюмки, когда Эл наливал новую порцию.

Пожалуйста, Дмитрий, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

Звук смс. От облегчения я вся обмякла.

ДСевастьянов: Сейчас ты занята?

Кэрин прочла сообщение вслух, пока я писала ответ. Вайс: не очень.

Секундой спустя зазвонивший телефон заставил меня подпрыгнуть. — Это он.

Кэрин щёлкнула пальцами. — Бумагу! Ручку!

Пробравшись между холстов и швейных принадлежностей, мама бросила Кэрин блокнот с ручкой. — Включи громкую связь, Вайс.

А что если он упомянет то, чем мы вчера занимались? Но оДмитрий всё-таки был клиентом, и эту аферу мы разыгрывали сообща. Мама всегда говорила: нужна целая деревня, чтобы обработать клиента.

— Говори так, будто улыбаешься, отвечая на звонок, — посоветовала Кэрин.

Я хмуро на неё посмотрела, и продолжала хмуриться, нажимая кнопку громкой связи, а потом ответила: — Йо. — Все члены семьи, словно в рот воды набрали, стараясь никак не выдать своё присутствие. Даже Кэш, казалось, затаил дыхание.

— Что скажешь о том подарке, который я тебе послал? — спросил Дмитрий.

Комнату наполнил глубокий сочный звук его голоса, вызывая во мне непрощенную дрожь.

— Я не дома. — Скучающим тоном уточнила, — что ты мне прислал?

— Машину. Посыльный сделал фото. Хочешь посмотреть?

Чёртову машину?? — Наверное, — вздохнула я.

В окне сообщений появилось фото — вишнёвый «Порше» с откидным верхом, припаркованный перед подъездом моего унылого дома, смотрелся бриллиантом в угольной куче.

Я переслала фото в семейную группу, созданную Бенжи для наших консультаций и болтовни.

Все телефоны в комнате завибрировали. Молчаливое изучение экранов, взлетевшие брови. Кэрин нарисовала знак доллара вместе с вопросительным знаком и показала листочек Элу. В ответ он растопырил пять пальцев.

Машина стоила пятьсот тысяч долларов? Но потом я сникла. — Дмитрий, зачем ты взял для меня машину в аренду?

— Никакой аренды. Все документы в бардачке. Она твоя независимо от того, увидимся ли мы снова.

«Срань господня», — беззвучно прошептала я.

— Хотя я надеюсь, что ты всё-таки поужинаешь со мной.

— Не думаю, что это хорошая идея. Мне не нужна интрижка. А ты, очевидно, именно этого и добиваешься.

Вновь на том конце провода повисла тишина, хотя любой нормальный человек принялся бы оправдываться. Мой любимый приём. Я терпеливо тасовала колоду. *Могу сидеть здесь хоть целый день, Russki.*

Наконец, он переспросил: — Вот как?

— Я не собираюсь заниматься сексом, не вступив в прочные отношения.

Кэрин нацарапала: *Слишком рано!*

— Понял. Я всё равно хочу тебя увидеть.

— Надо свериться с планами. К тому же, меня могут вызвать на работу.

— Значит, я скажу Питеру, чтобы не вызывал.

Севастьянов сам нам подыгрывал!

— Если не интрижки, то чего ты от меня добиваешься?

— Большого, Вика. Я всегда буду хотеть большего.

Отвисшие челюсти. Бабуля обмахивала себя ладошкой. Я видела, как мама сжала папину руку, словно боясь даже надеяться.

Или же Дмитрий был великолепным актёром, или он по-настоящему, на самом деле был от меня без ума.

— Ладно. Заезжай за мной в семь.

— Куда бы ты хотела поехать?

Перспектива бесплатной еды пробуждает аппетит любого мошенника. — Я люблю итальянскую кухню.

— Значит, нам стоит отправиться в Италию.

Мама с Кэрин обменивались восхищёнными взглядами, пока я не сказала: — Предпочитаю остаться в городе — на случай, если придётся срочно сваливать.

При этих словах бабуля закачалась так, что чуть не упала с кресла. Мама возвела очи к небу.

— Значит, я буду вести себя наилучшим образом, *mon ângel*. До встречи... — И он

отключился.

Я издала длинный выдох.

Пит провёл рукой по лицу.

— Итак, это случилось. — Потом он повернулся к Бенжи. — Ты должен мне десять штук, напарник.

Эл откинулся в кресле, сложив руки на животе.

— Русский мужчина поражён нашей девочкой. Назвать тебя «мой ангел».

Вспомнив, что ещё говорил Дмитрий, я спросила:

— А что значит «*prosto rai*»?

Он без конца повторял эти слова, дойдя вместе со мной до пика.

Эл усмехнулся и перевёл для меня эту фразу.

— «Мне уйти или остаться?» — мы с Кэрин подпевали песне, звучащей из радиомангитолы. Верх нашего нового кабриолета опущен. В колонках «Клэш». Волосы развеваются. Солнце сияет. Поём во всё горло.

— «Так что лучше дай мне знать... ВСЁ ОХЛАДИТЬ ИЛИ ВЗОРВАТЬ?!»

Я была счастлива, по-настоящему счастлива впервые за долгое время. Мы только что проехали по кольцу Рэд-Кэньон, и на фоне гравия и песчаника «Порше» выглядел просто ослепительно.

Когда мы заезжали к моим, все они смотрели на меня с уважением. Машина, конечно, стоила не семизначное число, но ведь впереди второе свидание с миллиардером и возможность как следует поворошить угли.

Песня закончилась, и Кэрин выключила радио. — Ну а теперь, когда мы вдвоём, ты расскажешь мне, что он сделал в клубе? Наверное, что-то очень плохое, раз в качестве оливковой ветви он прислал эту штуку.

Я знала, что до этого вопроса дойдёт. — Но это будет наш сестринский секрет, ладно? Он... он довёл меня до оргазма. На людях.

Сестра моргнула. — И дальше?

— И дальше? Этого что, недостаточно? Я не была к этому готова!

Кэрин смутилась. — Тебе с ним понравилось?

— Частично из-за этого я и перепугалась. Никогда ещё я так мощно не кончала. Я даже не знала, что это возможно. Я пропала, если этот сумасшедший русский действительно был моим ключом...

— Ну, значит у тебя фетиш. Это абсолютно нормально, — отмахнулась Кэрин.

Я не поверила своим ушам. — Нету у меня никакого фетиша. Ты обкурилась, что ли?

— Ты эксгибиционистка. И всегда такой была, между прочим.

— Что ты несёшь?

— Когда ты была крошкой, я одевала тебя в очень миленькие платица, чтобы ты могла отвлекать лохов, но стоило лишь отвернуться, как ты сразу же раздевалась. Хорошо, если я умудрялась оставить тебя в подгузнике. — Она хихикнула. — Никогда не замечала, что все твои детские фотки — это где ты голая бегаешь вокруг гостей?

— Да, в детстве я была упрямой оторвой, но какое отношение это имеет ко мне взрослой?

— Ну, не самое прямое, конечно, но у тебя всегда был некоторый уклон в нудизм.

— Не смешно.

— Ради Бога, Вайс, я же раскручиваю мужиков ради шантажа. Это к разговору об эксгибиционизме. Бэнжи наблюдает, как я раздеваюсь и танцую в одном нижнем белье. И я солгу, если скажу, что это никак на нас не отражается.

— Значит, тебе известно о его влечении?

Она кивнула. — Он думает, это неправильно.

— Неправильнее, чем конгрессмен, который, чтобы получить доступ к телу, притворяется, что его жена погибла в автокатастрофе? — Когда я сбросила скорость перед знаком «стоп», двигатель замурлыкал. Расстаться с этой машиной было бы просто невозможно, если бы речь не шла о безопасности семьи.

— Ещё Бэнжи думает, что я до сих пор люблю сама-знаешь-кого.

— А на самом деле? — спросила я, хотя и так знала ответ. Кэрин была безнадежно влюблена в Уолкера.

Она отвела взгляд. — Это было бы слишком глупо, правда? Он четко описал свои чувства.

У мужика была уже готовая семья, но по глупости он этого не понимал. Если Кэрин и Бэнжи всё-таки сойдутся, этому козлу места уже не будет. — Ты не развиваешь отношения с Бэнжи из-за его прошлого?

В детстве его насиловали на улицах. Будучи ребёнком и мало что понимая, я задавала ему всякие травмирующие вопросы, типа «Почему ты не хочешь гулять по вечерам?» или «Почему ты плачешь, когда надо купаться?» Как бы мне хотелось изменить прошлое и избавить его от дополнительной боли.

— Он многое проработал, — сказала Кэрин. — Но да, если он сойдётся с приёмной сестрой, это может раскачать лодку.

Он всегда звал меня «сестручкой», Кэрин же — никогда. Не думаю, что он был привязан к ней в этом смысле.

— Ладно, хватит обо мне, — нахмурилась Кэрин. — Ты ведь ещё не всё мне рассказала.

Да, её не проведёшь. — Скажем, у меня и правда есть... фетиш. — Обязательно погуглю, когда останусь одна. — Но именно Дмитрий довёл меня до такой степени возбуждения. Может, желание продемонстрировать себя перед другими у меня пройдёт, но главная скрипка принадлежит именно ему. Я делала всё это, *потому что он так сказал*.

— Типа, он такой обольститель?

Я шлёпнула по рычагу переключения передач. — В точку. Всё в нём — голос, лицо, тело, запах, настойчивость — заставляет меня терять голову. Вряд ли я бы так себя вела в подобной ситуации с другим. Я совершенно потеряла контроль.

— Теперь понимаю, почему это так тебя напугало. Особенно в первый раз.

Я выдохнула. — Я поверила, что он сможет позаботиться обо мне пьяной, но вместо этого он подтолкнул меня к тому, чего я при других обстоятельствах не стала бы делать.

— Значит, он почувствовал твой фетиш. Что если он просто хотел доставить тебе удовольствие?

«*Мне просто до боли хочется доставить тебе удовольствие*», сказал он тогда. Я прочистила горло: — В этом случае я готова признать, что отреагировала чересчур резко и обвинила его незаслуженно. — Этот взгляд... я его обидела. Внутри вновь появилось это дурацкое желание оберегать.

— А что если бы ваши отношения могли продолжиться вне розыгрыша?

Из всех доступных женщин Севастьянов преследовал именно *меня*. По крайней мере, пока. — Он живёт на другом конце мира, и между нами нет ничего общего. — Я отказывалась верить в то, что могла бы влюбиться в Севастьянова с его бархатым голосом и умелыми пальцами. И с этим взглядом утопающего, который меня одновременно и отталкивал, и манил. — К тому же я никогда не смогу ему доверять. Не думаю, что найдётся мужчина способный меня убедить, что ему будет достаточно только меня одной. Типа, как в кино, когда главный герой широким жестом жертвует ради любви всем на свете. Глупо, да?

— Вовсе не глупо, — сказала Кэрин.

— Измена Бретта заставила меня впервые засомневаться в себе. — Была ли я достаточно желанна для него? Была ли я достаточно женственна? — Кроме того, если я

захочу остепениться, это будет другой мошенник.

А значит, миллиардер — технический гений даже не обсуждается.

— Тогда тебе стоит подумать о Пегги Сью. — О «свадебной афере». — Уверена, после его звонка это всем пришло в голову.

Эта мысль сверлила мне мозг, но усилием воли я от неё отказалась. — Дмитрий явно не глуп. Его брачный контракт будет облачён в такую броню, что лязгнет, падая на стол. К тому же у него двое телохранителей.

— *Ненавижу* телохранителей. И всё равно, это Вегас, детка. Сведи его с ума на часок — и провернёшь это дело.

— Свести с ума, да? — *В чём — в чём, а вот в этом-то он не нуждался.*

— Могу попробовать его подставить. — Такие розыгрыши затевались не только ради шантажа. — Я скомпрометирую его, а ты как будто застанешь нас «вместе». Ты расплачешься и скажешь, что снова поверить ему можешь только в одном случае: если вы будете связаны семейными узами. Поставь ультиматум, и он будет готов.

Изобразить слёзы я могла, но при мысли о том, как Кэрин будет всего лишь «изображать», что они с Дмитрием вместе, пальцы сами собой вцепились в руль. — Я решила остановиться на дойке.

— Тогда надень «пожирательницу мужчин».

Это длинное платье без рукавов я сшила из красного струящегося шёлка. Фасон получился простым, но соблазнительным.

Едва заметные бретельки и низкое декольте открывали вполне достаточно спереди, зато вырез сзади опускался ниже талии. Силуэт «песочные часы» заканчивался высоким разрезом на бедре.

Подобное платье — это сообщение прямым текстом *«Сегодня я жажду секса. И когда до этого дойдёт, яйца одного из нас возопят о пощаде».*

— А не рановато ли?

— Нет, но он от тебя не отлипнет.

При этой мысли в унисон с двигателем «Порше» у меня внутри всё замурлыкало.

То, что Кэрин прочитала в выражении моего лица, заставило её поджать губы. — Тебе с ним спать нельзя.

— Слушай меня внимательно. — Я посмотрела ей прямо в глаза, когда мы выехали на Стрип. — С этим русским я не собираюсь спать ни при каких обстоятельствах.

Ну, ладно, может, я и пересплю с русским.

Когда я открыла ему дверь, на ум пришла строчка из песни несравненной Мадонны.

Я по уши в неприятностях.

Он просто... просто был так невероятно прекрасен. Сшитый на заказ тёмно-серый костюм идеально облегал широкие плечи и узкие бёдра. Неброский галстук с янтарной полоской в узор подчёркивал цвет глаз. Мне сразу же захотелось прикоснуться к его гладко выбритым щекам и подбородку.

Он уставился на меня, словно забыл, как моргать. Наверное, оценил «пожирательницу».

Перед этим мне уже позвонил Пит, чтобы сообщить, что Дмитрий уехал из казино и в чём он был одет (кузен предупредил, что Дмитрий выглядел «невыносимо круто»). Благодаря Джованни (консьержу), мне также было известно, что поедем мы в «Муранос» — романтический и экстравагантный итальянский ресторан.

— Платье подойдет? — спросила я, покрутившись на месте. — Ты не сказал, куда мы поедем.

Взгляд Дмитрия скользнул вниз, потом медленно поднялся вверх, чтобы, наверное, запечатлеть в памяти каждый сантиметр моего тела. Ответом стал короткий кивок.

И ни слова о моём внешнем виде? Я тщательно заплела волосы в три косички, которые затем подколола в виде короны. Профессиональный макияж: обведённые глаза, подкрученные ресницы, глянцевые губы и тёмные ногти. Единственным украшением была пара ониксовых серёжек, а для ключей, телефона и губной помады в руке у меня был клатч.

Когда я только надела на себя «пожирательницу» и тонкий материал заструился по телу, соски сразу же напряглись, а подобный эффект платье совершенно не скрывало. Теперь же, после того, как Дмитрий окинул меня взглядом, они снова торчали. К тому времени, как его взгляд остановился на моём лице, щёки опять запылали. Я махнула рукой в его сторону. — М-м, отлично выглядишь.

Второй кивок.

Ух ты, наговато.

— Идём. — Его широкая ладонь легла на мою голую поясницу. Он вёл меня к лимузину, а его ноздри раздулись, и пальцы скользнули чуть глубже.

Почувствовав знакомый запах бальзама после бритья, я, как обычно, захмелела, веки налились свинцом.

— Спасибо за подарок, — сказала я, когда мы проходили мимо моей новой машины. Эл уже нашёл заинтересовавшегося покупателя.

На мою благодарность Дмитрий едва отреагировал.

— У меня есть для тебя ещё один.

Да неужели?

Один из телохранителей (шатен) открыл перед нами дверцу. Блондин сидел за рулём. Я прозвала их Старски и Хатч (не совсем восьмидесятые, но близко). Старски закрыл дверцу и уселся впереди рядом с Хатчем. С низким звуком поднялась разделительная перегородка.

Дмитрий не подсел ко мне вплотную. Странно. Когда автомобиль тронулся, он не обнял меня и не усадил к себе на колени.

Я думала, что моё голое бедро уж точно заслуживает взгляда, но он, казалось, твёрдо

решил не смотреть вниз. Я озадаченно вертела в руках клатч и смотрела в окно.

Проехавший мимо белый внедорожник, очень похожий на тот, на котором ездил Бретт, заставил меня нахмуриться. Водителя удалось увидеть лишь мельком, но мне показалось, что это был мой бывший. Сколько бы раз я ему не говорила, что между нами всё кончено, он продолжал околачиваться поблизости. Как же заставить его понять, что пора прекратить эти письма и случайные визиты, и двигаться дальше?

Так, думай не о Бретте, а о работе. Откинувшись на сиденье, я наблюдала за Дмитрием краешком глаза.

Его плечи были напряжены. Когда он медленно выдохнул, словно пытаюсь взять себя в руки, я немного расслабилась. Неужели я его настолько смутила? Вновь обретя уверенность, я спросила:

— Чем же занимаются твои телохранители, пока ты на свиданиях?

— На свиданиях? Понятия не имею, что они делают, когда меня рядом нет.

— Есть какая-то причина для путешествий с охраной?

Он пожал плечами.

— Так я защищён от внешних раздражителей.

— С помощью их огнестрельного оружия? — это я успела заметить.

Он не отрицал.

— Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

— Загадочный ответ от загадочного парня. — Я развернулась к нему лицом. — Пока мы не доехали до ресторана, я бы хотела поговорить о вчерашнем вечере. Беседа с сестрой помогла мне кое-что понять.

— Например?

Если лопнула труба...

— Очевидно, у меня есть... фетиш. В это трудно поверить, но я и понятия не имела, что питаю склонность к... эээ... не ванильным отношениям. Интенсивность произошедшего меня напугала, и я слишком бурно отреагировала, свалив всё на тебя.

— Я тебе верю. Ты действительно была шокирована. Я должен был всё делать постепенно. — Он потёр ладонь вдоль бедра. — Я учусь. С тобой. И понимаю, что не должен был на тебя давить, когда ты уже выпила.

— Ну, да, пожалуй. Я не просто была шокирована, но и перенервничала. В подобной ситуации женщина может пострадать.

Он ещё сильнее напрягся.

— Я бы не дал тебя в обиду. Думаешь, я бы не смог тебя защитить от каких-то двоих парней?

— Откуда мне было знать, Дмитрий? Я и тебя-то почти не знаю. Это наше первое настоящее свидание.

Он выдохнул.

— Логично. Спасибо, что всё мне объяснила. Пожалуйста, и дальше так делай.

— Да, у меня словно камень с души упал.

— Поговорив с сестрой, стала ли ты изучать свой новый фетиш подробнее?

— Ну, почитала кое-что в интернете. — И обнаружила жанр фильмов для взрослых «Одетый мужчина, голая женщина», где в одном из видео обнажённая девушка на коленях делала минет полностью одетому парню.

Жадным взглядом я окинула идеальный костюм Дмитрия.

— Было... познавательно.

Два дня назад он меня раздел, оставаясь при этом в одежде, и даже дал понять, что мне это может понравиться.

Он уже тогда чувствовал мои наклонности?

Кстати, о том вечере — он что, и правда передёрнул на этом самом сиденье на обратном пути?

Я бы разыграла аферу, только чтобы на это посмотреть.

— Предлагаю выбрать стоп-слово, — сказал Дмитрий.

— А это разве не к теме плёток и наручников? — Возможно, я бы могла попробовать повторить то, что увидела сегодня в интернете, но бондаж — точно не по мне.

— Ты сможешь использовать стоп-слово, чтобы дать мне понять, что я слишком на тебя давлЮ.

И *распрощаться* с самым сумасшедшим оргазмом? Но сейчас лучше отшутиться. В поисках подходящего слова, я окинула взглядом роскошный интерьер лимузина. Моё внимание привлёк стильный бар. — Я скажу «коньяк».

— Очень хорошо. Я сразу же останавлиюсь.

Кодовые слова были мне привычны. «*Голубое небо*» — полиция рядом. Типа «прямо над головой чистое голубое небо».

«*Забегаловка*» — меняем место. «*Пума*» — сейчас на розыгрыше. «*Представитель*» — наблюдение.

«*Конец света*» — экстренный сбор всей семьи.

Три месяца назад такое сообщение разослал всем отец. Кэрин, Бенжи и я как раз были на фотовыставке, когда наши телефоны синхронно тренькнули. Ни слова не говоря, Бенжи бросился на парковку за машиной, а мы с Кэрин сбросили туфли, чтобы каблуки не мешали бежать. Мы, что есть духу, помчались к родителям.

Картель только что взял нас на мушку.

— О чём ты задумалась? — спросил Дмитрий.

Кто я такая. Что стоит на кону. Наши взгляды встретились. — О вчерашнем вечере. У меня не слишком-то получается думать о чём-то ещё.

— И у меня.

— То, что ты делал пальцами — просто снесло мне крышу. Где ты этому научился?

— Книги и видео, — ответил он. — Секс я изучал как науку. Просто делал свою работу.

— Зачем? — спросила я, представив, как он смотрит порно и мастурбирует. С начала свидания прошло всего пять минут, а мои стринги уже промокли.

— Чтобы я мог впечатлить такую, как ты. — Его слова казались флиртом, но говорил он абсолютно серьёзно. — И чтобы она пристрастилась ко мне.

— Считаю, что меня ты впечатлил. — Это мягко говоря. — Когда ты обнаружил, что тебе нравится выставлять своих спутниц напоказ?

— Думаешь, я... — Он прищурился. — Мне *не нравится* выставлять тебя напоказ. — В его тоне сквозило осуждение. — Прямо сейчас я хочу отвезти тебя в свой номер! И чтобы никто тебя такой не видел. Это платье я одновременно люблю и *ненавижу*. — Он даже не осознавал, что в руке у него был зажат край подола, и алый шёлк скользил сквозь пальцы.

Мои губы изогнулись. *Сумасшедший.*

— Таким образом ты хочешь сказать, что я выгляжу мило?

— Мило?? У меня просто дыхание перехватило. Я до сих пор не оправился. — Он

пробормотал что-то по-русски тоном, каким говорят «*трахни меня*». Переведя взгляд на свою руку, он выпустил платье. — Твой вчерашний внешний вид уже испытывал мою выдержку. Но это...

Моё дыхание участилось, грудь вздымалась и опускалась под его сосредоточенным взглядом.

— Я уже говорил, что ревнив. И предпочёл бы, чтобы тебя не видел никто, кроме меня.

— Зачем тогда ты демонстрировал меня в клубе?

Он посмотрел мне в глаза.

— Мой фетиш — делать тебя необузданной и безумной.

Вчерашний вечер был *только* для меня.

— Как же ты распознал мой фетиш раньше меня?

— По твоим реакциям в первый вечер, — хрипло ответил он.

Я вспыхнула, вспомнив о том, как прижималась к его ладони.

Он сжал кулаки. Тоже вспомнил?

На костяшках его правой руки я заметила рваные порезы. Но прежде чем успела его об этом спросить, он произнёс: — Всё, о чём я могу думать — это представлять, как ты снова кончаешь, а теперь ты ещё и такое платье надела? Наверное, тебе нравится надо мной издеваться. Я молил о пощаде, но ты просто безжалостна.

— Это платье я надела, потому что мне нравится, как я себя в нём ощущаю.

— Той, перед кем нельзя устоять? — прохрипел он.

Боже, этот мужчина меня заводит. Наверное, мне нравится играть с огнём. — Но ты ведь... можешь *устоять*.

Он так смотрел на меня исподлобья, что я вся покрылась гусиной кожей. Казалось, он едва сдерживался, чтобы не притянуть меня к себе. — По телефону ты сказала, что не хочешь заниматься со мной сексом.

Но... но это было до того, как я увидела тебя в костюме. Встряхнись! — Ты прав. Если мы переспим, у тебя сложится обо мне неверное представление. Я чувствую давление, а я этого терпеть не могу. Так оно и было.

— Тогда я прямо сейчас пообещаю тебе одну вещь. Клянусь, что не стану соблазнять тебя на секс до тех пор, пока мы оба не согласимся на этот шаг.

Я покачала головой. — Этого недостаточно. С тобой я могу перевозбудиться и начать умолять о сексе под влиянием момента. Когда я увидела тебя сегодня на пороге, то чуть не взмолилась, чтобы ты меня трахнул.

— *Виктория...* — От его грубоватого голоса по телу пробежала волна жара. Он продолжил, взяв себя в руки, — клянусь, что не буду спать с тобой, пока мы оба не согласимся на этот шаг — согласимся *вне* интимной ситуации.

— Что это означает конкретно?

— Это означает, что мы сядем и обсудим наши — он сделал жест от меня к себе — отношения и их развитие. Это означает, что ты можешь хорошо проводить со мной время, не чувствуя давления.

Он только что сам подписался на дойку.

Я словно бы в нерешительности прикусила губу. Конечно же, я буду играть по его правилам. Потому что это моя работа. Неважно, чего я хочу на самом деле.

Да-да, Вайс, повторяй это себе.

— Ладно. Договорились.

— Хотя это, скорее всего, будет означать мою смерть. — Издав болезненный стон, он поправил в брюках член.

Я резко вздохнула, желая, чтобы он продолжал себя трогать... как тогда в лимузине два дня назад. Я представила, как он трёт свой огромный проколотый член, извергаясь прямо в кулак...

Лимузин мягко остановился у входа в ресторан.

— Готова, *mon ángel*? — спросил Дмитрий.

Словно очнувшись от сна, я молча кивнула.

Старски поспешил открыть дверь. Когда Дмитрий помогал мне выбраться из машины, мои соски явственно торчали сквозь шёлк.

Парковщик пялился на мои сиськи, и швейцар пялился. Всякий раз, когда кто-нибудь бросал взгляд на мою грудь с выступающими вершинками, по телу пробегала запретная дрожь.

Тёплая ладонь Дмитрия продолжала по-хозяйски лежать на моей пояснице. Я взглянула на него. Он неотрывно смотрел на меня, будто так пытался скрыть от чужого внимания.

Он говорил правду. Дмитрий Севастьянов был ревнив — и, к несчастью, очарован склонностью своей спутницы к эксгибиционизму.

Попозже я признаюсь ему, что *именно он* делает меня такой влажной. То, как он поправил свой член — и моя фантазия о нём — возбудили меня не меньше, чем демонстрация груди.

Он пробормотал мне на ухо: — Я собираюсь насытить твоё тело, Вика, а потом ты станешь моим десертом.

Из лёгких вырвался судорожных выдох.

В неприятностях, Вайс. По уши.

К такому можно привыкнуть.

Пламя свечей на столе подрагивало от порывов задувающего в нашу кабинку тёплого ветерка. Отражающиеся от глаз Дмитрия огни превращали его радужку в светящийся янтарь.

С трудом оторвав взгляд от его лица, заставляющего замирать моё сердце, я оглядела окружающую обстановку. Места под открытым небом располагались вокруг элегантного бассейна, причём каждый столик находился в отдельной кабине.

Мне всегда хотелось здесь побывать, но цены в этом заведении были заоблачными. Морепродукты в Муранос ежедневно доставляли самолётами из разных уголков Италии.

Когда несколько минут назад облачённый в смокинг рыжеволосый официант возрастом слегка за сорок принимал наш заказ, я восхищённо изучила меню и остановилась на средиземноморском синем омаре. Дмитрий выбрал равиоли по-венециански с крабами и артишоками.

Я вновь повернулась к нему. — Ты всё время на меня смотришь.

— От тебя невозможно отвести глаз.

Всякий раз, когда я чувствовала на себе его взгляд, мои щёки розовели. Чтобы расслабиться, я снова пила, маленькими глотками смакуя выбранное им бесподобное вино. К тому же, его обещание сделать меня десертом здорово нервировало.

Неужели он планировал оральные ласки?

Когда он, подняв свой бокал, сделал крошечный глоток, мой взгляд упал на повреждённую кожу его костяшек. — Что случилось?

Он поставил бокал на стол. — Ничего.

Потянувшись через стол, я взяла его ладонь обеими руками. Провела пальцем по коже рядом с порезом, отчего Дмитрий сразу напрягся и издал длинный выдох.

Неужели даже невинное прикосновение даёт такой сильный эффект? Это... *впечатляет.*

Интересно, как он будет реагировать, если я сделаю ему минет? Я сразу же представила, как ласкаю его губами. Сосу и дразню его член. Глажу кончиком языка серебряный пирсинг, вызывая дрожь во всем теле. Заставляя его так отчаянно желать разрядки... что он начнёт просто беспомощно трахать мой рот...

— Ну вот, — вдруг сказал он. — Ты покраснела. О чём ты только что думала?

Я отпустила его руку. — О том, о сём. Мои трусики можно будет выжимать.

— Готов убить за то, чтобы узнать твои мысли, когда ты краснеешь. Не хочешь рассказывать?

— Хм-м. Может, попозже я тебе покажу.

— Дразнишь.

Примерно всегда. Я вновь подняла свой бокал. — А ты почти не пьёшь, да?

Он покачал головой. — Не люблю терять контроль. Если не считать игр с тобой во время секса. В этом случае я предпочитаю сохранять контроль, пока ты полностью меня его не лишишь.

Я чуть не начала обмахивать себя ладонью, заметив этот голодный взгляд, который вряд ли смогу забыть. При свете свечей он просто завораживал.

Причём так казалось не только мне. Мимо нашей кабинки продефилировали, отчётливо

вздыхая, две куколки (уже в *третий* раз).

— Ты везде это чувствуешь, да?

— Чувствую что? — Он ничего не замечал.

— Женское внимание. — Мой палец скользил по краю бокала. — Какими были твои последние отношения?

— У меня никогда не было отношений.

Я подождала ощущения скребущих по доске ногтей, но он говорил правду. — Значит, ты просто *играешь* с женщинами.

— Нет.

— Но либо одно, либо другое. — С подсчётами я справлялась. Если бы всякий раз он спал с новой женщиной, зарубки на его поясе приумножались.

— Какими были *твои* последние отношения? — спросил он.

Я не стала обращать внимание на то, что сам он мне не ответил. — Примерно год назад я рассталась с парнем, с которым встречалась почти два года. Мы собирались пожениться. — Бретт был таким нормальным, с простой и понятной жизнью. В то время нормальность и простоту я приравнивала к честности. — Свадьба должна была состояться через несколько недель. — Я только-только получила паспорт для медового месяца на Карибах, и как раз заканчивала шить свадебное платье, с которым промучилась уже кучу времени. То, с каким трудом мне это давалось, уже само по себе могло послужить сигналом.

— И он позволил тебе уйти?

Позволил?

— Что он мог поделать?

Дмитрий выдержал мой взгляд. — Будь я на его месте, я бы боролся.

Эти слова отозвались во мне дрожью. — Кто сказал, что Бретт не делал ничего подобного?

Каждое воскресенье я представляла, как он сочиняет очередное письмо, пытаюсь достучаться до моих воспоминаний о счастливых днях и добраться до тех уголков сердца, которые ещё не успели окаменеть после его измены.

— И всё равно ты к нему не вернулась.

Я вздёрнула подбородок. — Он мне изменил.

— Мне очень жаль, Вика, — искренне произнёс он. — Тебе, наверное, было очень тяжело.

— Было. — Посчитав, что теперь моё подвенечное платье проклято, я, вместо того, чтобы продать, разрезала его на лоскуты. — Знаешь, все ставили против нас, но я была непоколебима. — Отношения с Бреттом заставляли меня впервые задуматься о некоторых вещах.

А что, если бы я не была аферисткой? Что если бы я могла представляться своим настоящим именем — всё время? Что если зарабатывать на жизнь шитьём?

— Я действительно считала, что у нас был шанс.

— Ты бы хотела снова быть с ним?

Раньше всё было неплохо. Я к нему переехала, а он оплачивал мне машину. Я сократила участие в розыгрышах и записалась на дизайнерские курсы. Он готовил, я делала уборку. Мы жили скромно.

Конечно, скрывать аферы было непросто, но и близко не столь тяжело, как нынешние обстоятельства. Даже после выплаты семейного долга меня всё равно должны выселить, а в

моём распоряжении имеется лишь дышащий на ладан пикап. Разумеется, теперь у меня был Порше. Правда, ненадолго. Боже, столько всего навалилось. — Я не знаю, — рассеянно пробормотала я.

У Севастьянова выступили желваки. — Вот почему ты так осторожна.

Отчасти.

— Давай больше не будем о нём говорить.

Поколебавшись, он согласился: — Давай. Расскажи о себе.

— С чего же начать? — Я была близка с Дмитрием (дважды), и всё равно мы почти ничего друг о друге не знали.

— От чего Викторию Валентайн бросает в дрожь? — Его волосы разведал игривый ветерок.

Вот прямо сейчас мой пульс ускорился благодаря золотоглазому русскому.

— По сравнению с твоими подругами моя жизнь довольно скучна.

Он никак на это не отреагировал. — Где ты училась?

— Я была на домашнем обучении. Родители хотели, чтобы я присоединилась к семейному бизнесу. Никто лучше них не справился бы с моим обучением.

— Расскажи о своей семье.

— После тридцати лет брака родители по-прежнему друг от друга без ума. Старшая сестра, Кэрин, моя лучшая подруга. Брат — мой герой. У меня большая любимая семья. Которая по отношению ко мне порой проявляет гипер-опеку. Но мне кажется... — я замолчала.

— Тебе кажется что?

Что они меня недооценивают.

— Ничего. А твоя семья? Ты сказал, что Максим тебя практически вырастил.

Очарование Максима, должно быть, частично перешло и на младшего брата. Возможно, именно поэтому в Дмитриии чувствовалась смесь лоска и неуверенности.

— Мама умерла, когда мне было пять лет, отец — когда мне было семь.

— Соболезную. — Я уже собиралась спросить о причинах, но его изменившееся выражение лица заставило меня передумать. Вместо грусти на его лице я увидела... гнев.

На руке, держащей стакан, побелели исцарапанные костяшки. Потом он, пытаясь успокоиться, вздохнул.

Я попыталась сменить тему. — Вы с Люсией вроде бы хорошо ладите.

— Да. Она мне очень нравится. — Он нахмурился и потом добавил: — Сначала всё было наоборот. Мне была неприятна сама *мысль* о ней. Не нравилось, как стал вести себя брат. О чём я не постеснялся ему сообщить, — по его тону было件нятно, что он приуменьшил обстоятельства.

— В смысле?

— Он был убеждённым холостяком, который имел дело только с девушками из эскорта. Его самые длинные «отношения» длились не более часа. А потом я узнал, что он стал одержим какой-то женщиной — после одного-единственного свидания, и начал с ней жить — после второго. То, что после стольких лет он так резко переменялся, заставило меня гадать, не вступил ли он в кризис среднего возраста.

— Почему ты изменил мнение?

— Это не очень приятная история.

Я махнула ему продолжать. — Пожалуйста.

— Из-за денег её начал преследовать мужчина, сначала собрав о ней полную информацию, а затем соблазнив. — Ой. Блин. Похоже на мошенника, возможно, многожёнца. Но настоящие аферисты никогда не выбирают хороших людей.

Но разве я сейчас занимаюсь не тем же самым?

— Он вынудил её выйти за него замуж, — продолжал Дмитрий, — намереваясь убить, как только она перепишет на него всё имущество.

— Господи. — *Не аферист. Убийца, позаимствовавший наши методы. Девятый пункт в списке многоходовки накладывал запрет на убийство клиента.* — Похоже, это был какой-то психопат.

— Именно. Она скрывалась от него годами, но он всё равно её нашёл и нанёс ножевое ранение прежде, чем мой брат успел ей помочь.

Мои глаза округлились. Невозможно было поверить, что кто-то мог ударить ножом эту милую девушку, с которой мы вместе хохотали.

— Что было дальше?

— Тот псих наставил на Максима пистолет, целясь прямо в голову, но брат всё равно пошёл прямо на него.

В его голосе звучала неприкрытая гордость.

— Максима бы не было в живых, если бы Люсия не нашла в себе силы в последний момент ударить ублюдка по руке. Пуля попала Максиму в плечо.

— Я даже не подозревала.

Он пожал плечами.

— Это не то, о чём мы с удовольствием рассказываем.

Я подпёрла подбородок рукой.

— Твой брат ради неё пошёл под пули?

— Да. — Вот *теперь* в его голосе звучала неприкрытая гордость. — Он был готов отдать за неё свою жизнь. Разве я мог проигнорировать этот факт?

Значит, Максим действительно принадлежал к трём процентам. А его младший брат — такой же?

— А Алекс? Вы с ним не близки?

— Ещё год назад я с ним даже не разговаривал. — То самое налаживание отношений. И ещё одна перемена, которую Дмитрий совершил примерно в то же время. — На протяжении десятков лет, с самого детства, я не мог находиться с ним даже в одной комнате.

— Почему? — Такую степень отчуждения с родным человеком я просто представить не могла. Конечно, порой и я злилась на свою семью, но каждый из них в мгновение ока пожертвовал бы ради меня своей жизнью, равно как и я ради них.

— Его не было рядом, когда я в нём очень сильно нуждался. — Дмитрий отвёл взгляд, будто что-то вспоминая.

Да уж, этот человек страдал. И ждал, что его старший брат ему как-то ему поможет. Прошлое Дмитрия оставалось загадкой, но я была терпелива и собирала информацию по крупицам.

Однако потом я нахмурилась. В лучшем случае у нас оставалось восемнадцать дней. И, конечно, он ещё раньше может уехать обратно в Россию. — Мне очень жаль, Дмитрий. Но ведь с тех пор вы с Алексом во всём разобрались, верно?

— Да, мы восстановили отношения, — ответил он, хотя, очевидно, его мысли были обращены в прошлое.

Мне хотелось вернуть его в настоящее. К себе. — Эй, здоровяк, неужели год назад ты был на пороге смерти?

Его взгляд метнулся к моему лицу. — Почему ты это сказала?

— Ты снова стал разговаривать с Алексом, начал качаться и набрался мыслей о БДСМ. И ещё сделал пирсинг. — Чтобы не быть *похожим* на себя. — Были ещё какие-то изменения?

— Да. Множество. Для них пришло время. — И более беззаботным тоном он предложил: — давай поговорим о чём-нибудь более хорошем. Если бы не работа в «Каледон», что бы ты делала?

Вопрос о пороге смерти он оставил без ответа, но я решила не настаивать. — Я бы стала проектировать и создавать одежду. Я сшила это платье, которое ты одновременно любишь и ненавидишь. Я шью всю свою одежду.

— Разве ты не хочешь развивать свои способности?

Всё равно, что тянуться к звёздам. Это я уже проходила.

Даже если бы не наши семейные обстоятельства, мне, как минимум, понадобилась бы медицинская страховка. В крайнем случае, без дела не осталась бы моя собственная машинка для клонирования кредиток. *Пожалуйста, Санта, пожалуйста.*

Каждый член нашей семьи чем-то жертвовал. У каждого была сокровенная мечта. Кэрин хотела накопить денег и всё своё время посвятить сыну. Эл с бабулей планировали отправиться в круиз вокруг света, окручивая всех надоедливых туристов, чтобы дать им понять, что лучше сидеть дома. Мама с папой мечтали заменить все развешанные по дому фальшивки настоящими произведениями искусства. Артистичная душа Бенжи требовала снимать картины дикой природы, а не всяких дегенератов. Что до Пита...

Вообще-то, Пит был счастлив, устроившись на работу в Кали.

— У нас у всех есть мечты, да? — сказала я.

Дмитрий чуть наклонил голову. — Я начинаю в это верить.

Официант вернулся, чтобы вновь наполнить бокалы. Неужели я уже осушила свой? И в менее располагающих обстоятельствах я едва могла устоять перед Дмитрием, а уж после пары бокалов вина он легко заставит меня умолять о сексе. Опять.

Мысль о мольбе в одно мгновение меня завела, и я вновь покраснела.

— Какие у тебя хобби? — спросил Дмитрий. — Ты едешь верхом?

Сосредоточься, Вайс.

— Не ездила уже довольно давно. — С того времени, как разыгрывала аферу с недвижимостью рядом с ранчо в соседней Калифорнии. Моя семья терпеть не могла покидать Вегас, я же — наоборот. — А ты едешь?

— Когда-то я катался с удовольствием. Подумываю возобновить прогулки. — *Мило, должно быть.* — Ты любишь бывать у моря?

— Без понятия. Ни разу не была.

— Как так? Разве тебе не хочется попутешествовать?

— Ну, разумеется. У нас здесь представлено столько миниатюр всех чудес света. Я бы с удовольствием полюбовалась на пирамиды Гизы, на настоящий дворец или на Эйфелеву башню. Получить первый штампель в паспорте уже будет для меня огромным достижением. — Чёрт возьми, да я бы с радостью поехала обратно в Кали. Я всегда говорила, что если однажды выиграю в лотерею, то отпуск проведу именно там. — Но я не могу уехать надолго. Здесь у меня семья. Воскресные ужины обязательны к посещению.

Можно пропустить лишь парочку в год.

— Должно быть, у вас очень близкие отношения.

— Они для меня — всё.

— Ты предана тем, кого любишь, — тихо заметил он.

— До самой смерти. — У меня имелась масса недостатков, но преданность для меня была превыше всего. Преданность любому, кто в моём понимании являлся частью семьи. — «До самой смерти» — это наш семейный девиз. — Который также давал понять, как долго Валентайны хранили секреты.

Губы Дмитрия почти изогнулись (самое близкое подобие улыбки, на которое был способен этот мужчина), а потом он поднял свой бокал.

— За преданность.

Мы чокнулись.

От его пристального взгляда я чувствовала себя не в своей тарелке, так что я лихорадочно пыталась придумать тему для разговора.

— В интернете о тебе немного информации.

— Предпочитаю, чтобы так было и дальше.

Так я и думала. Что же он старается скрыть?

— Типа «Наживайся тайком, не мели языком»? — Просто жизнеописание афериста.

— А, Шекспировский «Король Лир»

Я усмехнулась. Неудивительно, что он узнал цитату. Мой клиент был действительно ужасно умным.

— Так чем ты теперь занимаешься? Раз уж наработался на всю жизнь?

— Обслуживаю собственное имущество.

— Подозреваю, это такой скромный способ сказать, что ты управляешь финансовой империей, так как очень богат.

Он чуть склонил голову.

— Вообще-то, теперь всё подчинено технологиям. Я работаю один час в день из любой точки мира. Оставшееся время я решил потратить на собственные удовольствия.

— На что именно? Чего ты хочешь от жизни?

— Того же, что и большинство мужчин. Жену и пару ребятишек.

Поверить не могла, что он вслух сказал о жене. А также назвал ещё одно отличие между нами: дети.

— Собственную семью, да?

— Богатство ничего не значит, если его нельзя тратить на тех, кого любишь.

— В этом смысле поверю тебе на слово. Хотя странно, что ты до сих пор не остепенился.

— Просто раньше не встретил ту самую.

Раньше? А сейчас, типа, встретил?

Он говорил, что хочет *определённости*, но это всё-таки далеко от семьи и детей. Люсия, Натали и Джесс болтали, что Севастьяновы влюбляются с первого взгляда. Неужели Дмитрий и правда думал, что я — та самая?

Нет-нет. Всё-таки, родной язык у него — русский, скорее всего он просто неправильно употребил слово. Или я его неверно расслышала.

Но почему же он смотрит на меня с таким обожанием...?

Пока мы с Дмитрием беседовали, попивая вино и поглощая тирамису, я обнаружила, что в чём-то наши интересы совпадают.

Нам нравились одни и те же книги, и даже кое-что из музыки. Не улыбаясь и редко смеясь, он, тем не менее, обладал отличным чувством юмора.

— Может, именно ты заставишь меня оценить хиты восьмидесятых, — в уголках его глаз вдруг образовались морщинки. — Все другие мои наставники раз за разом терпели неудачу. — При виде его *«почти»* улыбки меня всякий раз бросало то в жар, то в холод.

Теперь, когда я стала лучше понимать выражения его лица и настроение, наш разговор потёк более плавно.

И всё же порой я чувствовала его социальный дискомфорт, который мог быть результатом недостатка практики общения.

Какой непростой, сбивающий с толку мужчина. Безупречный в одном и неумелый в другом. Бесподобный, но равнодушный к местным куколкам. Талантливый, но не умеющий читать людей.

Когда в сумочке завибрировал телефон, я поняла, что время позднее, и все мои с нетерпением ждут новостей.

— Мне уже пора.

Он жестом попросил счёт.

— Завтра мы отправимся в поездку. Проведём неделю в любом месте по твоему выбору.

После вчерашнего выступления мы снова вернулись к пятому пункту: «постепенно сообщить о своих нуждах».

— Мне надо работать. Как бы мне этого ни хотелось, но жить в купленном тобой порше я не могу.

Он вдруг застыл.

— Мне бы хотелось заботиться о тебе.

В каком-то смысле он меня тоже заманивал.

— Дмитрий, ты собираешься стать моим благодетелем? — игриво спросила я. В Городе Грехов побрякушка за оргазм являлась обычной ставкой.

Он смотрел на меня так, словно чувствовал какую-то ловушку.

— Я не хочу... чтобы ты снова от меня сбежала.

— Никуда я не собираюсь. Рассказывай.

Он вздохнул.

— Денег у меня больше, чем я могу потратить, но я не получаю от этого удовольствия. Я получаю удовольствие, находясь рядом с тобой, поэтому хочу этого как можно больше. Ненавижу твою работу за то, что она нас разлучает. Могу ли я продолжать делать тебе подарки?

Срань Господня! О таком клиенте можно только мечтать. Богатейший, сексуальнейший мужчина, способный на убийство. Но я снова погрузилась в сомнения. Чем добрее он ко мне относился, тем сложнее становилась моя работа.

— Давай не будем слишком спешить? — предложила аферистка неуравновешенному миллиардеру.

Он выглядел разочарованным.

— Я тебя напугал.

— Ты ведь скоро покинешь Вегас.

Казалось, он тщательно взвешивает свой ответ. Наконец, он сказал:

— Без тебя — нет.

У меня челюсть отвисла.

— Это была одна из тех фраз, которые не стоит произносить вслух, да?

Всё пространство вокруг заполнили красные флажки.

— Всё это слишком быстро. — Я изо всех сил пыталась успокоиться.

— По сравнению с другими парами? Да. Но мы оба понимаем, что будет дальше. — Ну не томи, приятель.

— Ты будешь моей, — сказал он. — Только моей. Считай это свершившимся фактом. Я выдохнула.

— Свершившимся фактом.

Предполагалось, что это я должна буду подвести его к такому финалу. Причём процесс будет длительный и потребует не только моих собственных знаний и умений аферистки, но и всеобъемлющей помощи всего нечистого на руку сообщества Города Грехов.

Дмитрий же преподнёс себя на блюдечке с голубой каёмочкой!

Наверное, что-то замыслил. Я прищурилась. Ну конечно!

— А что, удобно, — я зло на него посмотрела. Он выглядел совершенно сбитым с толку.

— Вот сейчас я совершенно тебя не понимаю.

— Ты обещаешь, мол, никакого секса, намекая на серьёзные отношения. Потом, по случайному совпадению, выясняется, что серьёзные отношения — это как раз то, что ты ищешь. Именно сейчас! Хотя раньше у тебя их никогда не было. А что, мы ведь можем переспать прямо сегодня!

— Ты такая упрямая красотка, — сказал он. — Я здесь не только ради секса. Клянусь, что не буду спать с тобой, пока ты не станешь только моей. — Его глаза вспыхнули. — Сегодня ты будешь умолять, чтобы я в тебя вошёл, но я всё равно сдержусь.

Я изучала его лицо. *Этого парня можно заставить на мне жениться.* Но можно ли без брачного контракта?

Это будет невероятнейший розыгрыш.

Когда мы вновь оказались в лимузине, он усадил меня к себе на колени. Мне сразу же захотелось свернуться в этих объятьях клубочком, впитывая его тепло, но надо было работать — соблазнять.

— Почему ты всё время усаживаешь меня к себе на колени?

— Если скажешь, что тебе неудобно, я сразу же перестану. — Его член подо мной начал твердеть.

— Ты сказал, что сегодня я вновь буду тебя умолять. Ты вот так вот решил, что мы будем близки?

— Учитывая, как ты трахала меня глазами весь ужин? — Когда в его глазах промелькнула смешинка, я поняла, что он меня подкалывает. — Мы не просто будем близки. Я собираюсь продемонстрировать, что тебе нравится бондаж.

Было ли мне любопытно? Разумеется. Но я не думала, что готова полностью отдать

контроль.

— Не уверена на этот счёт.

— У тебя есть стоп-слово, — сказал Дмитрий, но в его тоне звучал вызов, словно он подначивал меня этим словом не пользоваться. — Либо ты его произносишь — либо полностью отдаёшься мне.

Я перевела взгляд с его лица на окно.

— Почему мы едем в мою сторону?

— Хочу посмотреть, как ты живёшь.

На всякий случай я убрала всё, имеющее отношение к аферам, и запретила там появляться членам семьи.

— Жильё у меня довольно жалкое.

Он притянул нас лбами друг к другу, как мне нравилось. Это позволяло чувствовать, что мы связаны. *Слишком* связаны.

— Тебе недолго там оставаться, Вика. — Потому что он хотел что-то для меня сделать!

— Если ты намерен меня связать, то учти, что никаких аксессуаров для бондажа у меня нет.

— Ты удивишься моим способностям к импровизации. Достаточно шарфа, возможно, пары поясов. Уверен, испытывая такую страсть к одежде, ты найдёшь всё, что мне понадобится.

— Зачем нужно меня связывать, если не ради секса?

— Чтобы получить так страстно желаемый мною десерт. — Член подо мной запульсировал.

Я едва удержалась, чтобы не потереться об него попойкой.

— Что именно это значит?

Отвечая, он неотрывно смотрел мне в глаза:

— Это значит, что я буду целовать твою маленькую киску, пока твои бёдра не начнут дрожать, и влага не хлынет мне в рот. Я не остановлюсь, пока ты не закричишь.

Я сглотнула. Несмотря на предчувствия, я была в полном раздразне. Ведь часть меня отчаянно нуждалась в неистовом оргазме, который мог подарить мне этот мужчина. Но факты напомнили о себе.

— Я же сказала, что меня это не интересует.

— Ты опять меня отвергаешь? Но почему?

Мои щёки порозовели.

— Я не могу кончить от орального секса.

— У тебя такие разные румянцы. Я выучу каждый. — Протянув руку, он начал вытаскивать шпильки из моих волос.

— Серьёзно, Дмитрий. — Я вздёрнула подбородок. — И по статистике в этом я не одинока.

— Ты говоришь, что не можешь, потому что не могла в прошлом? — Он расплетал мои косички, взглядом провожая каждое движение своих рук. Мне показалось, что он никогда прежде не расплетал женские волосы, и сейчас хотел всё сделать правильно.

— Верю ли я после двух прошедших дней, что ты можешь сделать оральный секс незабываемым? Абсолютно. Но я просто физически не могу таким образом испытывать оргазм. Средней женщине требуется двадцать минут, чтобы так кончить, а я даже не средняя.

— Ты никоим образом не средняя, *mon âme*. — Распелась очередная косичка.

— Значит, я буду нервничать, поскольку ты скорее язык сотрёшь и станешь внутренне меня проклинять. В какой момент ты будешь готов сдаться? Можем установить таймер.

Расплетя мои волосы, он начал пропускать их сквозь пальцы.

— Я понял, в чём проблема.

— И в чём же?

Он наклонился, чтобы прошептать мне на ухо:

— Ты думаешь, что я стану лизать тебя для твоего удовольствия, а не для моего собственного.

Я не использовала стоп-слово, когда он меня голую уложил на кровать. И молчала, когда он шарфом привязал мои запястья к изголовью.

Но вот он щёлкнул моим кожаным поясом, и мне отчаянно захотелось вскричать «Коньяк!»

— Насчёт этого я не знаю. — Почему у меня такой хриплый голос?

— Варианты тебе известны. — Оставаясь в одежде, он ходил вокруг кровати, словно зверь, предвкушающий трапезу.

Всего два дня назад я назвала его чудищем. Казалось, это было так давно. Он облизнул губы, и я вздрогнула, а соски собрались в твёрдые вершинки. На них остановился его хищный взгляд, заметивший такую реакцию.

— Твоё тело жаждет большего. Скажи стоп-слово или отдайся. Либо то, либо другое.

Хренов Russki. В клубе я не знала, во что ввязываюсь, но теперь-то мне было это известно. Не желая отступать, я следила, как его взгляд перемещался от моей ноющей груди к разлетевшимся волосам, потом к глазам, к губам. Потом снова к груди, прежде чем опуститься ниже...

— Согни ноги в коленях и подтяни пятки к ягодицам.

— Мы ведь можем заняться чем-нибудь другим, Дмитрий, — предложила я, тем не менее подтягивая пятки к себе.

Он зафиксировал мою ногу в согнутом положении, примотав голень к бедру моим плетёным поясом.

— *Nyet*. Ты сказала, что я стану внутренне тебя проклинять? Меня ты станешь проклинять вслух. Пойми, Вика, я буду целовать тебя столько, сколько захочу. — С помощью другого пояса он закрепил и вторую ногу. — Кончишь без разрешения, и я буду лизать тебя без остановки независимо от того, насколько чувствительной станет твоя плоть.

Всё это звучало, конечно, хорошо, но я не купилась. Откинув голову набок, я вздохнула. Придётся симулировать.

Бретт как-то раз хотел доставить мне удовольствие таким образом, я понимала, что не сработает, но он так старался, что мне пришлось имитировать оргазм. А потом он всё равно массировал и разминал свою челюсть с очаровательной улыбкой, которая заставляла меня ужасно себя чувствовать. Секс не должен доставлять боль.

Дмитрий Севастьянов — клиент, почему мне есть дело до его чувств?

— Ты всё ещё можешь отказаться.

— Зато я убедился, что этого не можешь ты. — Он крепко-накрепко меня связал.

Не могу поверить, что делаю это. Вернее, что *он* со мной это делает.

— Либо ты назовёшь стоп-слово, — добавил он, — либо я не остановлюсь, пока ты не кончишь столько раз, что я не позавидую твоей нежной киске.

— Ты ждёшь, что будет *несколько* раз??

— Единственное, чего я жду — это твоего полного подчинения. — Усевшись у меня в ногах, он по-хозяйски положил ладонь на мой живот, затем провёл пальцами вдоль лобка.

— Не удаляй эту дорожку из волос. Она просто сводит меня с ума. — Он был так близко, что я чувствовала его дыхание. — Разведи колени в стороны. Покажи, где ты мокрая.

С красным лицом я... подчинилась. И едва сдержала стон, когда перед ним раскрылись

мои влажные складочки.

— Ты *бесподобна*, — выдавил он. — Я изучу каждый сантиметр твоего тела.

От мысли о том, как его взгляд скользит по самым потаённым местечкам, моя раскрытая киска затрепетала.

Должно быть, он это заметил, потому что тут же издал рокочущий звук.

— Ты ведь хочешь мне подчиняться, не так ли?

Да. Тугие соски, отчётливо проступившие ареолы. Дыхание участилось. Я чувствовала, как увлажняюсь сильнее, а складки наливаются кровью.

— Я доверяю тебе в этом.

— Я признателен за твоё доверие, Вика. — Выпрямившись на кровати, он снял свой пиджак, отбросив его на дешёвый офисный стул.

Неужели я наконец-то увижу его без одежды?

Согнувшись, он снимал свои туфли, был слышен скрип дорогой кожи. Когда русский встал, я зачарованно следила за каждым его движением. Его одежда казалась мне произведением искусства. Он *сам* был для меня произведением искусства.

Пока он избавлялся от рубашки, я наслаждалась запахом и крахмальным похрустыванием материала. Вот открылась его широкая грудь, на длинных тонких руках изогнулись мышцы. Я упивалась этим зрелищем. Грудные мускулы казались твёрдыми пластинами, пресс — отточенным совершенством. Проследив взглядом дорожку из волос, спускавшуюся вниз от пупка, я невольно качнула бёдрами.

Он расстегнул ремень и молнию на брюках мужскими сильными пальцами — с разбитыми костяшками выглядящими особенно грубо — однако этими же пальцами он только вчера играл на мне, словно на музыкальном инструменте.

Брюки с шелестом скользнули вдоль мускулистых ног, пряжка звякнула, упав на пол. Из серых трусов-боксеров выпирал член, на материале выступило пятнышко смазки. Под тканью можно было различить очертания пирсинга.

Когда он стянул трусы вниз, член подпрыгнул. *Боже мой*. Он стоял передо мной голый, расправив плечи, давая мне возможность хорошенько его рассмотреть. Его тело было сокровищем. Член торчал точно вперёд, кожа на головке была туго натянута. Объемная мошонка так и просила ласки. Понравится ли ему, если я слегка потяну за яички? Или, может быть, даже не слегка? Пальцы сами собой сжимались и разжимались.

Подойдя к кровати, он склонился надо мной. Пока я смотрела на него, увитый венами член подёргивался от сильных пульсаций.

О, боже мой.

Боже мой. Мой.

Теперь я в тысячу раз сильнее чувствовала свои путы. Я не могла просто так взять и коснуться его, не могла ощутить вес тяжёлой мошонки или погладить изгибы мышц. Не могла проследовать ртом по дорожке из волос под пупком. Я не могла лизнуть его пирсинг. Спohватившись, я обнаружила, что пялясь на него, облизываю губы.

Он это заметил.

— И снова ты меня не щадишь. — Он сжал свой член. — Ты этого хочешь?

— Да. Разреши просто тебе отсосать.

Одним коленом он навалился на кровать.

— Может, потом.

— Сколько тебе нужно времени, прежде чем мы остановимся?

— Взгляни на мой член. Вот так у меня стоит лишь от предвкушения. Следи за моей реакцией, чтобы понять, сколько всё будет длиться. — Нагнувшись ниже, он потёр проколотой головкой мои соски. Ахнув, я выгнулась вперёд.

— Знаешь, как трудно было стереть с тебя свою сперму в тот раз? Мне хотелось, чтобы твоя грудь была измазана моим семенем, чтобы ты носила мой знак.

Я всхлипнула.

Он, слегка пощипывая, гладил мои соски.

— Я должен держать себя в руках. Но уже недолго.

А что потом?

— Вчера мы говорили об определённости. Сегодня мы её достигнем.

— Что это значит?

Его безупречное тело расположилось рядом, одной рукой он по-хозяйски накрыл мою грудь. Я не могла коснуться его в ответ. Могла лишь лежать и... принимать.

— Это значит, что ты принадлежишь мне. Что ты — моя.

Он думал, мне нужна романтика? Стихи?

— Неужели? Надолго ли?

Он смотрел на меня в упор. Я сглотнула.

— Ты же не имеешь в виду то, что я думаю?

— Я имею в виду навсегда.

Остаться с этим божественным мужчиной навсегда? Но досадные факты вновь напомнили о себе. Это был не просто игрок; это был безумец! Который меня связал. Поощрять да и просто с ним видеться было опасно. Когда я окончательно сломаю все барьеры с этим одержимым русским, будет ли это хуже, чем угрозы наркобарона?

Нет. Может, Дмитрий и одержим, но я знала, что он никогда не причинит мне вреда. Чего нельзя сказать обо мне. Он ткнулся носом в одну грудь.

— Когда ты заявила, что больше не хочешь меня видеть, я едва пережил это, Вика. Второй раз я этого сделать не смогу.

Снова укол вины.

Его поцелуи опускались всё ниже. Я пыталась удержать раскаяние внутри, но эти тёплые твёрдые губы не оставили от вины и следа. Двигаясь вниз, щекой он потёрся о тазовую кость. Когда его голова оказалась между моих согнутых ног, он расположился перпендикулярно мне, чтобы я могла видеть этот великолепный член.

— Ты спрашивала, как я повредил руку? — Пока его ладони скользили вдоль бёдер вверх, он поцеловал обвязку на ноге. — Вчера ты бросила меня на пике эмоций. Я никогда тебя не увижу? Не дотронусь? Я снова и снова впечатывал кулак в стену. Чтобы почувствовать хоть *что-нибудь* кроме пустоты.

— Это нехорошо, Дмитрий! Безумно...

Моей кожи коснулось его горячее дыхание.

— Я никогда и не говорил, что нормален. — Его нос ткнулся во внешние губки.

— О!

— Что бы я сегодня ни делал, помни одно — эта киска принадлежит мне. — Лизнув, он издал довольный звук.

Все мысли у меня сразу спутались.

— О, боже...

Я дёрнулась в своих путах, когда он втянул в рот одну губку.

— Дмитрий!

А потом он *куснул* эту влажную плоть! Всхлипнуть — вот всё, что я могла. Он ни разу не коснулся клитора, только играл с губками, но лавина ощущений уже подводила меня к вершине... а он, казалось, только разогревался.

— *Prosto rai, ángel.* — Просто рай. Ему нравилось! Пока он наслаждался, его член оставался напряжён. С каждой видимой пульсацией на головке выступала новая капелька смазки.

Мне ужасно хотелось почувствовать эту штуку в себе. Выдоить её своим телом. Я так возбуждалась, что влага из меня стекала по коже между ягодиц. Перевязанные бёдра дрожали.

— Что ты со мной делаешь? — В моём голосе слышалось изумление.

Почему бондаж казался таким... освобождающим? Мне не надо было ничего делать. Только отдаваться.

— Стараюсь не торопиться. — Касание языка. — Чтобы *не поглотить* тебя полностью. — Втягивание в рот. Дрожащими руками он сжал мои бёдра, но продолжал свою неторопливую ласку.

Он собирался дразнить меня, как вчера! Сходя с ума по его члену, я сделаюсь такой же безумной, как он сам.

— Ты сказал, что я буду тебя умолять о сексе — так я умоляю! Пожалуйста, Дмитрий, *пожалуйста!*

Он вновь застонал.

— Нарушить данное тебе слово? Тебе, которая так много для меня значит?

И прежде чем я смогла осознать эти слова, его язык принялся порхать по моим губкам.

— А-а-а! — Я почти чувствовала эту вибрацию там, где больше всего в ней нуждалась. — Тогда лижи сильнее. Выше!

— Нет, тебе ещё рано кончать. Пока я не позволю.

— Дмитрий! — Я была так близко, не переставая, изгибалась в ответ на движения его языка. Как быстро я перешла от «*никакого орального секса*» до «*пожалуйста, вылижи меня как следует!*»!

Он чуть отстранился, чтобы произнести:

— Видишь, как двигаются твои бёдра. Смотри не ослушайся меня.

Мне хотелось обхватить его затылок и прижаться мокрой промежностью прямо ко рту.

— Я больше не выдержу.

Он вновь склонился, и мой клитор обожгло горячим дыханием.

— Дать тебе кончить? Довести до разрядки эту измученную... мокрую... киску?

— Да-да-да! — Одни лишь эти слова, произнесённые с его сексуальным акцентом...

Моя голова откинулась в сторону.

— Сейчас кончу! О, я так близко!

— *Nyet.*

— Почему? — вскричала я.

— Я могу сжалиться. Но не думаю, что ты достигла достаточной степени безрассудства.

Придётся меня убедить.

Снова он меня контролировал. Завладел моим телом и разумом. Соблазнитель заполучил меня полностью.

— Безрассудства? — Я приподняла голову и плечи, чтобы встретиться с ним взглядом. Едва узнавая собственный голос, взмолилась: — Пожалуйста, поласкай языком клитор. Он

так пульсирует, что я просто не могу терпеть! *Лизни его. Попробуй на вкус.*

Его пальцы вонзились в мои бёдра.

— Предпочитаешь мой язык у себя на клиторе? Или *внутри*? — Издав хриплый стон, он лизнул мою дырочку — а затем принялся трахать её напряжённым языком.

Как только мой мозг понял, что именно испытывает тело, я закричала. Задрожала. — *О, боже! ДА!* — Спина выгнулась дугой, бёдра стиснули его голову, пока он пробирался глубоко внутрь...

Но когда я достигла пика, он не остановился, яростно продолжая своё занятие. Растягивая меня двумя руками, он поглощал мою смазку.

Я пыталась увернуться от его рта.

— Это слишком! Это слишком, Дмитрий!

Он меня игнорировал! Я пыталась прекратить этот поцелуй, но Дмитрий был непоколебим, и лишь продолжал своё пиршество. Я не могла с ним бороться, не могла оттолкнуть, а была способна лишь получать удовольствие, которое он вынуждал меня принимать. Именно об этом он и предупреждал!

Наконец, я сдалась.

Ему.

И только тогда он дал мне передышку. Снова ткнулся в меня носом, сверхчувствительную плоть щекотали его резкие выдохи.

Я откинула голову назад.

— О, боже. — Я только что кончила так, как никогда раньше — от оральных ласк. И он ни разу не коснулся клитора.

Со мной всегда всё было нормально. Я парила. *Люблю тебя, Дмитрий Севастьянов. Не по-настоящему. Может быть. Я не могу.*

Моя киска влюбилась в твой рот и хочет выйти за него замуж.

Дмитрий, однако, не разделял моего восторга:

— Ты не спросила и не получила разрешения кончить.

Удивительно, но я не чувствовала, что удовлетворена. Мне нужно было *больше*. Я приподнялась.

— Ты хотел, чтобы я достигла безрассудства — так и произошло! — Меня не волновало ничего, кроме секса с этим мужчиной. — Пожалуйста, трахни меня.

Я знала, на что способны его пальцы и язык. Что он сделает всем своим телом?

— Потом ты меня возненавидишь. — Он ласково прижал губы к моему бедру.

Его эмоции лишь обостряли этот невероятный опыт. Бёдра сами собой решили качнуться ему навстречу.

— Только посмотри, как ты преподносишь мне свою киску. Разве я могу не желать обладать тобой полностью? — Приподняв собственные бёдра, он продемонстрировал аппетитный член. — Я готов извергнуться без единого прикосновения. Смотри на член, когда я в следующий раз доведу тебя до оргазма.

— В следующий?

— Ага. По крайней мере, ещё дважды. — Язык вернулся к моей щёлочке.

— А-а-а! — Я дёрнулась одновременно и от контакта, и от смысла его слов. Он действительно намерен это сделать...

Мой мир сжался до размеров его языка. До плоской поверхности языка, до его боковинок, до самого *кончика*.

Внутри вновь зарождалось неистовство.

— Не мучай меня больше!

— Хочешь, чтобы я поцеловал клитор?

— *ПОЖАЛУЙСТА!* — Я бешено извивалась.

— Хотя ты этого не заслужила... — Он засосал мой бугорок в рот.

Засосал? Он сосал мой...

— *ДА!* — Кончая, кричала я. — *Блядь, блядь, ДА, ДА, ДА!* — Ноги ходили ходуном, тело сотрясал очередной сокрушающий оргазм.

Он продолжал ласкать клитор, который вибрировал от его стонов.

Невероятные ощущения лишь нарастали. Интенсивность заставляла страшиться того, что произойдёт с очередным оргазмом. Может, я потеряю сознание? Когда я практически достигла пика, он перестал сосать.

— Как же распух этот сладкий маленький бугорок. Он и в самом деле пульсирует.

— Не дразни больше, Дмитрий!

Он проник в меня пальцем, и согнул его, как вчера.

— Скажи, что принадлежишь мне.

Мои инстинкты шептали мне этого не делать. Он слишком серьёзно воспримет мои слова, посчитав их своего рода *обещанием*.

— Дай мне кончить!

— Ты будешь моей, Вика. — К первому пальцу добавился второй. — Скажи, что принадлежишь мне. Скажи это.

В отчаянии я воскликнула:

— Я правда-правда-правда хочу, чтобы ты меня сейчас трахнул.

— *Nyet.* — Он жадно всосал мой клитор.

Чем больше я теряла над собой контроль, тем сильнее продолжала болтать.

— Тогда м-можно я сделаю тебе минет? Я должна попробовать твой член. Развяжи меня, Дмитрий, и я так хорошо тебе отсосу.

В его голосе сквозило безумие:

— Ты проглотить мою сперму?

— Да! — Мне очень этого хотелось. Стать такой же необузданной, как он. Я осознала: *мне хотелось его спермы.*

— Тогда скажи это! — Его брови страдальчески сдвинулись. — И я тебе уступлю.

Мои кулаки вновь сжались.

— Ладно, ладно! Я принадлежу тебе.

— Если хочешь кончить ещё раз, скажи так, как будто действительно это чувствуешь. — Он вновь ненадолго всосал мой клитор.

Голова металась из стороны в сторону.

— Я принадлежу тебе!

— Ещё раз! — Он одновременно лизал меня и двигал пальцами.

— *Я принадлежу тебе!*

— Скажи, что я владею твоим телом. Никто, кроме меня, его не коснётся.

Я что-то нечленораздельно пробубнила. Тело, которым он хотел обладать, парило.

— Кто владеет тобой? — Прикосновение зубов...

— Ты! *ТЫ!*

— Моли меня об оргазме. — Он сильно втянул в себя плоть...

Поздно.

— О, о, *БОЖЕ!* — Этот приказ меня словно с цепи сорвал. Я рухнула в очередной оргазм, выкрикивая его имя.

Спазм за спазмом меня раздирали ощущения.... пока я не почувствовала, что больше не вынесу. И всё равно он продолжал лизать.

— Пожалуйста, нет, ПОЖАЛУЙСТА! — *Нужно стоп-слово!* Что там было... — Коньяк!

Недовольно зарывчав, Дмитрий уступил, отстраняясь. Если он и раньше выглядел безумным, то теперь казался безумцем в агонии, янтарные глаза горели желанием. Член гордо выпирал, головка вокруг пирсинга набухла.

Придя в себя, я хотела лишь одного: ласкать его ртом. Я попросила, задыхаясь: — Развяжи меня. Дмитрий, я хочу тебе отсосать.

Он расположился верхом на уровне моей талии — гора вздутых мышц и натянутых сухожилий.

— Слишком поздно, *angel*. — Проскрежетал он. Зажав член в кулаке, он поднёс головку прямо к моим губам. — Открой рот. Прими мою сперму именно так, и это навсегда останется в моей памяти.

Когда я открыла рот, он нацелился на язык.

— Смотри на меня, — простонал он. — Удержи — меня — здесь.

Понятия не имела, что это значило. Но я смотрела на него. Наши взгляды встретились, время как будто остановилось. Воздух вокруг был словно наэлектризован, мы смотрели друг на друга, открываясь и открывая, оба ожидая наслаждения.

Одно единственное движение его огромного кулака вызвало в его лёгких вопль и высвободило горячую сперму.

Я ни разу не отвела взгляд, пока её потоки устремлялись мне в рот, попадая прямо на язык. Болезненное выражение на его лице сменилось экстазом, глаза вспыхнули золотом. Он отвёл взгляд только затем, чтобы, откинув голову назад, закричать так громко, что, казалось, от этого звука содрогнулись стены.

Двигая кулаком вверх-вниз вдоль члена, он выжимал новые порции спермы.

Я жадно ловила каждую каплю. *Мне всегда будет мало...*

Наконец, опустошив себя, его рука остановилась, крики стихли. Вздывая мощную грудь, он вновь на меня посмотрел.

И только тогда, издав стон, я сглотнула.

От восхищения на его лице мои пальцы ног подогнулись. На проколотой головке осталась жемчужная капля. Я ничего не могла с собой поделать: потянувшись вперёд насколько позволяли ремни, я слизнула её языком.

— Господи, Вика. — Он вздрогнул. — Господи. — С этими словами он рухнул на кровать.

— Дмитрий?

Лёжа с закрытыми глазами и глубоко дыша, он поднял вверх указательный палец.

— Минутку.

Интересно, что он имел в виду, когда сказал «удержи меня здесь». Он уже дважды просил меня об этом. Какой-то русский сленг?

Когда он, наконец, снова на меня посмотрел, то даже не пытался скрыть восторга.

— Я слышал, что можно кончить так, что увидишь звёзды, но никогда этому не верил. Вика, это был просто взрыв.

Вместо того, чтобы демонстрировать натруженную челюсть, он, полуприкрыв глаза, облизнулся.

— А ты хотела меня этого лишить?

С усилием он встал на колени. Неловкими руками ослабил ремни.

— Я бы хотела иметь к этому хоть *какое-то* отношение. — Я поморщилась, вытягивая затёкшую ногу.

Он сразу же начал её массировать.

— В смысле, помимо вкуса, запаха и стонов? Я получил это удовольствие благодаря твоим реакциям. Кстати говоря... — на его лице была написана чистая мужская гордость, — жаль, что ты не можешь кончить от орального секса.

Что за взгляд.

— Ты такой сексуальный, когда так невыносимо горд и самоуверен.

Он освободил и принялся разминать вторую ногу.

— Я горд — что так хорошо тебя ублажил. — Он потянулся надо мной, чтобы отвязать запястья, и его всё ещё наполовину твёрдый член оказался прямо над моим лицом.

Желание. Он говорил, что хочет, чтобы я к нему пристрастилась. Неужели это уже произошло?

Освободив меня полностью, он спросил:

— Сколько раз ты кончила?

Я игриво его шлёпнула.

— Четыре, самодовольный ты тип.

Он откинул покрывало.

— Залезай.

Я послушно свернулась калачиком.

— Ты перестал меня уважать?

— Я много чего чувствую по отношению к тебе. Уважение — в том числе.

— Как ты смог удержаться и не трахнуть меня? — То, как сильно был напряжён его член...

— А как зарабатывается доверие? Только проверкой на прочность. — Он продемонстрировал мне ладони. На обеих были вмятины с подсохшей кровью. Он вонзал в них ногти. — Это всё, что я мог делать, чтобы продолжать себя контролировать.

Сумасшедший!

— Почему это так важно? Любой другой просто бы сделал.

Он гордо распрямил плечи.

— Я говорил себе, что, нарушив обещание, потеряю самое лучшее, что было в моей жизни.

— Меня? — прошептала я.

— Тебя, *angel*.

Но я же — не ангел. Совсем даже наоборот.

— Моя награда стоила этой боли. — Он поднялся, распрямляя своё огромное тело. Я не могла отвести взгляд от его члена.

Смогу ли я пережить ещё одну ночь без секса?

Он направился в ванную, демонстрируя мне мощную спину, плечи и узкие бёдра...

О, эта задница.

Хорошо, что я лежала.

На тугих ягодицах по бокам были ямочки. Движение мышц вызывало во мне желание вонзить в них ногти. Хотелось сжимать эту плоть, пока он будет в меня погружаться. Я представила, как кусаю его в том месте, и с моих губ сорвался всхлип.

Он замер, а затем продолжил свой путь.

— Вика, обо мне мечтаешь?

Я не сдержала смехок.

Вернувшись, он стал одеваться прямо на моих глазах. А в голове у меня всё крутилась мысль, что *этот богоподобный мужчина только что поднялся с моей кровати...*

Полностью одевшись, он сел рядом.

— Я рад, что мы всё уладили.

— Уладили? — А. Это.

— Мы с тобой уникальны друг для друга.

Глядя в его гипнотизирующие глаза, я подумала *«что ж, мы могли бы быть уникальными»*.

Ах! Я отвела взгляд.

— Мне нельзя на тебя смотреть.

Приподняв мой подбородок, он вынудил меня посмотреть на него.

— Почему, *angel*? — На его лице мелькнула обида.

— Потому что я как будто под гипнозом. Ты так на меня смотришь, что я не могу думать. Хуже того, я чувствую, что не могу тебе отказать.

— Тогда не отказывай.

— Ты сумасшедший. — Я тут же прикусила язык. И раньше я тоже не хотела так его называть.

— Да. В некоторых случаях. Но только не сегодня.

Надо докопаться до сути. У сумасшествия ведь разные степени бывают? Вероятно, он просто чудаковатый, эксцентричный...

— У меня для тебя подарок.

Подарок?

Он сунул руку в карман.

— Закрой глаза и не открывай.

Я закрыла.

— Надеюсь, тебе нравятся бриллианты.

Шеи и ключиц коснулся прохладный металл. Тяжёлый.

— Теперь можешь смотреть.

Я ахнула, увидев ожерелье. Вдоль платиновой цепочки в хаотичном порядке была разбросана дюжина крупных бриллиантов, причём каждый из них был обрамлён крошечными сапфирами. Все камни имели разную огранку: овал, груша, маркиз, триллиант. В дизайне ожерелья не было никакого заметного шаблона. И я в него просто влюбилась! Несмотря на крайнюю разборчивость в одежде и аксессуарах, это ожерелье я могла бы носить всегда.

— Ты издеваешься, что ли?

— Нет. Не издеваюсь.

Я с усилием оторвала взгляд от сверкающих камней.

— А, значит, ты всё-таки *хочешь* быть сладким папочкой. Украшение за оргазм. Это же Вегас, в конце концов.

— Если бы я заплатил тебе столько, сколько стоил для меня этот оргазм, то уже бы вернулся к своим научным исследованиям, потому что остался бы без гроша.

И снова эти чары. Я не сдержала улыбки.

— Это ожерелье я подарил тебе в качестве хорошего начала твоей коллекции. Предупреждаю, я буду просто неприлично тебя баловать.

Я наклонила голову набок.

— Не ты первый мне это говоришь. И что-то обещаешь.

— Значит, я буду первым, кто эти обещания выполнит. Завтра я заберу тебя в час. Собери вещи для тёплого климата. — Мне показалось, что его гнетёт необходимость уйти. И как только я об этом подумала, он сообщил: — Это последняя ночь, которую мы проведём порознь.

Я не позволила себе поверить обещанию в его глазах, потому что всё это было слишком быстро. К тому же, он был мужчиной.

Но что если...

Уже в дверях он сказал:

— Сладких снов, *mon ângel*. Мне будешь сниться ты.

Что если, что если, что если? Услышав, как закрылась дверь, и отъехал лимузин, я радостно завизжала, забарабанив пятками по кровати.

Без десяти час раздался стук в дверь. А я была всё ещё в нижнем белье!

— Минутку, — крикнула я, промчавшись мимо сумки с вещами к платяному шкафу.

Там схватила сшитое мной простое чёрное платье-футляр из льна. Короткий край ассиметричного подола начинался как раз над линией колен. Гордясь сделанной работой, я разгладила платье спереди, а затем всунула ноги в чёрные остроносые туфли.

Взгляд упал на моё новое колье, разложенное сейчас на одеяле. Вчера ночью я отправила фото украшения в нашу семейную группу, приписав: «Вчерашняя ссора с Севастьяновым забыта. Прекрасно поужинали. Завтра в час уезжаем. Всё хорошо. Спокойной ночи.»

После этого я укладывала вещи, голышом пританцовывая под звуки «А-ха». Мне до смерти хотелось узнать наш пункт назначения «в тёплом климате».

Утром позвонила Кэрин узнать подробности. Я обо всём ей рассказала, добавив:

— Он поманил меня тем, без чего, мне кажется, я больше не смогу жить.

Что будет, если он заберёт у меня этот ключ?

— Нет, ты бы слышала себя! — воскликнула она. — Ты в него влюбляешься!

— Вовсе нет. — Испытываю страсть — возможно. Но проявления его безумия заставляли держать себя в руках. — С ним красных флажков больше, чем было в Советском Союзе. Он одержим мной. Ревнует, контролирует и собственник.

— И всё-таки ты с ним едешь?

— У нас почти не остаётся времени. — С недавним заработком Кэрин, часами Люсии, машиной и ожерельем мы оказывались почти у цели. — До самой смерти, помнишь?

— Не в смысле до *твоей* смерти.

— Меня он не обидит. Чутьё мошенника говорит мне, что всё в порядке...

Я надела ожерелье, проведя кончиками пальцев по камням. Скоро Дмитрий покинет мою жизнь, а его подарки обналичатся. На память останется только фото.

Подступили слёзы. Наверное, я всё-таки рохля.

Встряхнись. Закончив одеваться, я глянула в зеркало. Аксессуары выбирала простые — лёгкая серебристая шаль и в тон маленькая сумочка на плечо, так что ожерелье окажется в центре внимания. Для глаз я использовала подводку, а помада была натурального оттенка. Распущенные волосы волнами опускались на плечи.

За работу, Вайс.

Ха. Я продолжала убеждать себя, что делаю это исключительно ради розыгрыша. Но, боюсь, к русскому я уже пристрастилась. Неся сумку ко входной двери, я чувствовала трепет в животе. И дверь распаивала с широкой улыбкой....

— Привет, здоро...

Бретт.

Я застыла.

Выглядел он отвратительно: небритый, под глазами тёмные круги.

— Так здорово тебя видеть, Тори.

Это имя тут же навяло массу воспоминаний.

Тори, хочешь, сходим вместе в кино?... Я люблю тебя, Тори... Ты выйдешь за меня замуж, Тори?... Умоляю, Тори, она ничего для меня не значит!

Он указал на зелёное объявление на моей двери.

— Тебя выселяют?

Обретя дар речи, я ответила:

— Тебя это не касается.

— Конечно, касается. Возвращайся домой. *Пожалуйста*. Я на всё готов.

Домой? Мы расстались год назад. И в любую минуту приедет Дмитрий!

— Тебе пора уходить. Сейчас же.

— Почему?

— Мой спутник приедет через несколько минут. Нехорошо вот так появляться ни с того ни с сего.

Он нахмурился.

— Тогда зачем ты сама позвала меня сюда к часу?

— Что ты такое несешь?

Достав из кармана джинсов телефон, он показал мне письмо — два часа назад отправленное с моего аккаунта — там действительно содержалось приглашение прийти поговорить.

Кто мог его отослать? У каждого члена семьи был доступ к моей почте — и все знали, что мой паролем был *!jiejdll!ozqkml14*** — но они также знали, что к часу ко мне должен приехать Дмитрий.

И никогда не создали бы помеху в налаживании отношений с ревнивым властным миллиардером-собственником.

Мои глаза округлились. Зато они пошли бы на что угодно, чтобы придать этим отношениям ускорение.

Кто бы ни вызвал сюда Бретта, он хотел, чтобы тот исполнил роль невольной «подсадной утки» — вызвав в Дмитриии бурную ревность.

Но это же не по графику! И вообще слишком *личное*!

Ведь только вчера Кэрин предлагала разыграть искусственный кризис. Её рук дело?

— Извини, Бретт, но я тебе не писала. Наверное, кто-то... тебя разыграл.

— Разыграл? — Его глаза горели болью. Он только-только обрёл надежду.

Я напредила себе, что точно такой же болью горели мои глаза, когда я застала его с другой.

Взгляд Бретта вспыхнул на моих бриллиантах, потом переместился на сумку у двери.

— Свидание с *ночёвкой*? Кто этот парень?

— С тех пор, как ты мне изменил, это не твоё дело.

Ладонью он провёл по лицу.

— Я облажался. Знаю, что очень сильно. Но не может быть, чтобы всё было кончено.

Мы созданы друг для друга.

— Раньше я тоже так думала.

— Это до сих пор так. Пожалуйста, прости меня. Пожалуйста, прими меня обратно.

Каждый миг каждого дня я пытаюсь придумать, как убедить тебя дать мне ещё один шанс. — Его глаза заблестели.

Когда-то я любила эти карие глаза, мечтала просыпаться рядом каждый день всю свою жизнь.

— Вернуться после того, что я видела, я не могу, Бретт. Просто не в состоянии.

— Молю Бога, чтобы можно было вернуться в прошлое и изменить тот день!

Последние двенадцать месяцев я отгоняла от себя эти воспоминания, но они слишком впечатались в мою память.

Мы с Бреттом устроили вечеринку, посвящённую открытию футбольного сезона, но родители в последний момент попросили меня помочь на коктейльной встрече со многообещающими клиентами-инвесторами. Быстро разобравшись с этими неплательщиками налогов, я поспешила домой, и, проталкиваясь сквозь толпу пьяных друзей, направилась в спальню переодеться. Бретт и девица с каштановыми волосами не слышали, как я открыла дверь...

Так что теперь я призналась:

— Застав вас обоих, я долго не могла поверить своим глазам.

— Тори, пожалуйста, не надо.

Голые, они бешено целовались на нашей кровати, его пальцы были у неё внутри. Подготавливая. А она ласкала его, и он бёдрами подавался к её кулаку. В отличие от меня, у неё были накачанные сиськи и ноги километровой длины.

Пока я сглатывала подступившую к горлу желчь, в голове вихрем крутились мысли:

Он собирается с ней переспать. Сколько всё это продолжается? Всего несколько часов назад мы с ним занимались здесь сексом. Обсуждали, не взять ли нам после медового месяца щенка. Я только что выстирала постельное бельё. Целый день делала уборку перед вечеринкой. Он знает, что я даже не фанат футбола. Но всегда готова помочь. Он действительно готов это сделать.

Целуясь, он произнёс:

— Я даже твою фамилию не знаю.

Эти слова вывели меня из ступора. Он изменил мне с *первой встречной*? С девкой на одну ночь? — Пожалуй, надо было проследить, чтобы на нашей вечеринке у гостей были бирки с именами.

Выскакивая из комнаты, я успела заметить её футболку с логотипом танцевального шоу, валяющуюся на недавно вычищенном мною ковре...

А если бы я их не застала? Так бы и прожила свою жизнь, не подозревая, что может на меня подействовать?

Черноволосый золотоглазый русский со склонностью к доминированию и порочным играм.

Поступок Бретта меня опустошил, но и *сочувствовать* ему я не могла. Просто не представляла себе, что существует настолько сильное желание, ради которого можно рискнуть всем.

После знакомства с Дмитрием картина прояснилась.

— Теперь я понимаю, как сильно ты её желал, наверное, готов был просто взорваться. — Меня тошнило. — Ничто не могло тебя от неё оторвать.

— Да я собирался, Тори.

Я скривилась. Ногтями по доске.

Разве я смогу поверить, что любой другой мужчина не станет рабом своих желаний? Я поняла, что хочу увидеть широкий жест, какое-то весомое доказательство того, что я — это всё, что нужно моему партнёру.

И теперь, глядя на своего бывшего, я осознала, что он уже ничем меня не убедит. — Ты ведь пришёл мириться, а всё равно врёшь.

Он открыл было рот, чтобы соврать ещё что-нибудь, но я, подняв руку, его остановила.

— С меня хватит. — За его спиной я увидела приближающийся длинный крутой лимузин. *Вот блин.*

Дмитрий стал выходить, когда машина ещё даже не остановилась, и выше двух метров разъярённого русского вскоре оказались рядом со мной.

— Виктория?

Я сглотнула.

— Дмитрий, это Бретт Уилсон. Бретт, Дмитрий Севастьянов.

Бретту, бывшему полузащитнику, пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Это *он* твой спутник?

Даже с выражением ярости на лице Дмитрий выглядел миллиардером до мозга костей.

— Я больше, чем просто спутник. Пойдём, Вика, мы опаздываем в суд. На нашу свадьбу.

Я не поверила своим ушам. *Что??!*

Бретт в панике схватил меня за руку.

— На свадьбу?

От Дмитрия прямо-таки веяло холодом.

— Отпусти. Её. Немедленно.

— А то что? — Мой бывший был как минимум на десять килограммов тяжелее Дмитрия. — Не заставляй меня делать тебе больно.

— Бретт, у него телохранители. — Старски и Хатч стояли рядом с лимузином наготове.

Голос Дмитрия заставил встать дыбом волосы у меня на загривке.

— Никто не смеет трогать *моё*.

— Твоё, приятель? — Бретт, готовясь к драке, сгруппировался.

— Даю тебе последнюю возможность её отпустить. Как ты это уже делал раньше.

— Отъебись, чувак, или окажешься на земле. Это касается только меня и Тори...

Одним молниеносным движением Дмитрий отдёргнул от меня руку Бретта и резко ударил его в живот. Из Бретта разом вышел весь воздух.

— Нет! Прекрати! — Прежде чем я успела вмешаться, Бретт разогнулся, заорав от злости. И замахнулся Дмитрию в лицо.

Аккуратно увернувшись от удара, Дмитрий сделал шаг назад. Разведя губы в ухмылке, он одной рукой поманил Бретта к себе.

Бретт орал и размахивал кулаками, но Дмитрий каждый раз уверенно успевал отвести голову.

Русский знал, как вести себя в драке.

— Я избыю тебя лишь за то, что ты не ценил своего счастья. — Угроза в глазах.

В драке кто-то вроде Бретта может поставить пару синяков, максимум — выбить зуб. Дмитрий же в драке *определённо готов убивать*.

Телохранители даже не пошевелились, чтобы вмешаться, не говоря уж о том, что боссу помощь не требовалась.

— Дмитрий, я иду с тобой! — сказала я. — Пожалуйста, не трогай его. Пусть уходит.

Не отводя от противника взгляда, Дмитрий медленно покачал головой.

Бретт снова замахнулся. Русский уклонился и сам нанёс удар. Кулак попал Бретту в нос. Раздался тихий хруст. Бретт упал на колени, прижимая ладони к лицу. Сквозь пальцы хлынула кровь.

— Господи! — Я рухнула рядом, опустив на спину ладонь. — Ты как? — Я подняла

глаза на Дмитрия.

— Чёрт, перестань его бить!

Несмотря на бешеный взгляд, Дмитрий бережно помог мне подняться.

— Тогда идём со мной.

Чтобы их разделить, я позволила Дмитрию усадить меня в лимузин. Когда мы отъезжали, я обернулась.

Бретт, пошатываясь, поднялся на ноги, из носа по-прежнему шла кровь.

— Не делай этого, Тори, пожалуйста! — кричал он. — Господи, не делай этого!

Я крепко зажмурилась и закрыла ладонями уши, чтобы не видеть и не слышать ничего. Лишь почувствовав, что лимузин заехал за угол, я опустила руки и повернулась к Дмитрию.

— Какого чёрта это было?

— От мысли, что ты можешь к нему вернуться, я просто обезумел. — Выглядел он *именно так*, словно едва держал себя в руках. — Ревность меня заживо съедает, когда я вспоминаю, сколько лет он был рядом с тобой. — Дмитрий не прикасался ко мне, держа стиснутые кулаки опущенными. — Вчера за ужином ты призналась, что не знаешь, хочешь ли ты вернуться к нему. А сегодня он уже стоит у твоей двери. Ты всё ещё его любишь!

— Нет, не люблю! — сказала я, и нахмурилась, поскольку поняла, что это действительно так.

— Тогда докажи, — сказал Дмитрий. — Выйди за меня замуж.

Я могла лишь ловить ртом воздух. Я думала, что о свадьбе он сказал, только чтобы позлить Бретта.

Выйти замуж за Дмитрия Севастьянова? Я нахмурилась, опустив взгляд, поскольку сердце в груди билось так, словно только что получило самые лучшие в мире новости. — Ты ведь это несерьёзно. — Дмитрий сам шёл в руки моей семьи. Срежессированный кризис сработал, седьмой этап многоходовки. — Куда ты меня везёшь?

— Я же сказал. В суд.

— Ты упустил один момент — я не сказала «да»!

Меня гипнотизировал его пристальный взгляд.

— *Скажешь.*

А если и так? Если лопнула труба, тогда что?

Нет-нет-нет! *Хватит меня гипнотизировать!*

— Всё слишком быстро!

— Как только я тебя увидел, то понял, что ты будешь моей. Ты проникла мне под кожу, в мою злосчастную кровь! Вчера я понял, что ты тоже хочешь меня. — Он провёл пятернёй по волосам. — Ничего подобного я ни к кому не испытывал.

То же самое конгрессмен говорил Кэрин.

— Эту цитату я и раньше слышала.

— Эта не цитата, чёрт побери!

— Мы познакомились в пятницу, а сейчас ты говоришь о женитьбе!

— Максим понял, что Люсия будет его, спустя сутки. Александр решил жениться на Натали с первого взгляда. В этом смысле у меня всё заняло куда больше времени.

Я подумала о розыгрыше. Какой это будет удачный ход.

Но мой клиент был, вероятно, не в своём уме, и это делало его уязвимым. Тем не менее, наша ситуация была отчаянной. Понимая, что придётся нарушить кодекс, я всё равно сказала:

— Приведи хотя бы одну причину, почему ты хочешь сделать это именно сегодня? Разве нельзя подождать пару дней? Что изменит один день?

— А чем один день поможет? Я уже говорил, что плохо переношу неуверенность. Я ненавижу неопределённость, натерпелся этого в жизни больше, чем можно вынести. Я не вытерплю неопределённости с тобой.

— Что это значит? — спросила я, опасаясь, что ответ будет слишком диким.

— Я должен знать: или ты полностью моя, или нет.

— Это *ультиматум*? — Условия выставлять должна я!! Когда это мы поменялись ролями?

— Скажи «да», Виктория, или скажи «до свидания».

Разве не я только что волновалась, что будет, если он лишит меня своей сексуальной энергии?

— Почему у тебя всё либо чёрное, либо белое?

Он обхватил мой затылок.

— Меня как будто разъедает кислота, если я думаю о тебе. А я не могу думать больше ни о чём! Мой разум кипит. Тело кипит.

— Ты ненормальный! Это звучит как *болезнь*.

— Это и есть *болезнь*! Бесконечное страдание. Которое облегчает только пребывание рядом с тобой.

Он заставил меня вспомнить бабушкины слова: что надо найти того, кто никогда не поставит под угрозу отношения. Потому что для такого человека отношения будут значить саму жизнь.

Почему я сейчас думала об этом? Эти «отношения» даже не настоящие! Вряд ли он уже что-то такое чувствует.

А если и так, то чувства *угаснут* быстро.

Его рука на затылке прижалась ко мне плотнее.

— И теперь другой мужчина, который и мизинца твоего не стоит, угрожает разрушить наше будущее? — Дмитрий быстро меня поцеловал. — Ты выйдешь за меня замуж, *ángel*. Прими это как данность.

— Он, э-э, хочет, чтобы мы поженились. Сегодня, — сообщила я по конференц-связи. — Вообще-то, он поставил мне ультиматум. Выйти за него замуж или потерять навсегда. Какая ирония, да? — Я уже описала им ссору с Бреттом и взгрела за подставу с письмом. Но никто не признался.

— А где ты сейчас? — спросил Пит.

— В здании суда, в какой-то маленькой комнате. Он попросил меня подождать здесь его возвращения. — Чувствовала я себя так, словно попала в полицию. Почему Дмитрий так долго? Его родственники уехали из Вегаса, так что их он ждать не мог. А про моих ни слова не говорил.

— Найди его! Ты же можешь его упустить! — вскричала мама. — В эту минуту юристы талдычат ему, почему он не должен на тебе жениться. В лучшем случае они составляют брачный контракт. Ты должна сделать так, чтобы Севастьянов дошёл до финишной черты!

— Мама права, — сказал Бенжи. — Теряешь время. Как только его пыл поутихнет, и он начнёт чётко мыслить...

— Вайс к этому не готова. — Жёстко произнёс отец. — Брачная афера может сбить с толку. Уж я-то знаю.

Бабуля издала одобрителный звук.

— Это верно. — После смерти дедушки она неоднократно выходила замуж за состоятельных мужчин.

— А если Вайс решит с ним остаться? — предположил Пит.

— И как это будет выглядеть? — спросила я, сожалея, что под рукой нет колоды, чтобы успокоить расшалившиеся нервы. — «Привет, Дмитрий, знаю, что мы женаты всего пару дней, но мне нужен пустой чек стоимостью в целое состояние, и я не могу сказать, зачем» — Я сжала виски. — К тому же, я собиралась связать жизнь с таким же мошенником, которого смогу познакомить с семьёй. *С настоящей семьёй.* Если останусь с Дмитрием, то как мы с вами будем поддерживать отношения? — Я не буду принадлежать ни к тем, ни к другим. — Я не говорю, что его надо бросить прямо сейчас, но мы должны сблизиться — без всякой свадьбы.

Дверь открыл Дмитрий.

— Прошу прощения.

— Он вернулся, мне пора, — сказала я в телефон, это был код, означающий *«оставайтесь на линии, я лишь сделаю вид, что отключаюсь»*. Трубку я положила на скамью экраном вниз. — Что случилось?

— Последние приготовления. — Составлял брачный договор? Он сел рядом. — Наверное, ты мечтала о красивой свадебной церемонии, а не о регистрации в здании суда, но как только мы устроимся, то обязательно организуем праздник для наших семей.

— Устроимся? — Охуеть. Он собирается отвезти меня к себе на родину! — В России?

— Нет, в Калифорнии. На северном побережье у нас особняк.

У нас. Минутку, в Калифорнии? *Да ладно!* Это же моя мечта. Похоже, госпожа Удача мне улыбнулась.

Он заправил локон мне за ухо.

— Я бы никогда не заставил тебя поселиться вдали от семьи. Дорога займёт чуть

больше часа на самолёте.

— Дай мне минутку. Мне надо всё это с тобой обсудить...

— Вот. — Из кармана пиджака он извлёк и вручил мне маленькую коробочку. — Может, это оправдывает спешку.

От веса коробочки тело бросило в дрожь.

— Она тяжёлая, — комментарий вслух для своих. Открыв крышку, я резко втянула воздух.

Вот это булыжник... джек-пот... не орать, не орать!

— Дмитрий, оно невероятное. Бриллиант «маркиз» весом, наверное, каратов пятнадцать. — Само кольцо из платины — мой любимый металл! — Где ты так быстро раздобыл кольцо? — Так вот где он пропадал!

— У меня есть возможности. Тебе нравится? Можем другое купить...

— НЕТ. — *Этот булыжник МОЙ.*

— Рад, что ты одобрила. Я отправил своих людей забрать твою сумку с вещами и запереть квартиру. Машина остаётся. Возможно, ею захочет воспользоваться кто-то из твоей семьи? Тебе я куплю другую. — *Другую?* Взяв меня за руку, он поднялся. — Пойдём, всё готово.

Уже?

— А документы? Ведь брачный договор тоже потребует времени.

Он нахмурился.

— Нам он не нужен.

— Извини?

— Я намерен сделать так, чтобы ты была счастлива замужем. Всё моё станет твоим, а ты никогда не обманешь моё доверие.

У меня мозг взорвался. Через десять минут у меня могло бы появиться пятьсот миллионов долларов. Будь я плохим человеком.

Но угроза, нависшая над моей семьёй... Если б я только могла заполучить совсем чуть-чуть, только бы спасти родителей; зачем Дмитрий вынуждает меня подписаться на всё?

Думай, думай! Как бы поступила моя сестра? Кэрин к этому времени уже проводила бы где-нибудь медовый месяц.

— Твои братья и все остальные решат, что я — охотница за богатством. — Заставят его аннулировать брак. Типа, он сумасшедший и т. д. и т. п.

— Моя семья желает счастья нашему браку. — Дмитрий просто светился доверием, а я... словно прогнила изнутри.

— Разве ты не хочешь, чтобы они тоже здесь были?

— Сейчас у нас некоторые разногласия. Но это неважно. Сейчас важна ты. Что говорит тебе интуиция?

Никакого брачного контракта?

— Что ты слишком хорош, чтобы быть настоящим, здоровяк. — Всю мою жизнь я задавалась вопросом, как можно быть такими глупыми и попадаться на удочку мошенникам. *Если что-то слишком хорошо, чтобы быть правдой, то, блядь, так оно и есть, идиоты.*

— Я не такой, — ответил он. — Есть кое-что... некоторые сложности, с которыми тебе вместе со мной придётся столкнуться. Но мы их преодолеем, мы будем счастливы.

Сложности? Слишком расплывчато. Но что может быть хуже угрозы картеля сжечь заживо?

— И когда я сделаю тебя своей женой, за тобой всегда присмотрят, если со мной что-нибудь случится.

Что-нибудь случится? Я перепугалась:

— Ты что, умираешь?

Он ответил почти удивлённо:

— Нет, *mon ângel*. Но я хочу, чтобы ты стала Севастьяновой. Так будет проще.

Виктория Севастьянова. Да чтоб меня!

— Этот шаг приведёт нас к необходимости *тесного* сосуществования. А я ничего о тебе не знаю.

— Я рождён, чтобы делать тебя счастливой. Защищать тебя. Выйди за меня замуж, и я сделаю тебя свободной. Подарю тебе весь чёртов мир.

Свободной?

— Но и обо мне ты ничего не знаешь!

— Разве? Я вижу самую красивую, умную и талантливую девушку, которую я когда-либо встречал. К тому же, она шалунья, заставляющая вскипать мою кровь. — Я покраснела, зная, что моя семья всё слышит. — Другой такой мне не найти. Так отчего мне не хотеть заполучить её для себя?

Он говорил так логично. И куда только делись недавние страхи?

Дмитрий обхватил ладонями моё лицо.

— Ты сказала, что глядя на меня, ты чувствуешь себя словно под гипнозом. *Не сопротивляйся этому*. Потому что я чувствую то же самое, когда смотрю на тебя, и я отдался этому ощущению. Просто отдайся.

Глаза закололо от слёз. Настоящих.

— Я не люблю тебя, — выпалила я. Так и видела, как вся моя семья возвела очи к небу. *Глупышка Вайс всё испортила.*

Дмитрий чуть наклонил голову, пытаясь разгадать выражение моего лица.

— *А могла бы?*

Пока я обдумывала ответ на его вопрос, в голове проносились воспоминания...

Его игривый тон, когда я паялилась на его задницу. То, как я идеально уместилась у него на коленях. Моё желание его защитить. Связь, которую я чувствовала, когда он притягивал мой люб к своему. То, как он смотрел на моё тело, словно на бесценный подарок. Прикосновения. Поцелуи.

И я ответила правду.

— Да. Могла бы.

Он протянул мне руку. На ладони ещё оставались следы от ногтей. Потому что вчера он сдерживался изо всех сил. Чтобы выполнить данное мне обещание.

Разве я могла не принять эту руку?

Его глаза вспыхнули золотом.

— Ты станешь моей женой, правда? — Уголки губ изогнулись. Его первая полуулыбка.

Сердце захлопотало в груди. И. Я. Окончательно. Пропала.

Стоя перед мировым судьёй, я занервничала.

Обручальное кольцо жгло палец. Сидело оно великолепно, но каждый раз касалось

щеки, когда я заправляла волосы за ухо — признак нервозности, от которого я себя отучила ещё в детстве.

Разумеется, для Дмитрия у меня не было кольца, поскольку я не обладала для этого ни временем, ни средствами. Но стоять там с пустыми руками всё равно было очень странно.

С момента нашего с ним знакомства жизнь напоминала зыбучие пески: чем старательнее я пыталась исправиться — поступать правильно *ради* Дмитрия и *ради* семьи — тем глубже я с ним увязала. Словно у судьбы не было для меня никакого другого варианта.

Какие у него были сложности? Что он сделает, когда я потребую развода? Мелькнула предательская мысль. *А если... не попрошу?*

Явно гордясь тем, что женится на мне, Дмитрий глубоким звучным голосом уже сказал «Согласен».

Я по-настоящему выхожу замуж. Не *действительно* по-настоящему. Но всё *выглядит* так реально.

Мой черёд. Я посмотрела ему в глаза. Как Дмитрий и просил, я поддалась гипнозу. И словно с расстояния в сотни километров до меня донеслись мои собственные слова: — Согласна.

После слов судьи «я объявляю вас мужем и женой» мои губы раскрылись в долго сдерживаемом вздохе.

В глазах Дмитрия появилась новая эмоция, испугавшая меня сильнее любого красного флага.

Теперь в его глазах горела... *надежда*.

— Здесь начинается наша земля, — сказал Дмитрий, когда лимузин из частного аэропорта повернул на извилистую дорогу.

По обочинам росли гигантские секвойи. Их кроны казались зелёными и влажными, так не похожими на деревья в Вегасе.

Каждую секунду нашего полета я ждала, что он пожалеет о своём поспешном решении. Вместо этого казалось, что он испытывает облегчение. Дмитрий с гордостью всем меня представил: пилоту, полётному диспетчеру и телохранителям — в качестве своей жены, Виктории Севастьяновой. Во время короткого телефонного разговора с Алексом он назвал моё имя несколько раз, остановив на мне удовлетворённый взгляд.

Когда я воскликнула, что его самолёт нереально крут, он поправил: «*Наши* самолёт».

Потом предложил позвонить моим родным и сообщить им новости, пока он сам будет делать пару звонков по работе.

Управление империей? Пусть я и ненастоящая жена, но всегда могу поддержать.

— Конечно, не торопись.

Украдкой сделав фото кольца, я разослала его нашей группе, а потом позвонила по конференцсвязи, стараясь со своей стороны обходиться максимально нейтральными фразами. В рядах ближайших родственников мгновенно воцарился хаос, все пытались перекричать друг друга. Я так и видела, как в кукольном театре взбунтовались куклы.

Папа, Эл и бабуля советовали мне остаться с мужем, превратившись в счастливую миллиардершу. Папа сформулировал это так:

— Севастьянов с ума по тебе сходит, а мы со своей стороны уж что-нибудь придумаем. Мы всегда что-нибудь придумываем.

Мама, Пит и Кэрин советовали мне «потерять» кольцо, передав его им. В конце концов, оно наверняка застраховано, а его стоимости хватит, чтобы расплатиться с картелем навсегда.

Эл прикинул, что оно стоит... восемь миллионов.

Обсудив ситуацию с долгом, все решили вернуться к вопросу «замужества с лохом» в целом. Потому что аферы — это не работа, а стиль жизни.

Бенжи буднично заметил, что развод с девятизначными отступными не сможет пройти незамеченным.

Я бы никогда не поставила семью под удар. Оставалось всего два выхода...

Я посмотрела на мужа, сидящего рядом со мной в лимузине.

Он почти не шевелился, изучая моё лицо. Разве можно хоть что-то на нём прочесть, если даже я сама не могу разобраться в собственных чувствах? Одно я знала наверняка: щедрость и доверие Дмитрия Севастьянова меня окончательно сбили с толку.

В конце нашего разговора бабуля спросила меня:

— Ты сказала правду, когда ответила, что могла бы его полюбить?

Лицо вспыхнуло от воспоминаний слов Дмитрия прямо перед этим вопросом (кхе-кхе, *развратная*). Но я вновь ответила правду:

— Да.

Потерять кольцо и обрести мужа? Тогда я не буду такой уж плохой?

Может быть я нужна ему, чтобы защитить себя и своё состояние от таких же, как я.

Распознать и отогнать мошенников я способна. И смогу его защитить.

Но оставшись с ним, придётся дистанцироваться от прошлого — и, в конечном итоге, от моей семьи. *Богачи и мошенники — словно кошки и собаки.*

Не в силах смотреть ему в глаза, я отвернулась и принялась разглядывать лес.

— Думаю, наш новый дом тебе понравится, — сказал он, — но если нет, мы будем покупать особняки до тех пор, пока ты не почувствуешь себя как дома.

Уже второй мужчина сегодня называет помещение, в котором живёт, *моим* домом.

Неужели ссора с Бреттом произошла всего несколько часов назад? Бывший обязательно услышит о нашей свадьбе, как и все остальные. Я не хотела намеренно обижать Бретта, но эти новости заставят его, наконец, двинуться дальше.

— Ты совсем притихла с тех пор, как мы покинули суд, — сказал Дмитрий. — И почти ничего не ела в обед. — Трапеза из четырёх блюд, сервированная с фарфором и серебряными приборами на высоте десять тысяч метров. — И снова я пытаюсь тебя прочесть. Только... только не жалею об этом, Вика.

Не выдержав, я повернулась к нему.

— Это *ты* об этом пожалеешь! Когда проснёшься и поймёшь, что ты наделал. — Я вновь повторила: — Ты ничего обо мне не знаешь.

Он открыл, было, рот, чтобы что-то сказать, но потом передумал.

— Я достаточно знаю.

— И ты бы действительно сказал мне сегодня «до свидания»?

— Ни за что, — уверенно ответил он.

Я прищурилась:

— Значит, ты солгал.

— Разве?

Скажи да или скажи до свидания. Хитрый русский!

— Возможно, я тобой немного манипулировал, — ну, не совсем, Дмитрий, — но я никогда не буду тебе лгать.

Это моя семья манипулировала им, провернув всё за его спиной, используя Бретта ради нашего самого крупного розыгрыша.

— Мои юристы составили для тебя контракт.

Он достал папку для бумаг.

— Вот. Я распечатал документы перед приземлением. — На *нашем* борту был даже офис. Ну, разумеется. — Пожалуйста, прочти и подпиши.

А, тот самый внушающий страх контракт. За разговорами о доверии, гипнозе и будущей любви я словно перенеслась в романтическую сказку. А вот теперь реальность напомнила о себе.

Потому что сказок не бывает.

И хотя, вероятнее всего, через некоторое время меня ожидал развод, я всё равно почувствовала разочарование. В папке оказалась всего пара листов. Один содержал брачный контракт, второй — его идентичную копию. Каждый был подписан чётким размашистым завитком Дмитрия.

Прочитав документ, я изумилась до глубины души.

— Здесь... здесь говорится, что с момента консумации брака в случае развода я получу половину всего. Без всяких вопросов.

— Хочу, чтобы ты была спокойна относительно международной законности брака.

Контракт будет зарегистрирован и в России, и в Америке.

К слову о доверии. *Вернее, о безумии.*

— Ты надо мной издеваешься? — При первой же возможности контракт я сфотографирую и перешлю.

— Нет, не издеваюсь.

Один лишь момент относительно формулировки привлёк моё внимание.

— А условие консумации является стандартным в русских брачных договорах? — Для продолжения розыгрыша я должна буду с ним переспать. Стало совершенно ясно, что мы с Дмитрием Севастьяновым займёмся сексом. Скоро.

— Есть возражения?

— Нет, конечно, нет.

— Тогда, пожалуйста... — Он протянул мне ручку.

Чтобы удобнее было подписывать, я положила на страницу левую ладонь, и на меня осуждающе уставилось обручальное кольцо. Чёрт! Я подняла лицо к Дмитрию. — Слушай, давай разберёмся с этим завтра, когда ты обдумаешь всё на свежую голову? — предложила мошенница в одной подписи от состояния в пятьсот миллионов.

У меня случился кризис самоидентификации! И всё из-за этого мужчины. Его безумие заразно!

— *Nyet.* Я хочу, чтобы ты сейчас всё подписала. Я же говорил, что не люблю неопределённость. Окажи мне услугу.

В смысле, сделать одолжение? Выглядел он непоколебимо.

Думай о родителях, внутренне повторяла я. Подписав оба экземпляра, один оставила себе. То, что я могу нагреть Дмитрия на полмиллиарда, не означает, что я *так* и поступлю. Правда? Ну, лишь откушу кусочек.

— Кстати, о неопределённости. Ты расскажешь мне, что ты подразумевал под «сложностями»?

Мне показалось, что эта тема ему неприятна.

— У нас масса времени, чтобы всё обсудить. А сейчас давай наслаждаться днём нашей свадьбы.

Будучи мошенницей, я должна была согласиться и сменить тему. Ничто не должно помешать нам наслаждаться свадебным днём — и ночью. Консумация означала выплату.

Но, будучи женщиной, совершенно очарованной этим мужчиной, я ответила:

— Если захочешь поговорить — я всегда готова выслушать.

Он не поддался:

— Я буду иметь это в виду.

Я выглянула в окно. Мы всё ещё на трассе? Вдоль дороги петлял ручей. На поросших лишайником опушках играли белки, их хвостики извивались в лучиках послеобеденного солнца.

Волшебно.

И теперь в любой момент я проснусь в своей мрачной квартире, понимая, что мне просто приснился сон. Слово «сюрреалистичный» даже близко не могло описать мой сегодняшний день. До конца которого было ещё очень далеко.

— И давно ты тут живёшь? — спросила я.

— Я никогда тут не жил. Этот дом я купил, полагая, что когда-нибудь у меня появятся жена и дети. Площадь территории позволит сохранить приватность.

— Дай угадаю, это место ты купил примерно год назад? — спросила я, намереваясь узнать что-нибудь о событиях, во время которых он оказался на пороге смерти.

Но Дмитрий не купился.

— Примерно.

— Какова площадь территории?

— Тысячи акров. И километры побережья.

Я подняла брови.

— Километры калифорнийского побережья? Наверное, это очень дорого.

— Надеюсь, ты убедишься, что своей цены оно стоит. — Он сделал жест в сторону окна.

Дорога расширилась, открыв вид, от которого просто дух захватывало. Поля развевающихся на ветру луговых цветов. Искрящаяся под солнцем вода. Особняк, расположенный на обращённом в сторону океана утёсе.

Архитектура дома была выдержана в эффектном современном стиле с большим количеством стекла. Стекланные двери, огромные окна, даже прозрачные стены.

У меня челюсть отвисла.

— Это... это место... я... *в самом деле?*

— Вика, твоя реакция даже лучше, чем я мог себе представить, А представлял я её бесчисленное количество раз.

Я едва дождалась, когда автомобиль остановится. И тут же выскочила, чтобы рассмотреть всё получше, Дмитрий следовал за мной по пятам.

Я шла вдоль ручья к главному входу. Чтобы добраться до двери, нам пришлось пересечь воду по нескольким квадратным ступеням.

— Как здорово!

Мы вошли, и я чуть не упала. Ручей продолжался под домом. Я это знала, поскольку в пол была встроена петляющая стеклянная дорожка.

— Срань Господня!

Открытая планировка подразумевала, что из дома можно было видеть Тихий океан. Сквозь французские двери в комнаты проникал морской бриз и приглушённый шум прибоя. Основное место на террасе впереди занимали широкий бассейн и джакузи с горячей водой.

Помимо океанского бриза я вдруг почувствовала запахи пищи. И последовала за ними на невероятную современную кухню.

Двое мужчин заканчивали колдовать над тем, что напоминало банкет на сотню человек. Как объяснил Дмитрий, это были наш шеф-повар с помощником.

Наш шеф-повар. Разумеется. А почему, чёрт возьми, нет? Мужчины говорили с Дмитрием по-французски. Он перевёл:

— В холодильниках и кладовках будет запас еды на несколько дней.

— О. Ну, здорово. — Поблагодарив их, я вернулась к осмотру. Сначала направилась было к воде, но потом в поле зрения попала лестница. Ступени не были соединены между собой и будто парили в воздухе.

Я начала подниматься вверх, а Дмитрий ненавязчиво меня сопровождал. Хорошо, что он давал возможность мне всё спокойно осмотреть.

С лестничной площадки я вошла в стеклянную галерею, каблуки застучали по паркету. Потом переступила порог комнаты, которая являлась, видимо, хозяйской спальней. Мы прошли гардеробную. Горничная средних лет уже распаковывала мои вещи. Закончив, улыбающаяся женщина заговорила с нами по-русски.

Дмитрий ответил на том же языке, но я расслышала, как он произнёс моё имя. А потом обратился ко мне:

— Это Галина. Она почти не говорит по-английски. Но ты быстро выучишь русский.

Во рту у меня пересохло:

— Конечно. — Когда женщина уходила, я сумела выдавить из себя улыбку. И продолжила осмотр комнаты.

В соответствии с современным дизайном, в спальне располагались встроенные гладкие шкафы, но почти не было мебели. Циновка ручной работы, которая просто кричала о своей огромной стоимости, разбавляла деревянную гладкость пола. В фокусе над облицовкой камина оказались несколько картин с абстрактными изображениями.

А ещё там была огромная кровать с пьедесталом. Где сегодня ночью у нас будет секс. Ух ты.

Открытые французские двери вели на балкон. Я, словно в трансе, подошла к стеклянным перилам.

В воздухе, буквально в десяти метрах от меня парили чайки. Внизу в лучах вечернего солнца искрился наполненный бассейн. Ухоженная дорожка от террасы вела к бухточке с песчаным пляжем.

А дальше — вода.

Бесконечное сапфировое пространство.

— Дмитрий, я такого никогда не видела. — Однажды я купила ткань цвета «голубого тихого океана», но совершенно не могла его оценить.

Я не знала, что такое морской бриз.

Мой взгляд привлёк белый фонтан, потом ещё один. Кто-то скользил под водой...

— Смотри! — повернувшись, я схватила его за руку. — Киты! *Настоящие*. — А не мажоры.

Уголок его губ приподнялся.

— Здесь их маршрут миграции.

Да ладно!

— И всё это можно увидеть с твоего балкона?

— Всё это можно увидеть с *нашей* кровати.

Оторвав взгляд от его лица, я развернулась к воде.

— Потрясающе.

— И ты ещё не видела закат. Хотя, должен предупредить, здесь часто идёт дождь. Гораздо чаще, чем ты привыкла.

— Вот откуда здесь столько зелени. — Так не похоже на мой дом, по дороге к которому меня вечно засыпало песком.

Он развернул меня лицом к себе, тёплый ветерок развеивал его волосы.

— Хочешь, чтобы это был наш дом?

Лучше бы он просто спросил, нравится ли мне здесь. Шансы, что я буду жить здесь какое-то длительное время были слишком малы — не в том случае, когда каждый день, проведённый с ним, лишает меня дня с моей семьей.

Я заставила себя выдержать его взгляд.

— Особняк великолепен, Дмитрий. — Он *сам* великолепен. — Мне кажется, что я умерла и попала в рай.

Не сводя с меня глаз, он ответил:

— Насчёт себя я в этом уверен.

— Что скажешь? — спросила я Дмитрия, дефилируя перед ним в бикини собственного дизайна.

Он плавал кругами в подогреваемом бассейне, пока я устраивалась и переодевалась, но сразу застыл на воде, чтобы жадно разглядеть мой купальник. Выражение его лица сообщало «*ты меня разыгрываешь?*»

Вырез в центре чёрного бандо демонстрировал ложбинку между грудей. Красные стринги по бокам заканчивались игривыми завязочками, дающими полный доступ.

— Думаю, мне очень-очень понравится быть женатым мужчиной, — пророкотал он и поплыл к лесенке. — А это ещё одно доказательство того, что ты эксбиционистка. Сама сшила?

— Да, — собирая вещи, я и понятия не имела, что купальник станет моим приданым. — Он сшит из... — я забыла, что хотела сказать, когда он вышел из воды.

На нём были низко сидящие пляжные шорты, очки ныряльщика и больше ничего. Капли воды стекали по твёрдым мускулам, выступающим мышцам груди и кубикам пресса. Он уже был возбуждён, и доказательство этого продолжало расти.

От такого вида у меня снова дух захватило. Хотелось получить больше того, что он уже мне давал, я хотела исследовать каждый сантиметр его тела.

— Хочешь чего-нибудь поесть или выпить? — спросил он.

— Хм-м? О. — На столе под открытым небом были аппетитно расставлены разнообразные изысканные закуски, в ведёрке охлаждалось шампанское. — Согласна на шампанское.

Он направился к столу, по-мальчишески встряхнув волосами, и меня внезапно обрадовал этот знак того, что он простой смертный.

Изучив выбор, он открыл одну из бутылок. Наполнил два бокала, он протянул один мне, взяв мою свободную руку в свою.

— Понаблюдай со мной закат, *moya zhena*.

— Что это значит?

Он повёл меня к джакузи, над которой поднимался пар.

— Моя жена.

Сердце в груди бухнуло.

— Конечно. Почему нет? — Я погрузилась в тёплую воду, устроившись рядом с ним на скамейке. — Твои телохранители ведь сюда не зайдут? Может, я и эксбиционистка, но только *не* для наёмного персонала.

Он уже отослал шеф-повара, его ассистента и горничную на пару дней домой.

— Я понял. *Наши* телохранители живут в отдельном доме на территории и осуществляют видеонаблюдение.

— Видеонаблюдение? — я нахмурилась, повернув голову назад.

— Лишь противоположную сторону. Никто не сможет приблизиться к дому по земле, не попав в камеры, но со стороны океана у нас полная приватность. Лишь датчики движения.

— Здесь всё просто наштапиговано техникой. — Перед этим он познакомил меня с домом. С которым можно было разговаривать, командуя: «свет», «мне холодно», «музыка».

Он, казалось, забавлялся, в уголках глаз появились морщинки.

— Ну, я же компьютерный гений.

Я улыбнулась.

— Я даже не знаю, чем ты раньше занимался.

— Позже я объясню суть моей работы. А ты сможешь научить меня дизайну одежды.

Пробуду ли я здесь для этого достаточно долго? Внутри снова *кольнуло*.

Я вздохнула и повернулась в сторону океана, сделав изрядный глоток шампанского. В эту минуту моя семья тоже отмечает этот день шампанским. *Поднимем бокалы, друзья*.

Было бы здорово, если бы они тоже могли наблюдать этот закат. Пламенеющие лучи поджигали водную гладь, а я наблюдала за всем этим из первого ряда.

Благодаря Дмитрию Севастьянову. Он хотел, чтобы я подняла для него занавес? Он сам для меня это сделал.

— Думаю, что лучший вид здесь тогда, когда на горизонте скапливаются низкие грозовые облака, — сказал он. — Скоро пойдёт дождь.

— Выглядит слишком потрясающе, чтобы быть правдой. — Ощущение нереальности происходящего усиливалось.

— В день нашей встречи я представлял, как мы будем вместе наблюдать здесь закат.

Я с улыбкой посмотрела на него, думая, что он шутит.

Но на меня пристально смотрели освещенные солнцем глаза.

— Едва увидев тебя, я был готов. Эти сияющие светлые волосы и округлые формы манили меня, словно магнит. Ты казалась мне настоящим ангелом. С какой-то изюминкой. — Изюминкой? Посмотрел бы ты, как я тасую колоду. — Моё сердце замерло, а потом пустилось вскачь.

— Правда? — И никакого ощущения ногтей по доске. Он не лгал.

Дмитрий кивнул.

— Когда я увидел синеву твоих глаз, то решил, что у меня сейчас будет сердечный приступ. Решил, что, глядя на тебя, я умираю.

Эмоциональный мужчина! Когда я несла бокал к губам, тот дрожал. Неужели я успела всё выпить?

— Пусть наш период ухаживания был коротким, но для меня он оказался крайне мучительным, потому что ещё никогда я так сильно ничего не хотел, понимая, что у меня лишь одна попытка, чтобы тебя завоевать.

— Я поняла, что понравилась себе, но разве у тебя никогда не было такого, что ты чего-то очень сильно хотел, а потом терял к этому интерес? Ведь так случилось с твоей страстью к компьютерам?

Он взял мой бокал и отставил в сторону вместе со своим. На предплечье под влажной кожей перекатились мышцы, и что-то вдруг привлекло моё внимание. Я поморщилась, пытаясь получше разглядеть тончайший шрам через запястье и выше вдоль руки.

Первое несовершенство на теле этого мужчины. Хирургическое вмешательство?

Прежде чем я успела спросить, он произнёс:

— В своей карьере я ставил определённые цели и, достигнув их, свернул работу. Цель, связанная с тобой, для достижения займёт всю мою жизнь.

— Какая цель?

— Я же говорил, что всегда буду хотеть ещё. Близости. Привязанности. Предела нет. Я получу это от тебя. — Усадив к себе на колени, он обвил меня руками.

— Ты только что меня окольцевал, Дмитрий. — Господи, неужели. Кольцо до сих пор жгло мой палец. — Судя по всему, ты и так сегодня получил от меня немало.

— Между свадьбой и супружеством — большая разница. Сегодня мы поженились, но я хочу, чтобы наши жизни были неразрывно связаны. Чтобы нас ничего не могло разделить.

Я почти пожалела, что выросла такой испорченной и больше не верила в сказки и любовь с первого взгляда. Если бы не моя броня, в Дмитрия я бы уже по уши втрескалась.

Волшебный мужчина привёз меня в волшебное место, чтобы понаблюдать волшебный закат. Огненно-красный, жёлтый и оранжевый смешались на небе.

— Это всё мечты.

— Такой может стать наша жизнь, — прошептал он мне на ухо. — Я хочу, чтобы так было.

А если ты узнаешь обо мне что-то плохое? Мне хотелось задать ему этот вопрос, но он лишь пристальнее станет на меня смотреть.

Он приподнял мой подбородок.

— Свою жену я ещё недостаточно сегодня целовал, — сказал он, наклоняясь.

Он накрыл мои губы своими, и я вновь позволила себе поддаться гипнозу. Когда мои веки опустились, я продолжала видеть остаточную картинку заката — и его глаза.

Да поможет мне Госпожа Удача, вот оно... *начинается*. По-настоящему.

Он отстранился, когда я уже задыхалась, его глаза озорно блестели.

— Наблюдай закат, пока я тебя ласкаю. — Развязав завязки, он снял с меня верх от купальника. Его ладонь накрыла одну грудь, а дыхание обожгло чувствительную кожу уха, — не прячь это, когда мы одни.

Я чуть не застонала. Разгуливать топлесс по стеклянному дому? Как будто он его покупал специально для эксгибиционистки! Одно то, что я сидела на улице полуодетая, уже невероятно заводило. Поднимающийся пар целовал тугие соски, которые потом щекотал прохладный ветерок.

Дмитрий ткнулся носом в одну вершинку. Втянул её между губ, проводя по кончику языком.

Я всхлипнула, ладонями обхватывая его лицо.

Он потянул за сосок сильнее, с намёком на дискомфорт, но мне это понравилось. Потом он занялся второй грудью, его руки опустились вниз, развязав завязки на трусиках и также отбросив их в сторону.

Одетый мужчина, голая женщина.

Оставив мою ноющую грудь, он выпрямился, касаясь шеи губами.

— Пусть твоё тело откроется моим прикосновениям. — Он передвинул меня так, что я оказалась прижата спиной к его груди, а мои стопы оказались на его коленях. Под попкой сквозь шорты явно ощущалась эрекция. Разведя ноги, он тем самым заставил и меня раскрыться. — Вот так. — Кончик пальца пробежал по самому входу. — А теперь продолжай смотреть. Я хочу, чтобы всякий раз, глядя на тихоокеанский закат, ты бы вспоминала это наслаждение. — Под водой он погрузил в меня средний палец и начал медленно им двигать.

Мой вздох перешёл в стон, когда он добавил к первому пальцу безымянный.

— Такая тугая. — Движения пальцев стали сильнее, а основание ладони накрыло клитор.

Моя голова безвольно повисла, но Дмитрий тут же отреагировал:

— Нет-нет, красавица. Следи за солнцем.

Я заставила себя открыть глаза, хотя он продолжал двигать пальцами.

— Надо тебя подготовить.

Потому что мы собираемся заняться сексом. А его член пугающе огромен.

— Сколько времени у тебя уже никого не было?

— Дольше, чем ты можешь представить, — ответил он. — Я *должен был* знать.

Что он должен был знать? Наверное, оговорился на английском. Мысль померкла, поскольку я приближалась к оргазму.

— Откройся мне. — Даже его голос завораживал. — Во всех смыслах.

Я хотела. Если бы только могла.

— Ты смотришь на солнце, Вика?

Сквозь туман удовольствия и пар от воды я действительно смотрела на заходящее солнце, обрамлённое грозowymi тучами.

— Уже почти, Дмитрий, — сказала я, имея в виду солнце — и свой оргазм. — Уже близко.

Как только пылающий диск полностью исчез за горизонтом, поднялся ветер.

— Ну вот. Теперь всё. — Вдалеке над тёмной поверхностью воды ударила молния.

— Ты готова, *moja zhená*?

Не думаю, что мне когда-либо был так нужен секс, как в тот момент. А после предыдущих трёх ночей это кое о чём говорило. Я повернулась к нему, не пытаюсь скрыть свою нужду, и быстро кивнула.

— Отнесу тебя на нашу кровать. — Подняв меня из воды на руки, он быстро пересёк площадку с бассейном, прижимая к себе моё мокрое тело. Когда он поднимался со мной по лестнице, я не могла усидеть спокойно. Я разминала мышцы у него на груди, тёрлась о них.

— Только посмотри на себя. — Он глянул на меня так, словно был просто ошеломлён тем, что видел в своих руках. — Я несу своё величайшее сокровище.

Неотразимый мужчина.

В спальне русский скомандовал дому «Огонь», и сразу ожил камин у кровати. Он позволил мне соскользнуть вниз и поставил на ноги.

— Хочу, чтобы ты разделся, Дмитрий. — Я протянула руку к вздувшимся шортам, ослабляя завязки, а он помог мне стянуть вниз мокрую ткань.

Его вид в свете камина и без одежды поразил меня до глубины души. Отблески огня нежно подсвечивали его мышцы, тонкое длинное тело, смуглую кожу. И проколотый член.

Я опустила колени на коврик и обхватила его обеими руками.

— Тебе придётся постараться, чтобы отогнать меня вот от этого. — Я нежно прижалась к его члену щекой.

В ответ дёрнулось его адамово яблоко, а большие ладони опустились мне на макушку.

Гладя его лёгкими прикосновениями, я приподняла рукой тёмную мошонку, ощущая в ладони тёплый вес.

— Выглядит так, как будто сильно ноет.

Медленный серьёзный кивок.

Ткнувшись носом в мошонку, я почувствовала, что пьянею от его запаха. Он застонал, расставив ноги пошире. Я потянула за яйца, и его член в восторге подпрыгнул, а на вершине выступила капля смазки. Я нагнулась, чтобы провести по губам этой скользкой головкой сливового цвета, а потом облизнулась, пробуя его на вкус.

Совершенство.

— Проглотив вчера твою сперму, я лишь разожгла аппетит.

Его брови сошлись вместе, словно внутри него боролись недоверие и — радость. —

Вика...

Я его ещё раз лизнула, затем обвела языком по кругу. Глядя вверх, чтобы не упустить реакцию, кончиком языка я забавлялась с колечком.

— Могу играть так вечно. Моя новая любимая игрушка.

Вверх-вниз, вверх-вниз.

Он вздрогнул, мышцы пресса напряглись.

— Возьми его губами.

Обхватив рукой основание члена, я плотно сомкнула губы вокруг распухшей головки.

— М-м-м, — простонала я, давая ему возможность ощутить вибрацию.

— Блядь! Возьми его глубже.

Продвигаясь губами дальше, я одновременно двигала кулаком. И всё это время неотрывно смотрела в его глаза.

— Гляди, как твои пухлые губки впились в мой член! Ты сосёшь меня так, словно ждала этого всю жизнь.

Это именно то, что я ощущала! Когда моя вторая рука опустилась, чтобы поласкать клитор, из его груди вырвался хриплый стон.

— Ты мокрая?

Вместо ответа я подняла к нему влажные пальцы.

Он тут же нагнулся, а его член дёрнулся у меня во рту.

— Ах, моя сладкая жена! — Урча от наслаждения, он облизал мои пальцы, его семя поднималось всё выше. Он отпустил пальцы, коротко приказав:

— Продолжай себя ласкать.

Когда с очередным стоном я вернулась к своему занятию, он качнул бёдрами вперёд, а потом заставил себя стоять неподвижно.

Мне хотелось уверить его, что всё нормально, но сама я была слишком занята его лакомством, слишком стремилась навстречу собственному оргазму.

— Продолжай на меня смотреть! Смотри на меня и тогда удержишь меня здесь. — Что это *значит*? — Я близко! — Сейчас он говорил с сильным акцентом. — Не могу больше сдерживаться!

Втянув щёки, я принялась беспощадно сосать, пока его член не запульсировал во рту, а сама я не оказалась у самого пика...

Но когда я уже решила, что он вознаградит меня семенем, его тело вдруг замерло. — Стой. *Стой*... — Он обхватил ладонями моё лицо.

Наверное, я его неверно расслышала.

— Стой! — Он отодвинул мою голову назад. Член выскользнул из жадного рта.

— Дмитрий?

Голодный взгляд, которым он на меня смотрел, заставил меня ахнуть. Ещё никогда я не видела на лице у мужчины такой отчаянной нужды.

— Я сделала что-то не так?

— *Нует*. — Выглядел он так, словно желание его сжирало изнутри. — Лучше мне вообще *не знать*.

Чёрт, да *чего* не знать?

— Объясни, что ты имеешь в виду.

Он помог мне подняться, затем сел на кровать. Руками обхватив голову, он словно пытался расплющить собственный череп.

Я села рядом.

— Дмитрий? — Положила ладонь на его спину.

Он дёрнулся.

— Чего бы ты не хотел знать?

Он поднялся, сжав ладони в кулаки, на руках и шее натянулись сухожилия. Дёрнув головой из стороны в сторону, он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же его закрыл. Противоречивые эмоции в его глазах напомнили мне о тревожных цветах сегодняшнего заката. Это было непостижимо.

— Дмитрий, пожалуйста, поговори со мной.

Скрывшись в гардеробной, он вернулся уже в джинсах, но его напряжение лишь возросло. Он начал расхаживать из стороны в сторону, яростно бормоча что-то по-русски и размахивая руками. Среди прочих слов я расслышала его собственное имя; неужели он снова говорил сам с собой?

— Пожалуйста, расскажи мне о своих сложностях.

Казалось, что растерянность и досада переполнили его, потому что он вновь стиснул ладонями голову. Мышцы на руках напряглись, привлекая моё внимание к тонкому шраму. Учитывая его поведение, я сомневалась, что это был шрам от хирургического вмешательства.

Внезапно кулаком он разнёс один из шкафчиков. Потом нанёс новый удар, и ещё.

Едва оправившись от шока, я соскочила с кровати и кинулась к нему.

— Перестань!

Я схватила его за руку.

Он перевёл на меня душераздирающий взгляд.

— А что, если я не могу?

В тот момент мне бы надо было бежать куда подальше, но боль в его глазах просто убивала. Взяв обеими руками его разбитую руку, я постепенно опустила её вниз.

— Скажи, что случилось, Дмитрий.

Он покачал головой. Такой прекрасный снаружи, и явно сломленный внутри.
Прекрасный сумасшедший мужчина.

— Ты сказал, что я должна буду тебе помочь, — напомнила я. — Чтобы я смогла, ты должен со мной говорить.

— Если я это сделаю, а мой разум уплывёт... смогу ли я прийти в себя?

Уплывёт?

— Прийти в себя от чего?

Его взгляд заметался.

— Чем больше наслаждение, тем хуже. А наслаждение с тобой, Вика, это просто *другая вселенная*. От твоих губ любой сойдёт с ума.

— Что это значит? Что я сделала?

— Может, я недостаточно много работал, может, недостаточно умён. — Он опять стиснул голову, будто хотел выдавить из неё все мысли. — Я верил, что у меня получится. Я всё неправильно оценил. — Его голос звучал так несчастно.

— Мы что-нибудь придумаем, Дмитрий! Только поговори со мной. *Пожалуйста.*

Он отпрянул от меня, а потом кинулся в ванную, пробормотав через плечо:

— Мне... жаль.

Словно в тумане, я набросила на себя халат, и махровая ткань коснулась чувствительных сосков. Дмитрий оставил меня возбуждённой, несмотря на замешательство.

Я свернулась калачиком на кровати. Что делать дальше? Первым делом я хотела позвонить сестре, но ситуация была слишком личной, рассказать секрет Дмитрия казалось предательством.

Но разве я уже его не предавала?

Из другой комнаты загрохотала русская речь. Я очень надеялась, что он кому-то звонит, а не снова говорит сам с собой. Учитывая паузы в разговоре, так оно и было.

Что с ним случилось? Какова причина его травмы? Я никогда не встречала того, кто совершал попытку самоубийства. Был ли это его случай?

Я опустила взгляд на кольцо, и почувствовала выступившие слёзы. В глазах Дмитрия была такая надежда, как-то связанная с сексом со мной. Он старался и планировал, но, видимо, этого было недостаточно.

Надежды Дмитрия пошли прахом, и это меня убивало.

Над Тихим океаном ударила молния. Забравшись под одеяло, я стала дожидаться грозы. Конечно, вскоре начался дождь. Потом — ливень.

Время шло...

На ночном столике были часы. Только девять вечера? Снаружи по-прежнему бушевала гроза. Дмитрий по-прежнему бушевал по телефону.

Я проанализировала известную мне информацию. Он был готов физически, но не готов морально. Он знал, что могут возникнуть сложности, значит, это случалось и раньше. В моменты наслаждения его разум *уплывал*.

Однажды Бенжи признался нам с Кэрин, что раньше во время секса он диссоциировал (распадался). Изучив информацию об этом, я узнала, что жертвы сексуального насилия могут впадать во время секса в отстранённое состояние, а после ничего об этом не помнить.

Бенжи насиловали на улицах. Оставшись в Индии сиротой, он попал в лапы безжалостных людей, зарабатывающих на усыновлении. Довольно скоро после того, как он оказался в Неваде, компанию закрыли, бросив всех детей на произвол судьбы. Бенжи оказался совершенно беззащитен. Когда мы только-только забрали его к себе, я услышала, как меня обсуждали родители.

— Никогда не видел, чтобы Вайс кого-то так защищала, — сказала мама.

— Потому что ещё никто не нуждался так сильно в её — и нашей — защите, — согласился отец.

Но я так и не смогла ему помочь.

Смогу ли я помочь Дмитрию?

Говоря о том, что его разум *уплывает*, он имел в виду *диссоциацию*? Его *насиловали*?

Он потерял родителей в детстве. Возможно, в отдалённом северном уголке России он с братьями попал в неприятности. Кто знает, что там случилось двадцать пять лет назад?

Это бы объяснило его настойчивое желание всё контролировать. И ещё Дмитрий сказал, что его доверие было предано очень рано.

Я посмотрела в его сторону. Отец был прав. Брачные аферы могут казаться настоящими, и сейчас мне хотелось убить любого, кто мог обидеть моего «мужа».

Когда голос Дмитрия смолк, я села в кровати. Он вернётся ко мне или мне стоит пойти к нему?

Он появился через некоторое время, гораздо спокойнее, чем раньше, но по-прежнему *чем-то* мучимый. Высохшие волосы были взъерошены — как это отличалось от его обычного идеального внешнего вида, но мне казалось, что теперь он стал ещё более неотразим. Сегодня вечером он определённо был смертным.

Что мне сказать? Решила начать с «привет».

Он кивнул. Потом неуверенно произнёс:

— Ты, должно быть, сбита с толку моим поведением. Должно быть, нервничаешь.

Он будто кого-то цитировал. Это слова Максима? Его собеседник, по крайней мере, оказался разумным.

Я подтянула колени к груди.

— Да.

— Я не хотел тебя пугать. Мы начнём всё сначала. — Он стянул с меня одеяло. — Сними халат.

Что? Он собирался заняться сексом, ничего не объяснив? Я уже собиралась возразить, что нам нужно поговорить, но он расстегнул и снял джинсы. Я резко выдохнула.

Дмитрию определённо не разговоры были нужны.

Он сел на край кровати и протянул ко мне руку, погладив по щеке тыльной стороной пальцев.

— Когда я буду внутри, то хочу, чтобы ты на меня смотрела.

Я встретила его горящий взгляд. *Как будто у меня получится отвести глаза.*

Он лёг рядом, накинув одеяло на нас обоих. Когда он потянул меня к себе, его руки дрожали.

Так мы и лежали, а наши головы покоились на одной подушке. Он придвинулся ещё ближе, и головка члена прошлась по моему животу.

Я вздрогнула, почувствовав на коже влагу. Я разрешала ему меня соблазнить. Я *хотела* этого. Несмотря на путаницу в голове, моё тело его хотело.

Он прижался своим лбом к моему.

— Ради обладания тобой я рискну всем. — Он склонился надо мной, обхватил ладонями лицо, его губы нашли мои. Подушечки больших пальцев гладили мои щёки, словно любой ласки ему было мало.

Я зарылась пальцами в его густые волосы. Его язык проник в мой рот, и это ощущение было сродни удару молнии снаружи.

Он гладил мой язык своим, и вот уже они переплетались вместе. Глубоко. Разделяя одно дыхание на двоих.

О, Господи Боже, что за поцелуй. Я поняла, что нужна ему, он ясно давал это понять. Раньше он кидал на меня взгляды утопающего.

А теперь этот поцелуй.

Который просто перевернул всё с ног на голову.

Хотелось его всего обнять и отдавать, отдавать, отдавать.

Одна рука опустилась на мою промежность. Обнаружив, как сильно я его жажду, он застонал, не отрываясь от моих губ.

Широкая головка коснулась входа. Это действительно происходит? Я чувствовала, как обжигает металл его пирсинга.

Дмитрий прервал поцелуй, чтобы взглянуть мне в глаза.

— Ты готова, *moya zhena*? — Он водил головкой вверх и вниз, распределяя влагу. Снова и снова он это делал, словно готовясь пересечь черту, но всё ещё сомневаясь.

Каждый раз, чувствуя прикосновение головки, я подавалась бёдрами навстречу. Меня трясло от возбуждения, пальцы вцепились в его плечи. Взгляд скользнул по обручальному кольцу, и меня накрыло ощущение дежавю, словно это кольцо и раньше украшало мой палец — и останется там навсегда. Я посмотрела Дмитрию в глаза.

— Я готова.

Его челюсти были крепко сжаты, взгляд тёмных янтарных глаз уже предъявлял на меня права так, как намеревалось сделать тело. Проталкивая головку внутрь, он смотрел на меня неотрывно. Твёрдый член заставлял мою плоть поддаваться.

Он слегка качнул бёдрами, заставив меня вскрикнуть.

Как же хорошо...

Из его груди вырвался низкий стон, на коже выступили капельки пота. Он входил всё глубже, заполняя меня, делая своей.

Меня.

После этого я уже не смогу быть прежней. Даже в бушующем урагане эмоций я это понимала.

Как только он оказался глубоко во мне, мы оба замерли.

— *Rai*, — прохрипел он.

— Да, рай, — выдохнула я.

— Разве можно хотеть покинуть рай?

Когда разум уплывает?

— Продолжай на меня смотреть, Вика. Боже, твоё тело такое... скоро мы это узнаем. Он уложил меня на спину, расположившись между ног. Надо мной нависло его мощное тело.

Я нарушила его приказ после первого же настоящего толчка, потому что мои глаза закатились.

— О, Боже. — Уцепившись за его плечи, я просто таяла.

— Я должен смотреть в твои прекрасные глаза.

Я встретила его взгляд, пытаясь совладать с дыханием.

— *Дмитрий*, — это была моя мольба о продолжении.

Отведя бёдра назад, он снова медленно на меня накатился.

— Теперь ты моя. — Его голос хрипел. — Безвозвратно.

Моя спина выгнулась, соски скользнули по его влажной груди.

Со следующим толчком он что-то выкрикнул по-русски.

Мои ногти вонзились в его кожу.

— По-английски, малыш. Я хочу знать...

— Я знал, что это ты, — произнёс он с полубезумным выражением лица. Положив ладонь на бедро, он потёр большим пальцем клитор.

От этой дополнительной стимуляции я всхлипнула.

— Я знал, что ты будешь моей женой. Я одержим тобой, Виктория. И всегда буду.

Сейчас я поняла. Он был любовником моей мечты, доставляющим наслаждение своим безупречным телом. Наверное, я тоже стала им одержима. Руки опустились вниз, чтобы ухватить его задницу.

Не отпуская клитор, он толкнулся сильнее. И ещё раз.

— Чтобы обладать тобой, я бы сделал всё что угодно! Помни об этом.

Я каждый раз думала, что дальше уже некуда, но он делал новый толчок с такой силой, что я удивлённо вскрикивала.

Меня завораживал этот дикий взгляд и то, как под пальцами двигалась его задница.

Ухватив меня под коленями, он начал резко двигаться между моих раскинутых бёдер. Капельки пота с его лба падали на мою подпрыгивающую грудь.

— Твоё тело *сводит меня с ума*. — От его толчков у меня дыхание перехватывало.

Голова каталась из стороны в сторону.

— О, боже! — Ноги я переплела за его спиной, чтобы оказаться к нему как можно ближе.

— Отдайся мне. — Он приподнял меня, обхватив ладонью затылок. — Отдайся полностью! — Он говорил, что всегда будет желать большего, что получит это от меня. А сейчас он *требовал*, чтобы я отдалась ему.

Этой жизни.

Он требовал этого своим гипнотическим взглядом. Несокрушимой хваткой на моём теле.

— Дмитрий! — Я противилась удовольствию, желая, чтобы это никогда не заканчивалось. — Я уже близко... уже близко!

— Ты носишь моё кольцо. — *Толчок*. — И всегда будешь носить. Ты моя жена. Скажи это. — *Толчок*.

Всё глубже подпадая под его гипноз, я сказала:

— Я твоя жена.

Он скрипнул зубами.

— Ещё раз!

— Я твоя *жена*!

Он заставлял повторять эти слова снова и снова, пока я не стала неконтрольно бормотать их сама.

Он прошептал мне на ухо:

— Это всегда будешь только ты. И больше никто.

Из моей груди вырвался внезапный крик. Я кончала, и не только от физических ощущений, но и от *эмоций*. Пальцы вцепились в его тело, ногти впились в плоть.

— Я *чувствую* тебя, чувствую, как ты кончаешь!

Извиваясь под ним, я чувствовала, как наслаждение охватывает каждую клеточку тела. В этот невероятный момент я была его.

Связана с ним, как ни с кем другим.

Я едва-едва успела вернуться к реальности, когда он приказал:

— Скрести руки на груди.

Ничего не спрашивая, я подчинилась.

Он схватил меня за запястья, и я оказалась в ловушке из собственных рук. И не могла пошевелиться, даже если бы захотела. Бондаж — без ремней и цепей. Всего лишь мужчина, получающий удовольствие.

Как только я оказалась в нужной позиции, Дмитрий Севастьянов начал меня... *трахать*.

Своим массивным телом он врезался между бёдер, держась за меня для равновесия. Вколачивал в меня член от кончика до самого основания, шлёпая по моей киске.

Так глубоко я ещё ни разу не чувствовала, он словно лишал меня девственности.

— Что ты со мной *делаешь*?

Он, похоже, цеплялся за остатки самоконтроля.

— Трахаю — свою — жену.

— *А-а-а!* — с криком я достигла оргазма. Толчки стали сильнее. Я снова кончила.

Он просто начисто стирал мой разум, вводя в забвение. Внутри осталась лишь одна мысль: *я — его*.

Перекрикивая шлепки наших тел, он выдавил:

— *М-м!* Я сейчас кончу! Оно того стоило...

Его тело замерло. Из груди вырвался гортанный вопль.

Наши взгляды встретились. Он был в агонии. Не уверена, что он вообще дышал.

А потом он начал кончать и извергать семя.

С первым же залпом он тяжело глотнул воздуха. Его бёдра неконтролируемо дёргались, член пульсировал, он бешено заорал:

— **ВИКТОРИЯ!**

Он яростно в меня погружался, крики совпадали с каждым новым толчком семени. Разрядка всё длилась и длилась... до тех пор, пока моё тело не опустошило его.

С его губ сорвался последний стон. По телу прошла дрожь.

— *Моя*, — в забытии прохрипел он. А потом упал на меня сверху.

Какое-то время мы лежали, пытаюсь выровнять дыхание. Моё сердце гулко колотилось, его бухало в ответ.

— Тебе не больно? — спросил он.

— Неа. — Больно? Да я парила. — Это был больше, чем просто секс. — Мой голос звучал изумлённо.

Он приподнялся на вытянутых руках. С отяжелевшими веками он выглядел таким же одурманенным, какой чувствовала себя я.

— По-прежнему здесь.

У меня грудь стянуло, когда из уголка его глаза сбежала слеза.

— Малыш?

— Ты. — Его горло дёргалось, словно он пытался взять эмоции под контроль. — Ты не знаешь, что сделала.

Я занервничала.

— Что?

— *Всё*.

Я пыталась справиться с замешательством, когда его губы растянулись, обнажая белоснежные зубы на фоне загорелой кожи. Первая настоящая улыбка.

Я резко втянула воздух. Его глаза были цвета расплавленного золота, а выглядел он... торжествующе. Словно мы вместе выиграли самый важный на свете приз.

Этот гипнотический взгляд.

— Лучше?

— Лучше просто не бывает. Абсолютно противоположно тому, что было раньше. — Подо мной дёрнулся его член, уже начиная твердеть. Торжествующий вид растворился, потемнел. — А значит, я должен *многое* наверстать, жена...

Меня разбудил барабанивший по стеклу дождь. Спросонья я не сразу поняла, где нахожусь.

— Дмитрий? — Его нигде не было видно. На часах рядом с кроватью светились цифры: без четверти четыре утра.

Перед этим он брал меня бессчётное число раз, пока я просто не вырубилась в его объятьях, хотя он по-прежнему оставался во мне.

Чувствуя себя неуютно, я поднялась и накинула халат. Не найдя его нигде на втором этаже, я спустилась вниз.

Из кухни я увидела среди открытого всем ветрам поля тёмную фигуру. Вокруг сверкали молнии.

Дмитрий?

Полуодетый, он стоял на краю утёса. Что он там делает под таким ливнем? Я кинулась к стеклянной двери.

Я так и не спросила его про шрам на руке. Были ли у него суицидальные наклонности? Или, может быть, они есть *до сих пор*?

Сердце защемило, я распахнула дверь и выскочила под дождь, приставив ладонь козырьком, чтобы прикрыть глаза.

Мысль о том, что я могу его потерять...

Снаружи завывал ветер, огромные волны разбивались о камни. От каждого такого удара земля под ногами вибрировала. Грохотал гром.

Он находился слишком близко к краю; ноги были мокрыми от брызг. Он стоял, одетый лишь в джинсы, с голой грудью. Голова была запрокинута назад, руки широко раскинуты, дождь лил прямо по лицу.

Я не верила своим глазам, пытаюсь сморгнуть капли воды.

Он... улыбался.

— Дмитрий!

Он поднял голову, повернулся и протянул мне руку.

Несмотря на страх высоты, я её приняла. Прокричала сквозь ветер:

— Что ты здесь делаешь?

— Это славная гроза, любимая.

Я прижала ладонь к его горячей груди.

— Ты не холодный, но дрожишь. Почему ты дрожишь?

— Не знаю, как описать... — Его акцент стал заметнее. — Я чувствую... чувствую... *так много всего*. И всё это мне в новинку. — Это капли дождя бежали по его лицу или слёзы? — Я всё думаю о слове «дезинтеграция». Как о причине разъединения. На протяжении тридцати двух лет я был одним целым, а теперь стал кем-то другим.

— Я не понимаю, что это значит.

Он прижал меня к себе и вновь запрокинул голову, наслаждаясь штормом.

— С меня словно заживо сняли кожу. Я полностью обнажён.

— Звучит кошмарно.

Наклонив голову, он посмотрел мне в глаза. Ресницы были в капельках воды, к щекам прилипли пряди волос.

— Это *чистота*. Я начинаю новую жизнь.

Что это — бред сумасшедшего? Или он обнажает передо мной душу? Почему я никак не могла понять смысл его слов?

— Я хочу тебя понять. Помоги мне!

— Я планировал эту ночь, я к ней готовился. Но всё-таки подсознательно опасался, что прошлое победит — раньше всегда так было. Но сейчас у меня жена и ответственность. Секс больше не сконцентрирован на мне, он для *нас* обоих. Меня больше волнует твоё удовольствие, нежели своё собственное. Если я ненадолго уплыву, ты, скорее всего, об этом даже не узнаешь. А если не смогу вернуться, о тебе позаботятся.

Не сможет вернуться? В смысле, потеряет связь с реальностью навсегда?

— Я перестал сопротивляться. — Своими большими ладонями он накрыл мои плечи. — Впервые в жизни я... всё отпустил. Моя борьба окончена. Ты придала мне храбрости. Я перестал сковывать разум, сказав себе «пусть кровоточит до охуения». — Он сильнее сжал руки. — Но этого *не случилось*, Виктория. Раны затянулись и зажили.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда прямо перед нами разбилась огромная волна, он обвил рукой мою талию и повёл обратно.

— Ты поверила в *меня*, а я поверил в *нас*. — Подушечкой большого пальца он провёл по моей нижней губе. — *Моя жена*, моя прекрасная жена. Мы сможем *начать*.

И потом этот мужчина, мой муж, меня поцеловал.

И я ощутила на губах остатки его слёз.

Засыпать мы начали перед рассветом. После катарсиса под дождём Дмитрий отвёл меня в дом и мы вновь занимались любовью.

Теперь же моя голова покоилась на его груди, я слушала его сердцебиение, а он гладил мои волосы. Можно было выпытать у него все ответы, но интуиция подсказывала, что сейчас нужно просто разделить с ним эти мирные предрассветные часы — не копаясь в прошлом.

Он словно прочёл мои мысли:

— Со временем я расскажу тебе обо всём.

— Знаю, что расскажешь.

Он вёл себя сегодня безумно? Да. Но пока я решила с этим смириться и позволить ему задать темп.

— Но у тебя есть догадка.

Я кивнула, не поднимая головы.

— Если под словом «уплывать» ты имеешь в виду «диссоциацию», то есть.

Он напрягся, а потом, казалось, заставил себя снова расслабиться.

— Да.

Его действительно насиловали. Сердце сжалось.

— Может, есть что-то, чего мне не следует делать? Не хочу ненароком тебя обидеть или напомнить о неприятном.

— Ты никак не навредишь. Просто... просто не уходи.

Какой же сложный, интригующий мужчина.

Временами властный и доминирующий, а временами — такой уязвимый.

Дмитрия Севастьянова я знала всего четыре дня. И, как он сказал, между свадьбой и супружеством была большая разница. Я согласилась лишь на первое.

Смогла бы я согласиться и на второе, будь у меня побольше времени?

За прошедшие сутки я пришла к пяти выводам.

Первое: Никакой другой мужчина не привлечёт и не удовлетворит меня так, как это делает Дмитрий..

Второе: Его прошлое лишь усиливало мои чувства — ведь он так старался изменить свою жизнь к лучшему. И, несмотря ни на что, *по-прежнему* лелеял надежду.

Третье: Даже если одержимость Дмитрием мной была усилена его психическим нездоровьем, было вполне вероятно, что он действительно сможет меня полюбить.

Четвёртое: Он отчаянно нуждался в заботе.

Пятое: Даже при всём желании за ночь моя тревога не пройдёт.

Помолчав, я сказала:

— Когда проснёшься, я буду рядом. — Выспавшись, я смогу справиться с растущими во мне чувствами: нежностью, благодарностью, желанием защитить и чувством вины.

— Этого достаточно. Пока. — Он гладил мои волосы, пока я не задремала. — Вика? — Его дыхание стало глубоким и ровным. Он тоже почти засыпал. — Спасибо.

— За что?

— Быть твоим мужем — честь для меня. — Он уже спал.

Прекрасный, запутавшийся мужчина.

Во сне, словно не желая отпускать, он зажал в кулаке кончики моих волос.

— *Виктория?* — крик Дмитрия донёлся с лестничной площадки перед спальней. Наверное, проснулся и не нашёл меня рядом.

Я сразу откликнулась:

— На кухне! — Несколько часов напролёт я наблюдала, как он спит, но потом голод заставил меня спуститься.

Хотя с готовкой у меня было не очень, я всё-таки решила подать ему завтрак в постель. К счастью, все блюда в холодильнике были промаркированы инструкциями по разогреву и подаче.

Занимаясь едой, я поделилась с Кэрин новостями.

Вайс: Строго между нами. Я сделала кое-что ужасное.

Эта фраза означала, что я слишком сблизилась с объектом, слишком раскрылась.

КВ: Насколько всё плохо?

Вайс: пытаюсь приготовить и подать ему завтрак в постель.

КВ: КТО ТЫ ТАКАЯ???

Вайс: И, словно дура, смотрела, как он спит.

Я не стала его будить, решив, что ему стоит отдохнуть. На расслабленном красивом лице не осталось и следа ни той агонии от прерванного секса — ни утренней эйфории на утёсе.

КВ: Я так понимаю, «консумация» прошла успешно. Что теперь думаешь делать?

Вспомнив события прошедшей ночи и заново пытаюсь справиться с чувствами, я решила, что до звёзд мне всё равно не достать.

Но, может, удастся подобраться поближе и не остаться внакладе?

Вайс: Хочу посмотреть, к чему это приведёт.

КВ: Значит, единственный выход — кольцо. Я приеду за ним самое позднее через 9 дней.

Потому что Элу нужно время, чтобы обратить его в деньги.

Когда Дмитрий примчался на кухню, на нём были лишь серые боксеры. Его взгляд был немного диким, а сам он мог едва перевести дух.

— Вика?

— Я долго лежала рядом, но потом всё-таки решила разбудить тебя при помощи еды. Смотри, — я указала на поднос, — я даже поставила в вазу цветочек, хотя, наверное, эта срезанная орхидея стоит, как самолёт.

— Ты... топлес. — Он сглотнул.

На мне были только кружевные чёрные стринги.

— Да, а что? — Я потрясла плечами, довольная, что его брови сразу же сдвинулись.

— Поощадите, — сказал он. — Теперь я *уверен*, что всё ещё сплю. — Неужели он проснулся только для того, чтобы решить, что всё вокруг сон?

Я — да.

Он подошёл ближе — всклокоченные волосы и полуприкрытые глаза.

— Ты всегда завтракаешь в таком виде?

— Ну, понимаешь, мой муж приказал мне не прикрывать это.

Он улыбнулся. Во весь рот!

— Похоже, твой муж совсем неглуп.

У меня дыхание перехватило.

— Так и есть. Он компьютерный гений. — Я потянулась вперёд. — Хотела сама тебя разбудить, только не могла выбрать, как: минетом, завтраком или щекоткой.

— На будущее: из трёх вариантов я предпочту два. А один в особенности.

Я надула губы.

— И что, я выбрала единственно неверный?

— Зависит от того, что на завтрак. — Подхватив меня на руки, он понёс меня к кухонному столу. — На первое у меня будешь ты...

Завтрак, вторая попытка.

Все разогретые блюда еда к этому времени бы давно остыли. Хорошо, что еды было предостаточно.

— Умираю с голоду, — сообщила я, когда мы вернулись к вопросу завтрака.

— Знаю, сам никогда не был так голоден, — Дмитрий потёр ладонью живот, и моё внимание сразу же переключилось на крепкий пресс и эту спускавшуюся вниз тёмную дорожку из волос.

Пришлось отвести взгляд, чтобы сконцентрироваться на еде. Где-то тут были круассаны? Я вновь включила духовку.

— Ты любишь готовить? — спросил он.

— Мыть посуду у меня получается лучше. — Я встала принести масло и джем. — Но в деле разогрева и поедания я просто настоящий ас.

— А что ты обычно любишь на...? — Его голос вдруг оборвался.

Я просто нагнулась к полке холодильника за маслом, даже не думая его возбуждать. Я выпрямилась и резко обернулась.

— *Вика!* — Он одним махом преодолел расстояние между нами и ухватил меня за запястья.

— Минутку, здоровяк! Сначала надо меня накормить...

Его рот уже был на моих губах.

Завтрак, третья попытка.

— На этот раз мне надо поесть, — прошептала я между поцелуями. Он прижимал меня своим телом к кухонному столу.

— Тогда зачем ты меня соблазняешь? — Он не отрывался от моих губ, так что я заставила себя отвести голову назад и посмотреть ему в глаза.

— Дмитрий, у тебя два варианта. Либо ты себя контролируешь, несмотря на мои подпрыгивающие сиськи, — он с жаром заявил, что эта картина просто свела его с ума, — либо можешь принести мне какую-нибудь свою футболку.

— Если это — главный выбор на сегодня, то такая жизнь мне нравится.

Я просияла. Такая жизнь мне тоже нравилась.

— Как только мы поедим, я разденусь.

— Это всё равно долго. — Уходя, он ворчал что-то по-русски. Я вытянулась, чтобы не упускать его из виду. Задница у него была просто нереальная. И ночью я всю её исцарапала.

Глубоко вздохнув, чтобы взять себя в руки, я налила кофе. Интересно, как он его пьёт?

Когда он вернулся, я обменяла чашку на футболку. Неужели он выбрал самую тонкую? Соски просвечивали. Хитрый русский.

— Не знаю, как ты предпочитаешь пить кофе — и насколько необычно? — так что я приготовила как для себя.

Он сделал глоток.

— Вкусно. Спасибо.

— Но не так, как ты любишь. — Я прищурилась. — Ты вообще пьёшь кофе?

Он пожал плечами.

— Уже год не пил. — Да уж, у него был год значительных перемен.

— Но всё равно взял чашку?

Кивок.

Ми-ми-ми.

— Ну разве можно быть таким милым?

— Наиболее милым я бываю, когда сверху. — Он отставил чашку с кофе в сторону, в глазах появилось то самое выражение — гипнотизирующее, наполненное страстью.

Я отреагировала, словно вспыхнувший фитилёк. *Я сделала кое-то ужасное.* Встряхнись.

— погоди-погоди, Дмитрий. Еда.

Он вздохнул.

— Очень хорошо.

Проинспектировав запасы, мы выбрали нарезанные фрукты и ветчину.

Утолив первый голод, я спросила Дмитрия:

— Ты всегда так долго спишь?

— Никогда. И так крепко тоже. — Он казался совершенно другим человеком. Улыбнулся несколько раз — будто его улыбка только того и ждала — Возможно, это часть изменений.

Мне до смерти хотелось узнать подробности, но я умела быть терпеливой. Так что не стала заострять ни на чём внимания.

— Мы хорошо справились этой ночью?

Приподняв меня за талию и усадив на стол, он встал между бёдер.

— Мы замечательно справились, zhena.

Теперь, когда вопрос с сексом благополучно разрешился, на переднем плане оказалась моя постоянная забота. Семья. Я бросила взгляд на кольцо.

— О чём задумалась?

Я ответила отработанной улыбкой.

— Я думала, что ты не умеешь читать людей.

— Не умею, — ответил он, его глаза сияли. — Но ты, наконец, перестала есть, и я решил, что твои мысли переключились на что-нибудь другое.

Я игриво пихнула его в плечо.

— Оказывается, мой муж — остряк! Тебе стоило бы в брачный договор включить пункт насчёт лишнего веса. — Я хлопнула себя по лбу. — Ой, но уже слишком поздно...

Он почти рассмеялся. Мне стало казаться, что его смех был сродни мышцам, которые давно не работали.

Мы вернём его к жизни.

Его лицо стало вдруг очень серьёзным.

— Я буду тебя желать независимо от твоего внешнего вида.

Наклонившись, я прикусила его нижнюю губу.

— Только попробуй потерять кубики на животе — и больше ты меня не увидишь. — *Замечательно, Вайс, уже шутишь о том, чтобы его бросить?* Быстро смени тему... — Какой ты видишь нашу совместную жизнь?

— Хочу показать тебе весь мир. Или хотя бы те места, куда успеем доехать в промежутках между воскресными обедами твоей семьи.

На которых Дмитрия никогда не будет.

— Разве тебе не нужно вернуться домой в Россию?

— Нет. Продав свою компанию, я переезжал с места на место. Убегая от призраков, — пробормотал он словно бы про себя, но прежде, чем я успела об этом спросить, он вернулся к обычному тону, — у нас там в собственности есть несколько домов, которые, мне кажется, ты оценишь.

— Но ведь в конечном счёте ты захочешь осесть в России. — *Скажи да. Пусть это будет нашим камнем преткновения.*

— Нет. Калифорния мне нравится. Полагаю, моей невесте — тоже.

Неужели.

— А чем мы будем здесь заниматься?

— Не считая того часа в день, который мне необходимо посвящать работе, я полностью в твоём распоряжении. Когда мы насладимся путешествиями, ты, возможно, захочешь воплотить свою мечту о дизайне одежды. Посетим Париж и Милан, узнаем, что тебе больше интересно.

Ну, вот.

— Просто объедем мировые столицы моды?

— Почему нет? Деньги сделают нас завидными гостями. Мы сможем помещать показы и выставки, закажем экскурсии в самые знаменитые дома мод. Сможем позвать с собой твоих друзей и родственников. Или моих. Или всех вместе.

Как же мои поладят с Севастьяновыми? Неважно. Нельзя рисковать тем, что кто-нибудь из них проговорится и выдаст нас. Я представила, что будет, если Дмитрий поймёт, как всё это время им манипулировали. Поверит ли он, что хоть что-то в наших отношениях было настоящим? Поймёт ли, что я действительно за него беспокоилась и желала счастья?

— И, конечно, — он потянулся к груди, — мы с тобой обеспечим друг другу невероятное количество секса.

Но я уклонилась.

— Погоди-ка, здоровяк. Дай мне чуть-чуть отдохнуть, а не то к моей киске придётся прикладывать лёд. После периода воздержания к ней вдруг открылся полный доступ, с нуля до ста.

Он уронил руку, сжав ладонь в кулак.

— Всё равно мы уже опаздываем.

— Куда?

— На море. До вечера ты получаешь освобождение. Но потом я покажу кое-что такое, что тебе, я думаю, понравится.

Я фыркнула, когда кит обрушил на меня фонтан брызг.

Они плавали вокруг нашей лодки — так близко! Я в изумлении обернулась к Дмитрию:

— Это всё на самом деле? — От восторга меня колотило так, что я могла и лодку перевернуть.

Он улыбнулся, управляя байдаркой — ну просто античное божество в лучах послеполюденного солнца. На нём были только плавательные шорты. И никакой рубашки. Влажная кожа на широкой груди сверкала.

— Я свидетель.

Перед этим он попросил меня живо надеть купальник, чтобы не опоздать, а потом быстро повёл к бухте и сказал усаживаться в байдарку. Когда я заколебалась, признавшись, что не умею управляться с такой лодкой, он ущипнул меня за подбородок:

— Я позабочусь обо всём, ты просто расслабься.

У меня просто дух захватывало.

— Как ты умудрился договориться с китами? Откуда ты знал, что они приплывут? — Бенжи отдал бы всё, что угодно, ради таких кадров.

— Для этого есть специальное приложение. В телефоне срабатывает уведомление, когда стая китов оказывается у побережья.

— Потрясающе. Ты без конца меня удивляешь. А я сегодня всего-то потрясла сиськами.

Его улыбка стала шире.

— Мне повезло гораздо больше. Скажи, тебе нравится наш дом?

— Э, ну, типа, нормально. — Я пожала плечами. — Конечно же, я от него без ума! У нас на заднем дворе плавают киты!

Ещё один кит показался совсем рядом с нами, а с ним был маленький китёнок! Я обернулась к Дмитрию, чтобы он понял, в каком я восторге.

— А знаешь, они выбирают себе пару на всю жизнь, — сказал он, «как и я» — было написано у него на лице.

Надо же.

Как только стая двинулась дальше, Дмитрий начал равномерно грести вдоль берега. Обогнув мыс, мы оказались в новой бухточке, откуда я заметила несколько бунгало, расположенных тут и там на поле. Своим дизайном и обилием стекла они напоминали наш большой дом.

— Что это за постройки?

— Это гостевые домики. — Вид из каждого будет словно с открытки. — Для членов наших семей.

В мою входило примерно тридцать Валентайнов и близких друзей. Так может именно здесь получится скрыться от картеля?

Правда, в этом случае Дмитрий точно поймёт, кто мы такие. *И кто такая я.*

Беспокойство омрачало моё счастье. Я тоскливо посмотрела на обручальное кольцо. Как же передать его Кэрин? Мне не хотелось устраивать официальный приём, а камеры наблюдения исключали возможность тайных визитов.

Может, спрятать кольцо в лесу вместе с мобильным, по которому сестра отследит координаты? Скажу Дмитрию, что потеряла его в воде, и ни на кого не упадёт подозрение в

краже. Очередное враньё...

Отражённый бриллиантом луч солнца неприятно кольнул глаза — словно догадавшись, что мы планируем с ним сделать.

Да, я была суеверна, как и вся наша братия, и верила в символичность обручальных колец.

Если я пожертвую подаренным Дмитрием кольцом, то не призову ли проклятье на те чувства, которые он ко мне испытывает?

Чёрт, да какая разница? Против нас я уже играю краплёными.

— Пока нас не было, доставили кое-какие заказы, — сообщил Дмитрий за ужином.

Мы наслаждались салатом из курицы с абрикосами и базиликом, а также разогретыми круассанами. Он открыл бутылку вкусного вина, которое пила в основном я.

С моря дул тёплый ветерок, и запах соли, казалось, проникал в даже кровь.

— Какие заказы? — Он тоже проникал в мою кровь. Когда ветер растрепал его волосы и края расстёгнутой белой льняной рубашки, я вздохнула. Он был в рваных джинсах и босиком. Мне нравилось, что он выглядел так по-домашнему.

— Несколько свадебных подарков.

— От тебя? — Я оглядела дом, который ему хотелось называть «нашим». — Разве ты не подарил мне уже достаточно?

— Не успокоюсь, пока не подарю тебе весь мир, как обещал. — И добавил шутливо, — Я ведь предупреждал, что буду просто неприлично тебя баловать, а ты всё равно решила выйти за меня замуж? Вика, уж не заболела ли ты?

Я улыбнулась.

— Вот не думала, что ты окажешься таким шутником.

Он удивлённо моргнул.

— А я не думал, что кто-нибудь меня таким посчитает. У меня в этом деле совсем нет опыта.

Счастье действительно не купишь.

— Но сегодня тебе было весело?

После байдарки мы плавали в бассейне — пытались, по крайней мере — потому что в воде нас неумолимо тянуло друг к другу. Я медленно ласкала его рукой, в то время как его пальцы творили со мной что-то немыслимое. Потом мы перекусили и валялись голышом в лучах вечернего солнца.

Вернувшись в дом, мы обновили огромную душевую кабину. Готова поклясться, что скамейка внутри была специально придумана для того, чтобы я могла, сидя, делать ему минет. Не желая оставаться в долгу, он усадил меня на высокую мраморную полку, явно придуманную для того, чтобы откинуться назад и открыться его поцелуям.

Он только что кончил мне в рот, но уже сам начал меня ласкать — показав невероятный фокус...

— Это лучший день в моей жизни, — сказал он. — Любой день с тобой легко перевешивает все остальные.

Мы действительно неплохо проводили время, но, уверена, у него были и другие хорошие воспоминания.

— Разве в детстве у тебя не было чудесных дней?

Он отвёл взгляд:

— Ничего выдающегося.

— Каким было твоё детство в Сибири?

На его щеке дёрнулся мускул.

— Холодно, сурово, скверно.

Ладно...

— Ты о погоде? Или о детстве?

— Выбери сама, — буркнул он, ясно давая понять, что мне не стоит продолжать расспросы.

Хорошо. Я дам ему время, раз его раны ещё не затянулись — как часть *перемен*.

Кроме того, чем меньше я стану копаться в его прошлом, тем меньше он — в моём. Я сменила тему.

— Что ты обычно делаешь в свободное время?

— Его у меня не было, — смягчившись ответил он, получив эту временную передышку. — Я старательно самосовершенствовался.

Я улыбнулась.

— Ты и твои перемены.

— Я должен был подготовиться ко встрече с женщиной моей мечты.

Я продолжала улыбаться:

— Как я могу быть женщиной твоей мечты, ты едва меня знаешь!

— Я знаю достаточно, Виктория.

Я приподняла брови:

— Что, например?

— Во время оральных ласк приходится тебя сдерживать, чтобы ты не кончила слишком быстро. Пустив однажды кого-нибудь в сердце, ты делаешь это навсегда и терпима к чужим ошибкам. Ты терпелива. Заботлива. Скрытна. Но я знаю, что стоит мне открыть все свои секреты, как ты откроешь свои. Твоя жажда жизни безгранична. А когда твои голубые глаза вспыхивают от счастья, мне начинает казаться, что меня опоили. Для меня ты как *наркотик*.

У меня рот открылся.

Я отвела взгляд, размышляя о прошлом. Теперь было понятно, что Бретту по-настоящему я не открылась. Ведь будь это так, я бы не порвала с ним *таким* образом. Я знала, что больше не получу от него ни единого письма и действительно жалела, что причинила боль, но других эмоций по отношению к нему я не испытывала.

Совершенно.

Может, я пыталась форсировать наши отношения, потому что была совершенно очарована *нормальностью*. А может, берегла своё сердце, потому что подсознательно понимала, что моя судьба — это другой аферист.

И где я теперь? *Замужем* за лохом — самое невероятное из того, что только можно представить.

— Разве женщина твоей мечты не должна быть поклонницей БДСМ? — спросила я. — Чтобы соответствовать тебе?

— О, ты ею станешь, — от его уверенного тона я вся покрылась мурашками. — Ты уже — невероятно отзывчивая и щедрая Нижняя.

Я не была уверена, что мне нравится это слово. Даже если мне и нравилось

подчиняться.

— У тебя было много Нижних?

— Нет. Ни одной, насколько я знаю.

Я нахмурилась.

— Разве тебе не хотелось до женитьбы испробовать других? Что если тебе захочется испытать это ещё с кем-нибудь? — Все мужики изменяют — кобелиная натура — и по гораздо менее серьёзным причинам.

— Я искал тебя всю свою жизнь. Мне никогда не понадобится другая. — Господи, он говорил так уверенно. Даже самоуверенно. Так, как это делала бы я, выиграв мировой чемпионат по покеру. — Пойми, я всегда буду верен тебе. Моя жена заслуживает преданного мужа. — Он действительно верил в свои слова.

Это напомнило мне, какую глубокую привязанность к жёнам демонстрировали его братья. Если они все вылеплены из одного теста, может, он и вправду не станет изменять.

Окажется тем парнем, который, отправившись с друзьями в Вегас, будет гордо носить на пальце обручальное кольцо.

Но разве я могу этому верить? *Моя планка находилась слишком высоко.* К тому же, это вообще вопрос спорный.

Если вспомнить, сколько я ему всего наврала.

— Почему у тебя никого не было? — спросила я, вспомнив, как он вёл себя с куколками типа Шэрон. — Хотя, знаешь, забудь этот вопрос. Почему ты отказывал всем девушкам?

— Потому что искал не просто партнёршу в постели.

— И моя сестра тебя не привлекла? — Со своим опрокинутым подносом?

— Уверен, твоя сестра — замечательная девушка, но сравнивать с тобой её невозможно. Если бы вы стояли рядом, я бы на неё даже не посмотрел.

Ещё ни один парень не сделал выбор между нами не в пользу Кэрин.

— Мне трудно в это поверить.

— Я бы очень хотел, чтобы ты могла прочитать мои мысли. — Его лоб изрезали глубокие складки. Потом он переместил на меня гипнотизирующий взгляд. — Хочешь узнать, каким образом я вижу мир?

Хочу ли? Я не была уверена, что готова узнать, как работает его изворотливый и сложный ум.

— Ладно, — ответила я, что прозвучало почти как вопрос.

— Представь, как в центре абсолютно тёмной комнаты горит свеча, — глухо произнёс он. — Комната — это мир. А свеча — это ты.

С моих губ сорвался судорожный выдох.

— Как ты можешь быть настолько уверен на мой счёт?

Он посмотрел мне в глаза.

— Если пробыл в темноте столько, сколько был я, *mon ângel*, то уже ни с чем не спутаешь свет.

Когда он так говорил, то казался просто воплощением моей мечты. *Если что-то выглядит слишком хорошо...*

— Я боюсь, что твои чувства ко мне сгорят, словно комета. Для стабильности всё это слишком быстро и горячо.

Через две недели он даже смотреть на меня не будет.

— Со временем ты сможешь больше доверять моим чувствам. Принимая во внимание

измену твоего бывшего, мне понятно, почему со мной ты так осторожна. Но я — не он. И никогда не буду тебе лгать. Всё, что я делаю, каждое решение, которое принимаю — всё это ради твоего счастья. Помни об этом.

Никакого скрежета ногтей по доске.

Он поднялся.

— Пойдём. Хочу увидеть, как вновь загорятся твои глаза.

Я встала, принимая его протянутую руку, и он повёл меня в гардеробную.

Там, вместо тех немногих вещей, которые я взяла с собой, меня ожидали целые ряды дизайнерской одежды плюс аксессуары, сумочки, обувь и даже драгоценности.

Я повернулась к нему с вытаращенными глазами.

Он очаровательно пожал плечами, словно говоря *«ничего не мог с собой поделать»*.

Я нырнула в шкаф, принимаясь гладить ткани, исследовать швы, жадно рассматривать цвета и рисунки. Этот гардероб возбуждал желание творить, требовал срочно зарисовать появившиеся в голове идеи.

— Как ты привёз всё сюда так быстро? — Все вещи были моего размера.

— Курьерская экспресс-доставка.

Я прижалась щекой к божественной нитке жемчуга.

— Помнишь, я сказал, что бриллиантовое ожерелье послужит неплохим началом коллекции, — его голос удовлетворённо вибрировал.

Со временем я рассмотрю все эти великолепные подарки, но сейчас мне хотелось оказаться как можно ближе к этому мужчине. Отложив жемчуг, я подошла к Дмитрию и поцеловала в щёку, привстав на цыпочки. Глядя на него снизу вверх, спросила прямо:

— Как можно быть таким внимательным и щедрым?

Казалось, он сразу стал выше.

— Я живу по единственному закону: если моя жена чего-нибудь хочет — она это получит. Даже если она сама пока не знает, чего хочет.

В самом деле? *Слишком хорошо, чтобы быть правдой, слишком хорошо, чтобы быть...*

— Кстати, — добавил он, — ты готова к новому сюрпризу?

Дмитрий снова повёл меня в спальню. Из кармана джинсов извлёк пульт дистанционного управления. После нажатия кнопки все окна в комнате превратились... в зеркала.

— Это разновидность умного стекла. Для полной приватности на случай гостей.

— Ты действительно *всё* предусмотрел.

— Можно сделать даже лучше. — Он нажал другую кнопку, и зеркала превратились в экраны. На них была видна спальня под разными углами и даже вид сверху.

— В спальне есть камеры? — Ощущение чего-то запретного вызвало в теле мурашки. — Мы будем записывать наши секс-игры? — затаив дыхание спросила я.

— Будем. Думаю, моя жёнушка-эксгибиционистка с удовольствием будет снова и снова пересматривать то, чем мы занимались ночью.

Мысль об этом меня потрясла — в хорошем смысле. Грудь заныла, трусики промокли.

— Но сначала ещё один сюрприз. — Он подвёл меня к другому шкафу, по размеру не уступающему гардеробным. Ранее пустующий, сейчас он был доверху заполнен... взрослыми игрушками.

Целый шкаф игрушек. У меня челюсть отвисла. Вибраторы, дилдо, лопатки, бусины и шарики. Предназначение некоторых мне даже не было *известно*.

— Впечатляющая коллекция, здоровяк. — С ней мне тоже не терпелось ознакомиться.

Широким плечом он прислонился к дверному косяку.

— *Да*. Я много чего заказал.

Я бы спросила его, как он успел всё устроить, но ответ был известен заранее: «курьерская экспресс-доставка». Я вошла внутрь, наслаждаясь запахом кожи, пальцы коснулись стеклянного дилдо, переместились на блестящий новенький стек.

— Что ты со всем этим планируешь делать?

— Мы с тобой будем доставлять друг другу удовольствие. Сегодня на каждую выбранную тобой игрушку или аксессуар я тоже выберу свой.

Ух ты!

— Ладно. — Моё внимание привлекла палка с кожаными наручниками на концах. — Как используется эта штука?

— Я смогу объяснить, только продемонстрировав, Вика. — В его взгляде читался вызов. — Ты выбираешь эту вещь или нет?

Я вздёрнула подбородок.

— Прекрасно. Да, выбираю.

Ох уж эта чертовщинка во взгляде. Понравился мой выбор?

— Тогда я выберу вот это, — он взял что-то, напоминающее пробку, плоский конец которой был украшен синим сверкающим камнем размером с четвертак.

— Ты собираешься засунуть это... в мою попку? — спросила я, когда он взял с полки бутылку лубриканта. С любым другим парнем я бы занервничала. Но зная Дмитрия, была уверена, что он сделает анальную игру приятной.

Как с тем фокусом во время совместного душа.

— Уже зная твою реакцию — да.

Усадив меня на ту полку, он долго-долго дразнил меня языком. Потом погрузил в киску

два пальца. А мизинцем, смазанным маслом для ванны, одновременно проник в мою попку.

Мгновенный шок.

Я слышала о таком, но почувствовать всё самой... Слетев с катушек, я кончала так бурно, что чуть не свалилась с полки прямо в его объятия...

Похоже, у Дмитрия для меня припасено немало открытий в сексе. До него я совершенно не интересовалась аналом, но если это то, чего он хотел, то я готова попробовать. Готова попробовать всё, что он предложит, по крайней мере, один раз.

Он завоевал моё доверие во всём, что касалось секса. Последствия этого мне придётся обдумать позднее.

Он держал пробку.

— Готов поспорить, ты течёшь, даже когда просто на неё смотришь. — Свет отражался от блестящего металла.

Я неотрывно смотрела на эту штуковину.

— Не могу отрицать. — Сверкающий камень так и притягивал взгляд. Если уж украшать мою попку, то и его самого надо как-нибудь украсить. Ну, не считая пирсинга. Я повернулась к полкам, выбрав два соединённых друг с другом кожаных кольца. Кольцо для члена?

— Хорошая мысль, Вика. — Он взял аксессуар у меня из рук. — Надев это, я не стану кончать каждый раз, когда это будешь делать ты.

Я сглотнула.

— Каждый раз, да?

Пройдя в спальню, он положил наши игрушки на кровать.

Я последовала за ним.

— Скажи, что мне делать.

— Разденься.

Это не заняло много времени, поскольку я не носила ничего, кроме трусиков и пляжной накидки.

— А теперь — на кровать.

Я забралась на матрас, поднявшись на коленях, и уже заранее подрагивая от нетерпения. Просто нереально! Я пробежала глазами по экранам, увидев себя сразу с нескольких ракурсов. После сегодняшних солнечных ванн голышом граница загара на теле была уже не так заметна. Волосы на лобке казались золотистыми.

Он подошёл к краю кровати.

— Встань на четвереньки, попкой ко мне.

Я вспыхнула, но, поколебавшись, развернулась и опёрлась на руки.

— Женщина... — простонал он.

Камеры давали мне возможность видеть, на что он смотрел: на мою приподнятую попку и покрытую влагой киску.

На другом экране я была видна сбоку, груди уже покачивались от предвкушения. Тугие соски приобрели тёмно-розовый оттенок.

Ту чёрную палку он установил между моими ступнями.

— Это расширитель. — Негнувшись пальцами он пристегнул мои щиколотки к каждому концу устройства, тем самым раздвинув ноги. — Наклони голову и опустишь щекой на кровать. Потом вытяни руки к щиколоткам.

Оказаться ещё более уязвимой.

— Скажи стоп-слово или подчинись, — напомнил он.

Голову я опустила, но моя попка от этого задралась ещё выше.

— Если у тебя никогда не было Нижней, откуда ты так много знаешь об этом?

Он примотал мои запястья рядом с щиколотками.

— Я же говорил, что изучал секс как науку. — Как только я оказалась обездвижена, он отошёл назад, чтобы полюбоваться. — Господи, *zhena*.

Я могла видеть то же, что и он. Набухшие внешние губки были раскрыты и демонстрировали более тёмный вход. Половинки попки раздвинулись, я была полностью выставлена напоказ. И едва смогла сдержать стон.

Он разделся, не сводя с меня глаз.

Его зловещее выражение лица заставило моё сердце споткнуться.

— Ты, эээ, выглядишь так, словно собираешь затрахать меня до смерти.

Он медленно кивнул.

— О, да. Ты узнаешь, чего я жду от своей жены. Каким будет наш с тобой секс.

Когда упавшие вниз джинсы открыли мощную эрекцию, я вдруг кое-что поняла. Он может сделать совершенно всё, что угодно.

Совершенно всё.

Эта мысль вызвала *пульсацию* в клиторе.

Он достал то самое кольцо для члена.

— Ты ведь воплотишь все мои фантазии, правда, жена? А я — воплощу все твои.

Мои веки отяжелели, как только он обхватил рукой член и мошонку, чтобы установить кожаные ремешки.

— Обжигаяще горячо, Дмитрий. — Если бы я только могла сфотографировать этот момент...

Минутку, да ведь у меня будет видео!

Он стоял позади меня, огромный, готовый творить с моим телом непристойные вещи.

— Только взгляни на себя. Наверное, мне всё это снится. — Длинный указательный палец проник в мою киску. — Охуенно мокрая.

Я застонала, мышцы сжались вокруг его пальца.

К первому добавился и второй. Он не торопился, погружая пальцы как можно глубже.

Я вертела головой из стороны в сторону, не зная, на какой экран смотреть.

— Дмитрий, погладь мой клитор.

Он убрал пальцы.

— Поглажу, когда захочу. Не раньше. — Он шлёпнул мои влажные губки.

— А! — я дёрнулась в оковах.

— Не заставляй меня снова тебя наказывать, красотка. Тебе не понравится. — За сильным шлепком последовали лёгкие похлопывания, отчего его большая ладонь полностью покрылась моей смазкой. Наконец он ввёл внутрь большой палец, оставив остальные снаружи подо мной, чтобы касаться клитора, словно струн на гитаре.

— Да! — я бесстыдно подмахивала, насколько позволяли путы. — Н-нужно кончить, Дмитрий!

— Только с пробкой. — Он начал покрываться потом, мускулы заблестели.

— Тогда дай её мне! Пожалуйста...

Он убрал руку, оставив меня страдать. Пока он смазывал пробку, я вся дрожала. Эта штука была поменьше некоторых виденный мной в интернете, но куда больше его пальца!

И всё равно я знала, что он позаботится обо мне. Всё, что ему было нужно — это доставить мне удовольствие.

— Готова?

— Да... — я опять дёрнулась, когда к попке прижался кончик пробки.

— Расслабься, *zhena*. — Он дразнил мою дырочку, обводя по кругу, слегка надавливая. Снова и снова. И мне уже хотелось, чтобы он, наконец, её воткнул! — Такая тугая.

— Хватить дразнить, Дмитрий, *пожалуйста*. — Я желала ощутить наполненность внутри почти так же сильно, как желала его член.

— Со временем, когда ты привыкнешь, я трахну твою совершенную девственную попку. Ты хочешь, чтобы я это сделал?

Моя киска затрепетала.

— Да, Боже, да, да!

Неторопливо двигая и вращая металлический кончик, он с каждым разом проталкивал его всё глубже.

— А пока наслаждайся этим, Вика. — Наконец, пробка проскочила внутрь, заняв нужное место.

После короткого растяжения всё тело наполнилось новым ощущением. Я впитывала его, вращая бёдрами, чтобы привыкнуть.

Он отступил назад, чтобы я тоже могла полюбоваться своей украшенной камушком попкой.

— Чёрт возьми, такая красивая. — От этой картины его член начал пульсировать.

Эту запись я буду смотреть бесконечно!

— А теперь ты меня трахнешь?

— Кое-чего не хватает. А, да, *этого*. — Он шлёпнул меня обеими руками. — Моих отпечатков.

От удара попка сильнее сжала пробку, усиливая эффект. Я застонала, требуя продолжения.

Он продолжал меня шлёпать, приговаривая:

— Твоё тело заставляет мой член каменеть, головка уже мокрая.

Я могла это видеть. Чёрное кожаное кольцо врезалось в набухшее основание члена, а на проколоте кончике выступила смазка.

— Пробка и мой член заполнят тебя до предела.

— Давай же! Я хочу узнать... хочу, чтобы ты был во мне, — задыхаясь, вскричала я.

— Моя жена хочет... — прохрипел он.

— Хочет кончить! — немедленно перебила я.

— Не думаю, что ты действительно этого хочешь. Ты же знаешь, насколько ярче будет разрядка... если мы воспротивимся твоим нуждам. — Одну руку он положил на мою поясницу, обхватив пальцами талию, а другой начал водить головкой по мокрым складочкам.

На экранах мне было видно, как двигаются вылепленные мышцы его ягодиц. Я вращала бёдрами, искушая, пытаясь его поймать. Напряжение нарастало...

— Твоя голодная маленькая киска страдает без этого? — Он начал погружаться внутрь...

— О, Боже, ДА! — Закричала я, кончая, хотя он был ещё на полпути. — *Дмитрий!* — Ощущение наполненности сорвало меня с катушек.

— М-м! Я чувствую тебя! — Он втокнулся на место, заставляя меня вновь закричать. И вновь. — Именно так ты и похитишь мою сперму.

Охваченная оргазмом, я извивалась в путах, почти ничего не соображая...

Когда я, наконец, обмякла, он выдавил:

— Ещё? — Прижатые ко мне мускулы ходили ходуном. Как же сильно ему нужно было кончить!

— Да!

— От меня ты всегда получишь ещё. — Отведя бёдра назад, он обхватил меня за талию. Расставил колени шире. *Готовился.*

Я заёрзала. Выглядел он так, будто собирался стереть меня в порошок. И всё, что я могла с этим поделать — лишь подчиниться.

— Э-э, Дмитрий...

Он дёрнул меня к себе, насаживая на член, одновременно устремившись вперёд. Он закричал, я застонала.

Его положение, моё положение... Я чувствовала себя, как секс-игрушка. Наверное, я действительно была Нижней, потому что мысль об этом вновь загнала меня на пик.

— Твоё тело должно быть оттрахано моим. Завоёвано. — Он чуть отодвинулся, чтобы выполнить новый сумасшедший толчок.

И ещё один. Вскоре он *без остановки* бился в меня. Дыхание превратилось в хрип; мой крик перерос в визг.

Кончая вновь, я выкрикивала его имя.

— *Вика!* Твоя сладкая киска! — Он не снизил темп, его кожа сверкала от пота. — Ты доишь мой член!

Внутри меня он стал ещё толще.

— Не могу больше выносить такое давление. — Он ослабил свой кожаный ремешок? Его размер был просто невозможен.

Так почему я оказалась на грани нового оргазма?

Влажные бёдра всё сильнее шлёпали мою попку. *Шлён-шлён-ШЛЁП.*

— Виктория! — зарычал он, вонзаясь пальцами в моё тело. — Надо кончить... глубоко в тебе!

Мой следующий оргазм заставил меня болезненно застонать. Я была в горячке, опьянена сексом, бормотала что-то бессвязное,

Нахмурившись от желания, он встретил мой взгляд из-под полуопущенных век в одном из экранов.

— *Я никогда тебя не отпущу!*

Он закричал от наслаждения, на шее натянулись жилы, на руках вздулись мышцы, и в меня хлынуло его семя. Нарастивая темп, он вонзался в меня, опустошаясь...

Потом, со стоном, он рухнул на меня сверху, мою шею щекотало его тяжёлое дыхание. Даже не успев прийти в себя, он начал покрывать мою кожу нежными поцелуями.

Даже связанная, придавленная его весом, никогда ещё я не чувствовала себя такой свободной. Разве он не обещал меня освободить?

— Дмитрий, мне нравится то, каким будет наш с тобой секс, — блаженно прошептала я.

— Чем займёмся сегодня? — спросила я, наблюдая, как голый Дмитрий потягивается в лучах утреннего солнца. Шумно выдохнула. *Ну и мужчина.* Мы были женаты неделю, а моё влечение только росло.

Перед этим я разбудила его одним из двух его любимых способов. Он приоткрыл глаза — цвета вчерашнего золотого заката. Спустя пару мгновений замешательства изогнул уголки рта.

— Утренний пробуждающий минет? Ты издеваешься? — он повторял мои собственные слова.

Копируя его, я ответила:

— Нет. Не издеваюсь. — Не могла насытиться его вкусом.

— Ах, Вика, такая жизнь с тобой мне нравится...

Мне нравилась вся та роскошь, которой он меня окружал, но привлекательность Дмитрия этим не ограничивалась. Даже не будь у него денег, меня бы всё равно к нему тянуло. И пальцы на ногах по-прежнему бы подворачивались, когда замешательство на его лице сменялось золотым блеском удовлетворения. С ним я бы всё равно познала больше наслаждения, чем могла мечтать.

Я бы всё равно чувствовала себя защищённой.

Господи, я чувствовала себя защищённой.

— Надо собрать вещи для медового месяца. — Он натянул на себя рваные джинсы; наверное, прибыли с сегодняшней доставкой. — Хочу отметить неделю со дня свадьбы в Муреа.

— Это где?

— Это остров недалеко от Таити.

Так далеко? Как же тогда передать кольцо? Осталось три дня!

— М-м, я думала, что медовый месяц мы проведём здесь.

Он покачал головой.

— Погода скоро изменится, но во Французской Полинезии безоблачно. Я собираюсь купить для тебя всё — даже солнечные дни.

— Может, отложим отъезд на неделю-две? — *Розыгрыш*, твердила я себе.

Да кого я обманываю? Розыгрыш я использую исключительно как оправдание моему желанию быть с Дмитрием.

Замужем. Всё сильнее подпадая под его чары.

Он сел рядом со мной на кровать.

— Зачем ждать?

— Мне здесь очень нравится. — Не ложь.

Вчера я составляла комплекты из продолжающей пребывать одежды и бриллиантов (Свою гардеробную я прозвала «бесконечной историей»). Он оценивал образы до тех пор, пока я не выскочила к нему абсолютно голая, если не считать драгоценностей.

Он трахал меня, а на моих сиськах к его радости подпрыгивали жемчужные бусы.

Секса у нас было *много*. Обычного и необычного. В ванной. В бассейне. В джакузи. На берегу океана.

В огромном гараже на капоте Бентли.

Каждый вечер мы пересматривали секс-видео предыдущего дня. Вчера он поставил запись того раза, когда он впервые засунул в меня пробку — одновременно засовывая другую, побольше.

— Ты сядешь на меня верхом, лицом назад, чтобы я мог шлёпать твою прекрасную попку и контролировать темп.

Развёрнутая наездница? Как только он вытянулся на простынях — обнажённый, прекрасный и со стояком — я тут же его оседлала.

Из-за этого видео, сексуальных команд и ощущения полноты я впала в лихорадочное состояние, вцепившись для баланса в его мускулистые бёдра и выставив напоказ свою украшенную сверкающим камнем задницу, в то время как он продолжал меня шлёпать...

С трудом оторвавшись от воспоминаний, я прочистила горло.

— Мне кажется, мы только-только открываем для себя это место. — Мы ещё несколько раз катались на байдарке — я гребла уже как крутая. Исследовали окрестности, устраивая длительные пешие прогулки по многочисленным холмам и густому лесу. — Мы ведь ещё даже не покатались верхом.

Вчера он отвёл меня на конюшни, которые были расположены на некотором расстоянии, с другой стороны холма, чтобы познакомить с прибывшими новыми лошадьми — их было так много, что я не смогла запомнить их имена. Особенно меня привлекла одна кобылка с лоснящейся чёрной шёрсткой и озорными глазами.

— Можно, я возьму её домой? — шутливо спросила я.

— Конечно. — Мой эксцентричный муж был совершенно серьёзен.

— О. Ну, лучше в другой раз.

От конюшен мы с Дмитрием возвращались другой дорогой, выбрав извилистую тропинку вдоль побережья.

Он держал меня за руку. Идти вот так с ним рядом казалось таким естественным, словно моя ладонь только его и ждала...

Наклонившись, он провёл рукой по моему подбородку.

— Наш дом никуда не денется. Наверное, тебе просто не хочется уезжать далеко от семьи.

Мне не хотелось выглядеть в его глазах рохлей, держащейся за мамину юбку, но другого оправдания я придумать не могла.

— Наверное.

В действительности меня пугала мысль о том, чтобы отправиться куда-то через полмира. А вдруг, пока мы будем там, Дмитрий поймёт, что я мошенница? Что если я останусь одна в этой дурацкой Французской Полинезии без копейки денег, чтобы вернуться домой?

— Если хочешь, перед отъездом мы можем их навестить, — предложил он.

Рядом с лохом они сразу станут тихими и осторожными, а Дмитрий сам по себе не слишком-то общительный. Хотя во время визита я смогу передать кольцо, всегда существует риск, что он что-то про нас поймёт, а ещё что он обвинит в краже кого-то из наших.

— Лучше не так скоро. — Он нахмурился, поэтому я добавила: — И сначала я бы хотела повидаться с твоими.

Непохоже, чтобы эта мысль Дмитрию понравилась. Он упоминал, что должен разрешить с ними какие-то противоречия. Должно быть, на это требуется время.

Честно сказать, я была бы рада с ними увидеться. Расспросить Натали и Люсию о

БДСМ. И узнать больше о собственном муже.

Минутку... А если противоречия заключаются во мне? Что если его семья считает меня недостаточно хорошей для него? Или, чего хуже, охотницей за богатством?

— Значит, пока остаёмся, — сдался он.

— Здорово! — я убедительно изобразила улыбку.

Его губы коснулись моих.

— Я сегодня пораньше планирую поработать. — Он ежедневно проводил час за компьютером. — Присоединишься ко мне?

Всю неделю я так и делала. Растягивалась на диване в кабинете, больше глаза на него, чем в подаренный им ноутбук. В первый же день я поняла, что не могу сопротивляться его сосредоточенному выражению лица. И забралась под стол.

Когда я занялась его молнией, он резко выдохнул.

— *Prosto rai*, — простонал он, раздвигая колени...

Я была не прочь повторить это и сегодня, но чувствовала себя не в своей тарелке.

— Я лучше пойду прогуляюсь.

Он уселся в кабинете, а я оделась и направилась к конюшням. Шагая по ухоженной дорожке, я едва замечала окружающий пейзаж, полностью погрузившись в мысли о будущем.

Чем сильнее я сближалась с Дмитрием, тем сильнее чувствовала, что предаю интересы моей семьи и собственные убеждения. С другой стороны, если я начинала говорить себе, что вернусь к родным и к своей прежней жизни, то мучилась из-за вины перед русским.

Спасти своих близких значило предать его доверие.

Похоже, я угодила в ловушку.

А мошенники терпеть не могут ловушки, кроме тех случаев, когда расставляют их сами.

Тропинка стала подниматься вверх и привела меня на луг с полевыми цветами, растущими перед белоснежными конюшнями. Большинство лошадей находились снаружи, в четырёх загонах. Лошадки ржали друг на друга и трясли головами.

Я наблюдала за ними, облокотившись на ограду.

Время, проведённое с Бреттом, поставило передо мной ряд вопросов. Отношения с Дмитрием тоже заставляли гадать: *можно ли влюбиться за такое короткое время? Смогу ли я ему доверять? Получится ли построить свою жизнь с не-мошенником?*

Один гнедой жеребчик заржал, подставив морду свежему ветру, а потом поскакал по кругу. Я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Наверное, здесь будет здорово расти малышам.

Нахмурилась. Совсем не типичные для меня мысли. С другой стороны, мы с Дмитрием поговорили немного о детях.

— Ты знаешь, что такое быть родителем, а? — шутливо спросила я. — Не уверена, что подхожу на эту роль.

Он вздёрнул подбородок.

— За те несколько лет, которые я провёл с матерью, я усвоил, что значит быть родителем: бесконечное терпение, безусловная любовь и защита ценой собственной жизни. — Он выдержал мой взгляд. — Виктория Севастьянова, ты станешь прекрасной матерью.

В то время как я создавала образ «хорошей девочки», Дмитрий заронил во мне мысль о собственных детях, и мысль эта уже давала всходы. Меня не привлекала перспектива иметь детей от Бретта. Но нас с Дмитрием в качестве родителей я представить могла.

Он был немного не в себе; я была чуточку скрытна. Чёрт, а ведь могло сработать.

Достав мобильник, я позвонила сестре.

— Он мне нравится.

— Деньги тебе его нравятся, детка.

— Не забывай, что я могу сегодня же с ним развестись и остаться с половиной его состояния, — напомнила я. — Кэрин, я представила, что у него нет ни копейки. Представила, как мы будем вести честную жизнь. И поняла, что меня всё равно к нему влечёт. Он заботливый, умный и внимательный. Изобретательный. Даже весёлый. — Количество шуток понемногу увеличивалось. — *Хотелось* бы мне, чтобы моя тяга к нему ограничивалась только деньгами. Деньги — это просто. Но мои чувства меня пугают. Что если...

— Выкладывай! Сестринская тайна.

— Что если мы созданы друг для друга? Что если сказки существуют?

Я вдруг подумала, разве может мама отрицать существование сказок, если именно в сказке они с папой и живут? Родители влюбились друг в друга с первого взгляда и неразлучны уже тридцать лет!

— Детка, ты говоришь так, будто и правду... без ума от него.

А если остаться с ним? Чёрт, Дмитрию ведь нужно, чтобы я с ним осталась.

— Я, блин, смотрю, как он спит. Нюхаю одежду, чтобы почувствовать его запах. Ловлю себя на том, что вздыхаю, наблюдая, как он работает. От концентрации у него на лбу такая маленькая морщинка — серьёзно, ничего прекраснее я в жизни не видела. От его улыбки сжимается сердце. — И улыбаться он стал гораздо чаще. — Он весь оживляется, рассказывая о своей работе, и это тааак сексуально.

Два дня назад он попытался объяснить мне суть его патентов и исследований и просто опешил, когда я запрыгнула на него.

— Вика?

— Ничего не могу поделать, — пробормотала я между поцелуями. — Когда ты говоришь о компьютерах, то совершенно неотразим.

И пока я срывала с него одежду, он торопливо хрипел что-то о коэффициентах, рефакторинге, вертикальной трассируемости и прочей абракадабре...

— А то, что у вас нет ничего общего? Ты же говорила, что он хочет детей, а ты нет.

— Я могу передумать. Не в смысле, что готова беременеть прямо сегодня. — Пока что я принимала противозачаточные, и даже не стала делать перерыв, чтобы избежать месячных. — Но, в принципе, почему бы нет. — Я вздохнула. — Это наша самая долгая разлука с тех пор, как мы сюда приехали, и я уже *соскучилась*. — У него всё было так же запущено; перед этим он долго не решался уйти в кабинет без меня.

— Вайс, ты сама на себя не похожа.

— В смысле?

— Ты говорила, что он в твоих руках, а теперь вдруг думаешь о детях и «жили они долго и счастливо»? Пока ты наслаждаешься медовым месяцем во дворце, твоя семья находится на лезвии бритвы, не зная, что ты будешь делать и куда отправишься.

Если срок установлен, это не значит, что я должна тянуть до последнего.

— Ты права. Извини.

Несмотря на полную выплату от конгрессмена и успешную афёру родителей, денег всё равно не хватало, даже с часами Люсии и моей машиной.

— Без тебя мы не справимся. Провернуть всё надо сегодня. Теряешь кольцо... — новая ложь к уже существующей горе вранья... — или теряешь мужа.

Развод.

— Если бросишь его сейчас, скажешь адвокатам, что не будешь претендовать на всё, если формальности будут улажены быстро. Например, 10 лимонов до выходных. Они обсудят, какую выгоду это будет иметь для клиента и, держу пари, согласятся на выплату.

Будто Дмитрий меня отпустит...

— Или же можешь потерять кольцо и отложить вопрос о разводе, — добавила Кэрин.

Я пожевала губу.

— Это же символ. А если я прокляну свой брак, лишившись кольца? Если мне сейчас действительно улыбается Госпожа Удача? Как она отреагирует на такой плевок в лицо?

— Проклянешь? Твои «отношения» построены на лжи, — Кэрин начинала горячиться. — Выбора у тебя нет. Нельзя иметь всё сразу, либо муж, *либо* камень.

По словам сестры выходило, будто я жадная дурочка.

— Я никогда не оставлю семью в беде, ты же знаешь, но есть ещё один вариант. Я попрошу у него денег.

В этом случае я анонимно верну часы Люсии. Вдруг они дороги ей как память? Как мне это кольцо.

О, и не придётся сообщать об угоне Порше.

Всего мне потребуется... три миллиона.

Кэрин изобразила меня:

— Привет, Дмитрий, знаю, мы женаты всего-то неделю, но мне очень нужен пустой чек стоимостью в целое состояние, зачем — не скажу. И хотя любой нормальный человек захочет докопаться до истины, я прошу тебя этого не делать. Лады? Спасибо, милый.

Мне не хотелось всё сводить к дилемме «как сильно я люблю родителей» против «*как сильно я верю в то, что чужой человек даст мне денег*».

Он невероятно щедр, но способен ли подписать пустой чек, не задавая вопросов?

Если откажется, то явно потом что-то заподозрит, когда я внезапно потеряю кольцо. И даже если согласится дать денег, всё равно потом может начать копать под мою семью.

Придётся рискнуть благополучием дорогих мне людей, поставив на человека, которого я знаю каких-то несколько дней — на человека с неблагоприятным прошлым.

О котором он не особенно хочет говорить.

Пока что я узнала о нём всего ничего. На вопрос о родителях он ответил:

— Я очень любил свою мать. — Его взгляд затуманился, но глаза светились нежностью. — Братья были постарше и часто отсутствовали, так что большую часть времени я проводил рядом с ней. Она научила меня играть в шахматы и ездить верхом. Пела мне песни. — Об отце он говорить отказался.

И хотя причины смерти его обоих родителей в течение двух лет по-прежнему оставались неясны, я не настаивала на ответах.

Он верил, что если поделится со мной своими секретами, то я поделюсь моими, а этот момент я планировала отложить как можно дальше. Читай: *навсегда*.

— Если он поймёт, что им манипулировали, то добьется пересмотра брачного договора. И ты останешься ни с чем, — Кэрин вздохнула. — Пит знал, что так будет. Он просил напомнить тебе, что вы с ним совершенно разные.

И только с судьбой нельзя смухлевать...

Доверие Дмитрия уже было предано кем-то, кому он доверял, обидчик выбрал его, а потом сознательно обманул.

Я тоже выбрала его и сознательно обманула. Моя семья вынудила его действовать, нарочно столкнув с моим бывшим. Несмотря на наши мотивы, разве он может так просто отмахнуться от схожести поступков?

Я вспомнила его потухший взгляд, когда он сказал:

— В конце концов, мы всегда это понимаем, правда?

— Вайс, я расскажу тебе сейчас то, что не говорила никому. — Кэрин немного помедлила, — я собиралась во всём признаться Уолкеру. Готова была держать пари на свой дом, что он меня любит. Он сам так говорил. — Я вспомнила, как нежно он на неё смотрел. — У нас родился *ребёнок*, но всё равно он бросил нас с Кэшем. Я знаю, как легко стать слепой.

На первый взгляд у Дмитрия и Уолкера было много общего: оба богатые и гордые. Неужели Дмитрий отреагирует так же, как Уолкер? Неужели я, как и Кэрин, никогда не оправлюсь от разрыва?

Во что я верила больше: в преданность Севастьяновых или в слёзы, которые Кэрин скрывала?

— Напиши мне, что решила, — сказала она. — Сегодня.

— А как бы *ты* всё провернула?

Она не колебалась.

— Я бы наплевала на внезапную страсть, сбросила бы с себя его чары, развелась бы с тем, с кем едва знакома, пока он не развёлся со мной, и забрала бы с собой столько, сколько смогла. Тогда и семья была бы спасена, и мы бы снова оказались все вместе. Об этом мы мечтали столько времени. А ты этого хочешь?

— Ну конечно.

— До самой смерти, детка.

Я посмотрела на кольцо. *До самой смерти.*

— Я сегодня освободился пораньше и могу отвезти тебя по магазинам, — сказал Дмитрий, когда я вошла в кабинет.

Конечно, потому что ты чуткий и внимательный.

— Очень мило с твоей стороны.

Он нахмурился, заметив моё расстроенное лицо.

— Что случилось? — Он встал.

Я подошла к нему.

— Ничего.

— Да ладно, даже мне понятно, что что-то не так. — Он положил ладони мне на плечи. — Ты можешь рассказать мне обо всём, *zhena moya*.

Я смотрела на него снизу вверх. Чувствуя эту близость и теплоту его рук, я вдруг чётко осознала, как надо поступить, а слова Кэрин в голове померкли. В конце концов, разве она знала, какой Дмитрий замечательный? Она же говорила, что любой *нормальный* человек станет копать.

А мой муж немножечко сумасшедший.

Инстинкт афериста, на который я полагалась в жизни, подсказывал, что надо побороться и за мужа, и за кольцо, и за долг картелю. Если всё, что он мне рассказал с момента нашего знакомства — правда, то и в этом он мне не откажет.

Собираешься довериться ещё одному мужчине, а, Вайс?

— Я... что если я попрошу тебя сделать кое-что, зная, что это нечестно?

Он сглотнул и хрипло спросил:

— Развод?

— Нет!

Выдохнув, он снова уселся в кресло.

— Тогда мне совершенно не важно, о чём ты просишь. Жена захотела — жена получила, помнишь?

— Но ты ничего не поймёшь, если не попытаешься докопаться до истины. А я знаю, что тебе очень важно всё понимать.

Его губы изогнулись.

— Ты уже так хорошо меня изучила.

Я сделала шаг назад.

— Извини; это была ошибка. Просто что-то на меня нашло. — Неужто я действительно это ляпнула?

Чёрт, Вайс, соберись!

Вскочив на ноги, он встал между мной и дверью.

— Я отказываюсь тебя отпускать, пока ты не скажешь, что тебя расстраивает. Ты же знаешь, что мы будем здесь сидеть, пока не начнём голодать.

Ага. Как знала, что он был готов привести в дом ту гnedую кобылку.

— Дмитрий, если я попрошу нечто значительное и необычное, клянёшься не выпытывать у меня причины этой просьбы? — Переплетя пальцы, я касалась кольца, как талисмана. — Не пытаться понять *всё* до конца?

— Я сделаю всё, что угодно, лишь бы ты была счастлива. Но для этого ты должна со

мной говорить.

Я не могла выдать из себя ни слова.

Он приподнял мой подбородок.

— Я не прошу тебя мне довериться, — если бы он так сказал, я бы сбежала. — Это придёт со временем. Но я прошу мою вегасскую жену рискнуть.

Я выдохнула.

— Ладно, итак. Пожалуйста, можно мне... можно мне получить чек на три миллиона, безо всяких вопросов?

Он уронил руку.

— Сядь, — Дмитрий указал на стул рядом с его столом.

Замечательно, Вайс, просто охуенно. Почему я такая тупая? Только что всё испортила! Я нерешительно села, приготовившись услышать всё, что он собирается мне сказать.

Он тоже сел.

— Я разочарован, Вика. Очень разочарован в себе.

— Я... что?

Он сцепил пальцы.

— Я не объяснил достаточно чётко, что всё состояние принадлежит нам обоим. Тебе не нужно просить то, что и так твоё. Я надеюсь, что крупные траты мы будем обсуждать, но и это необязательно.

Я могла лишь изумлённо на него смотреть.

— Можешь не отвечать, но эти деньги для твоих родителей?

Я медлила с ответом, и он добавил:

— Я не буду выяснять никаких подробностей. — Не лжет. — А спрашиваю лишь потому, что деньги мы можем перевести им немедленно.

— *Это долг.* — Возможно, он решит, что к нам претензии у налоговой, или семья стоит на пороге банкротства.

— Если их банковские реквизиты у тебя с собой, то перевод мы можем сделать прямо сейчас, чтобы они больше не волновались.

Словно в тумане, я нашла в мобильнике реквизиты и передала ему.

— На имя Джозефа и Джилл... — Джентльмен Джо и Бриллиантовая Джилл — .. Валентайн.

С безумной скоростью введя цифры, Дмитрий сказал:

— Готово. Всё в порядке. — Он вернул телефон.

Моё дыхание участилось.

— Это... получилось? Это действительно... получилось?

— Конечно, любимая.

И, несмотря на головокружение от его щедрости, я почувствовала, как напряжение последних нескольких месяцев испаряется. Семья будет спасена.

Открыв ящик стола, он вынул оттуда кожаную папку, похожую на ту, в которой был наш брачный контракт. Встав, он передал папку мне.

— Только что получил.

Внутри были кредитки и чеки на моё имя. Виктория Севастьянова.

Даже при всём желании другое имя я использовать бы не смогла. Я озадаченно на него посмотрела.

— Вика, если ты решишь расторгнуть наш брак, эти деньги будут твоими несмотря ни

на что. Твой выбор — остаться со мной или нет — должен основываться не на этом. — Он пригвоздил меня взглядом. — Он должен основываться на том, что нам хорошо вместе. И что я делаю тебя счастливой.

Непростой мужчина! Такой уязвимый пять минут назад, когда едва мог выговорить слово «развод», и такой уверенный теперь.

Я встала и, протянув руку, положила ладонь на его щёку.

— Ты правда только что отправил моей семье три миллиона долларов?

— Нет. Я отправил пять, чтобы в следующий раз они без сомнений обращались к нам, если вдруг им понадобятся деньги. Родителей у меня нет. Твои станут и моими. Мы будем нескромно их баловать, правда?

Я вдруг разревелась. По-настоящему.

— Почему ты плачешь? — он явно занервничал.

— Потому что я испытываю такое облегчение. И ты такой замечательный. — *Если лопнула труба — значит, я остаюсь с ним.*

А значит, он *никогда* не должен узнать о моём прошлом. Ледяная Вайс официально похоронена. Я выброшу карточные колоды, костюмы, фальшивые документы и парики навсегда. Скрою прошлое и постараюсь, чтобы семья как можно меньше пересекалась с Дмитрием — как можно дольше.

Бросившись к нему, я крепко его обняла, промочив слезами рубашку.

— Если у меня есть свои деньги, значит, я могу купить всё, что захочу?

— Только скажи, что тебе нужно, *angel*, и всё будет твоим, — хрипло произнёс он.

Я отклонилась, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Мне нужно купить для мужа обручальное кольцо.

Он сглотнул и смог лишь кивнуть.

— Как бы я хотела, чтобы ты праздновала сейчас с нами! — Кэрин пыталась перекрыть музыку.

Картель принял оплату и освободил нас! Вэм-бэм, спасибо, мэм.

Они исчезли из нашей жизни навсегда.

Уже несколько часов подряд все члены моей семьи сыпались пьяными смс-ками.

— Знаю. Скучаю по вам, ребята, — прошептала я. Как только Дмитрий уснул, я проскользнула в ванную, чтобы поболтать с теми, кто ещё был трезв.

Мама с папой впервые за много месяцев снова были похожи на прежних себя.

И даже сквозь музыку мне было слышно, как хлопают пробки шампанского.

— До сих пор не могу поверить, что ты осталась и с мужем, и с кольцом, и с деньгами — не говоря уж об остальных ништяках. Отлично сработано, сеструня. Мы все аплодируем твоему чутью.

Я рассказала ей о своих тревогах, а также об обещании Дмитрия нещадно баловать нашу семью. И умоляла всех ни в коем случае не дать моему мужу узнать, кто мы такие на самом деле.

Что означало моментальный выход на пенсию для всех Валентайнов.

— Все ли готовы отойти от дел? Я имею в виду, что Дмитрий позволил мне тратить деньги на любые цели, так что я завела для каждого банковский счёт.

— Твой муж перевёл нам на два миллиона больше. Чтобы потратить их, даже нам понадобится некоторое время. — Она расхохоталась. — Бабушка сидит с кислым лицом и угрожает увести у тебя «богатенького Дмитрия», а Эл всем рассказывает, какая щедрая нация русские в целом. Я эффектно поклялась выплатить Уолкеру все присланные им деньги с процентами. И присовокупить записочку: *«Спасибо, но у меня всё есть»*.

— Это классная идея.

— На самом деле деньги ему нужны больше, чем мне. Говорят, он вот-вот обанкротится. Какая ирония, правда?

— Никогда бы не подумала.

— Ну, хватит про него. Ты вообще веришь, что этот день наступил?

Обернувшись через плечо, я посмотрела на Дмитрия. Если когда и можно дотянуться до звёзд...

— Только..., Вайс? — произнесла Кэрин, вернув меня в реальность. — Ты же знаешь, что мы отмечаем любой наш выигрыш, и ужасно рады, что больше нам ничего не угрожает. Но общее мнение...

— Говори. — Хотя я знала, что она скажет.

— Будь начеку. Дмитрий Севастьянов слишком хорош, чтобы быть правдой.

Проснувшись после дневного сна, я обнаружила, что Дмитрий сидит, прислонившись к спинке кровати, и смотрит на туман над водой. На нём были только рваные джинсы, торс оставался голым.

Я ещё никогда не видела, чтобы после пробуждения он был так неподвижен. И эта незащищённость во взгляде. О чём-то он думает? Вспоминает прошлое? Или мечтает о будущем?

Со мной.

Последние пару недель всё поместье было окутано плотным туманом, который усиливал невидимые всплески волн и пугающие крики чаек. В доме мы топили камины.

Это волшебное место теперь производило немного мрачное впечатление, но мне нравилась эта готическая атмосфера. Я словно оказалась где-то на краю земли наедине с моим таинственным мужем. Только сейчас я совсем не чувствовала себя бездомной бродяжкой. Каждый вечер я мчалась к тому шкафу с игрушками и восторженно выбирала новые штуки, которые потом мой мужчина демонстрировал в действии.

Эти недели были прекрасны. Недоставало лишь трёх вещей, чтобы сделать их идеальными:

Я очень скучала по своей семье.

Я очень скучала по работе — необязательно связанной с розыгрышами, просто хотелось делать *хоть что-то* полезное. Например, воплощать дизайнерские идеи.

И дожидалась, когда же, наконец, упадёт второй башмак моего слишком-прекрасного-чтобы-быть-на-самом-деле мужа.

Я изучала его притягивающее взгляд лицо. С каждым днём моё беспокойство лишь возрастало, внутренняя интуиция афериста уже просто была тревогу. На прошлой неделе мы гуляли в лесу, и мой свитер зацепился за ветку шиповника. Дмитрий сразу же храбро меня спас — я обнаружила, что ему нравилось быть моим героем — и мы пошли дальше. Но спустя некоторое время шиповник вцепился в мой свитер вновь.

С интуицией происходило то же самое: она, словно колючка, впивалась в меня снова и снова, несмотря на то, сколько раз меня спасали нежность, забота и щедрость Дмитрия. И эта тревога не давала мне полностью влиться в новую жизнь.

Не давала влюбиться в него без оглядки.

Мой взгляд упал на его пустой безымянный палец на левой руке. Пообещав купить ему обручальное кольцо — под влиянием момента и его великодушия — теперь я беспокоилась, что приняла слишком поспешное решение.

Кольца — это символы; разве я могу связать себя вечной клятвой, если между нами ложь и сомнения?

Дмитрий пошевелился в кровати, прервав мои размышления. По-прежнему не отрывая взгляда от окна, он рассеянно провёл пальцами по еле заметному шраму. Если муж когда-то пытался покончить с собой, сколько я могу сдерживаться, не задавая об этом вопросов?

Словно почувствовав мои внутренние метания, он повернулся ко мне:

— Ты проснулась.

Я тоже села, прижавшись к спинке кровати.

— Сколько я спала? — На мне была одна из его футболок, но только потому, что

сегодня в доме была горничная.

— Недолго. Только что принесли чай. — На краю огромной кровати разместился поднос с серебряным чайничком и сладостями. Он налил мне чашку чая, добавив в него мёд, как я любила.

Я сделала глоток. Бесподобно.

Сев рядом со мной, он взял меня за руку, словно только и ждал моего пробуждения, чтобы переплести наши пальцы.

Жизнь была так прекрасна, когда я умудрялась забытья и жить настоящим моментом. Мы катались верхом, исследуя побережье. Он дважды возил меня в другие города с ночёвкой (по магазинам на Рodeo-драйв и осмотреть достопримечательности Сан-Франциско), постепенно приучая меня к путешествиям.

Если мы играли в шахматы, он всегда выигрывал, отчего мне до смерти хотелось сразиться с ним в покер. Но я поклялась навсегда распрощаться со всем, что было хоть как-то связано с моим прошлым, даже с простой колодой карт, моей любимой коробочкой два с половиной на три с половиной дюйма.

Спустя двадцать лет моя шулерская карьера окончена. *Чёрт.*

Чувствуя на себе его взгляд, я сделала очередной глоток. Дмитрий изучал меня, словно пытаюсь взломать какой-то код.

Пару раз я чуть не прокололась.

Когда вокруг него уж слишком назойливо стала вертеться официантка, он заметил, что я ревную.

— Не забывай, что я официально принадлежу тебе, — поддразнил он меня, когда официантка удалилась.

Я гневно сверлила взглядом спину девушки:

— В таком случае, это меня примиряет... — я едва успела прикусить язык, чтобы не ляпнуть «с законом».

И, чёрт возьми, мухлёр с парковочным автоматом был просто моей второй натурой!

Да все мои будут рано или поздно прокалываться. Родители ведь обожают рассказывать истории о детстве своих детей? А мамочке нельзя будет признаться в том, что уже с четырёх лет я разыгрывала трёхкарточный фокус. *«Вы сможете уследить за дамой, сэл?»*

Делая очередной глоток, я вздохнула над чашкой.

— Как в твоей семье обычно празднуют День Благодарения? — спросил Дмитрий.

Я быстро сглотнула.

— Что, прости?

— Можем пригласить их сюда.

Я по-прежнему не представляла, получится ли свести Дмитрия с моей семьёй. Дилемма? *«Как сильно я соскучилась по родителям»* против *«Как сильно я боюсь потерять Дмитрия»*.

— Посмотрим.

Может, со временем я стану в нём более уверена. Общение — это ключевой принцип отношений; как только мы получше узнаем друг друга, он сможет по-настоящему меня полюбить, заменив свою стремительную одержимость чем-то более прочным. А если он меня полюбит, его чувства не изменятся, когда он узнает, что я натворила.

Только вот узнать его было непросто, потому что он ничего не говорил.

— Вика, так больше не может продолжаться. Мы и так пропустили много семейных

воскресений.

Я отставила чашку.

— Я поговорю с ними, когда ты расскажешь, почему поссорился с Максимом.

Он вздохнул.

— Со временем я всё тебе расскажу, — его дежурный ответ. — Думаю, придётся тебе и дальше посылать своей семье подарки, пока мы не встретимся по-настоящему.

На прошлой неделе по его предложению, пока он занимался своей работой, я основательно потратилась в интернете, купив Бенджи пилотируемую летающую фотокамеру, Сра-отдых для мамы, бабушки и Кэрин, членство в гольф клубе для папы, Эла и Пита, а также игрушки для Кэша и моих младших братиков и сестричек.

По истечении часа Дмитрий просмотрел список покупок.

— Я хочу, чтобы ты с большей лёгкостью тратила деньги.

— Не думаю, что это возможно. — Он больше не был клиентом, которого я намеревалась ободрать. Занял ли он место в моём сердце, отведённое членам семьи? Нет. Но вполне *мог* это сделать.

С компьютера он распечатал таблицу, жирно выделив конечную сумму.

— Одними лишь патентами мы ежегодно зарабатываем такую сумму.

Я поморщилась. Не может быть, чтобы в этом числе действительно было столько знаков. Я перепроверила, но число *не изменилось*.

— Мне... надо... присесть.

Он усадил меня на диван.

— Хочу, чтобы мы провели жизнь, пытаюсь потратить наше состояние — даже если это кажется невозможным. Может, завтра попробуешь ещё раз? Постарайся меня впечатлить.

На следующий день перед компьютером я хрустнула пальцами. Потом купила машины, одежду, драгоценности и тридцать билетов в круиз. Основала для Кэша фонд на обучение в колледже и купила родителям подлинную коллекцию предметов искусства. И снова показала результат Дмитрию (за вычетом горного велосипеда и других подарков, тайно заказанных для него).

— За ночь мы получили дополнительный доход, — прокомментировал он. — То, что ты потратила — всего лишь капля в море. Возможно, завтра ты будешь более агрессивна...

И вот сейчас он склонил голову, снова пытаюсь расшифровать выражение моего лица.

— Если тебя что-то тревожит, то, давя на тебя, я никак не помогаю. Я прошу прощения. — Он поцеловал мою ладонь. — Наверняка у тебя есть причина не встречаться с ними сейчас. Буду ждать, когда ты сможешь ею поделиться.

Мда. Слишком хорош, чтобы быть на самом деле.

В голове по-прежнему звучало предупреждение Кэрин, подкреплённое моим собственным опытом, но остановить растущее чувство к Дмитрию я не могла. Мама говорила, что люди жадные. Сами знают, чем это грозит, но *игнорируют* очевидные знаки.

И я была жадна до Дмитрия.

Хотя так мало его знала. *Сделай попытку, Вайс.*

— Когда я проснулась, ты задумчиво смотрел на волны. — *И касался шрама.* — О чём ты думал?

— О многом.

— Например?

— У тебя должны были наступить месячные, — сказал он, застав меня врасплох.

— Ты заметил? — я вытаращила глаза. — Эй, погоди-ка, ты решил...? Дмитрий, я не стала делать перерыв в таблетках, так что в этот раз месячные не начнутся.

Широкая грудь приподнялась и опустилась в глубоком вздохе.

— Ты рад? — Я нахмурилась. — Но ты ведь хочешь детей.

— Не сейчас. Нам ещё столько предстоит сделать, и беременность, мне кажется, сильно тебя расстроит.

Он же сказал, что я буду замечательной матерью.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что ты даже не знаешь, каким я стану отцом. Не можешь знать, ведь я тебе почти ничего не рассказал ни о себе, ни о своей семье. — Наконец-то возможность!

— Мы можем это исправить.

Он расправил плечи, будто готовясь принять удар.

— Что бы ты хотела узнать?

Повинуясь импульсу, я провела кончиками пальцев по шраму на запястье.

Он напрягся, отдернув руку.

— Ты очень наблюдательная, правда? — *Детали — это моя работа.* Была ею. — Даже я едва его замечаю. Несколько месяцев назад я свёл шрам лазером, предполагая, что когда-нибудь женюсь.

— Дмитрий, вид шрама меня несколько не беспокоит. Но... ты пытался покончить с собой?

Короткий кивок.

— Несколько лет назад. Максим остановил меня, пока я не добрался до второй руки.

Когда я подумала, насколько он был близок... *Спасибо, Максим!*

Дмитрий отвёл взгляд.

— Я старался не говорить ничего особенного во время, как я думал, нашего последнего разговора, но брат, должно быть, что-то почувствовал в моём голосе. До сих пор не знаю, что заставило его приехать ко мне.

— Зачем ты это сделал? — Насколько это физически и морально мучительно — вонзить нож в собственную плоть!

Он явно взвешивал, много ли мне рассказать.

— Я не представлял себе лучшую жизнь, потому что... не знал, что появишься ты.

Эти взгляды утопающего! Он вообще понимает, какой груз взваливает на мои плечи?

Он хмуро на меня посмотрел.

— Это одна из тех вещей, которые я не должен произносить вслух, да?

Слишком большая ответственность за счастье другого человека. А если наш брак не продлится долго?

Я же всего лишь аферистка!

Мы смотрели друг другу в глаза, пока я не успокоилась достаточно, чтобы сказать:

— Ты можешь объяснить, что подтолкнуло тебя к такому решению?

Он потёр ладонью загривок.

— Максим сказал, что я должен полностью рассказать о своём прошлом, чтобы мы могли двигаться дальше. Ты тоже так считаешь? — Дмитрий действительно спрашивал моего совета.

— Думаю, это будет полезно. — Я вспомнила, как мучился Бэнжи, его боль. — У моего сводного брата было сложное детство. Если бы он держал всё в себе, то, уверена, это бы его

просто уничтожило.

Дмитрий встал и принялся ходить из стороны в сторону.

— А сейчас ему лучше?

— Это заняло несколько лет. Но, да. — Я не чувствовала, что Дмитрию действительно нужно выговориться, скорее он просто прощупывал почву, чтобы укрепить наш брак. — Не надо что-то рассказывать чисто для галочки.

— Возможно, если я поделюсь своим прошлым, ты мне расскажешь что-то о себе. Я бы хотел этого. Я хочу, чтобы мы... — Он чуть замедлил свои шаги, чтобы взглянуть на меня. — Мы становимся ближе друг к другу?

— Ты имеешь в виду, устанавливается ли между нами связь?

— Именно.

— Я думаю, да. А ты?

Он кивнул.

— Каждая проведенная с тобой минута заставляет меня желать ещё тысячу. Я просыпаюсь, вижу твою голову на моей груди и чувствую, что попал в сказку.

Бешено заколотилось сердце.

— Когда ты так говоришь, у меня пальцы на ногах подворачиваются. Но потом я спрашиваю себя, как ты можешь испытывать такие сильные чувства, если мы по-прежнему мало знаем друг друга.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но затем, видимо, передумал.

— Когда я решил, что ты могла забеременеть, часть меня обрадовалась этому, потому что ребенок бы нас объединил.

С Уолкером и Кэрин это не сработало.

— Дмитрий, есть много других способов стать ближе.

Вновь отведя взгляд, он произнёс:

— Я буду... я готов рассказать о своём прошлом. — Он сел на кровать, вновь прижавшись спиной к спинке кровати. — Как ты думаешь, что со мной случилось?

Вопрос меня не смутил.

— После смерти отца тебя отправили к человеку, который тебя растлевал.

Он резко выдохнул.

— Ты очень проницательна. На самом деле это его отправили к нам.

— Я... это было очень давно, — казалось, Дмитрий начал терять выдержку.

— Сколько тебе было лет, когда всё началось?

Он прочистил горло.

— Семь. С семи до девяти.

Ещё такой невинный малыш. Желание защитить Дмитрия взорвалось внутри, как inferно.

— Этот человек был вашим опекуном? — Тот, кому надо было доверять.

— Да. Его фамилия была... Орлов. — Кулаки Дмитрия сжались. — Он... домогался меня и многих детей до этого. И мальчиков и девочек. Он мучил Максима, избив и заперев на несколько месяцев в тёмном подвале.

Я наклонилась к нему.

— Мне очень жаль, Дмитрий.

— Не знаю, хочу ли я сейчас всё тебе рассказать. Не выношу жалость.

— Не нужно ничего говорить, если ты ещё не готов, но знай, что я вовсе не жалею того мужчину, которым ты стал сейчас.

Успокоившись, он продолжал:

— Орлов не был нашим первым мучителем. Мой отец был жестоким алкоголиком. Самые ранние воспоминания — как он бьёт меня, братьев и нашу мать. Особенно по ночам. А зимой ночи бесконечны.

Боже мой. Неудивительно, что он и его братья почти не пьют.

— Когда мне было почти шесть, я проснулся однажды от страшных криков. Отец пришёл в ярость от какого-то незначительного проступка Максима и Алекса, и собирался жестоко их наказать. Я никогда не слышал, чтобы он был так разъярён. Мать бросилась на него, отчаянно пытаясь защитить сыновей. Он толкнул её вниз по лестнице. — Голос у него стал совсем глухим. — Никогда не забуду внезапно наступившую тишину. Я почувствовал, что её больше нет, но не мог к ней пойти, опасаясь отца. Он оставил маму там, чтобы я нашёл её следующим утром.

Я бы всё на свете отдала, чтобы изменить его прошлое! Представляя Дмитрия, напуганного до смерти мальчика, мне хотелось его обнять, но выглядел он так, словно готов был сбежать в любую секунду.

— Лишь недавно я сказал братьям, что она умерла, защищая нас, — хрипло сказал он.

«Бесконечное терпение, безусловная любовь и защита ценой собственной жизни», говорил Дмитрий. Его мать отдала свою жизнь, защищая сыновей.

— Наверное, тебе ужасно её не хватает.

Его лицо стало злым:

— Пойми, она ничего не могла сделать. Приютов там не было. Если бы она сбежала с нами, наш могущественный отец всё равно бы её отыскал. И даже если бы ей удалось ускользнуть от него среди зимы с тремя детьми, ей всё равно было бы некуда пойти.

Он думал, я буду осуждать маму, которую он так любил.

— Дмитрий, тогда было другое время и место, которые я и представить себе не могу. Я бы никогда не осудила её за то, что случилось, — но осудила бы её мучителя.

Удовлетворившись моим горячим ответом, Дмитрий продолжал:

— Когда Алексу было всего восемь, отец попытался проделать с ним то же самое. Но Алекс смог за себя постоять, в результате убив отца. Опасаясь попасть за решётку, он сбежал, бросив нас с Максимом. И вскоре приехал Орлов.

Столько жестокости и ужаса.

— Вот почему ты так долго не общался с Алексом. — Ведь его не было рядом, когда *Дмитрий так в нём нуждался*. В семилетнем возрасте ему нужен был защитник.

Он кивнул.

— Алекс был мне как отец. А потом он... исчез. Своим детским умом я воспринял это как предательство. Он бросил нас и забыл своё несчастливое прошлое, а потом его усыновил очень богатый и благородный человек, биологический отец Натали — Ковалёв.

Значит вот как познакомились Алекс и Натали?

— Его наградили новым отцом, а нас с Максимом наказали пребыванием с монстром. Во всём, что с нами случилось, я винил Алекса. Максим чувствовал то же самое, хоть и в меньшей степени. Логически рассуждая, я понимал, что Алекс не виноват, но моей ярости это не уменьшало.

— Он думал, что с вами всё будет в порядке?

— Да. И гораздо лучше, чем было при нашем отце. Он и предположить не мог, что с нами случится. Узнал обо всём лишь два года назад.

Представляю, какую он почувствовал вину.

— Ты расскажешь, что случилось после приезда Орлова?

Дмитрий колебался.

— Вначале... он был ко мне добр, не делал ничего особенного. А когда он начал меня трогать, это было настолько не похоже на прежнее жестокое отношение, что я принял его поведение за искреннюю привязанность. Он говорил, что всех мальчиков в моём возрасте целуют и гладят их опекуны.

Под одеялом у меня сжались кулаки.

— Максим чувствовал, что что-то не так. Он спросил, не обижает ли меня Орлов, и я честно ответил, что нет, потому что тот никогда не делал мне больно. Он бы скорее умер, чем причинил боль своему «сладкому мальчику». — Дмитрий содрогнулся от омерзения.

Я сглотнула ком в горле и представила, как Орлов горит на костре из покрышек.

— А потом он принялся увольнять прислугу, ещё сильнее изолируя нас. В то же время он вынуждал меня делать то, на что я никак не мог согласиться. Тогда он пригрозил убить Максима. Я, наконец, понял, что представляет собой Орлов. Он внушил мне такую злость и отвращение к себе, что мой разум и мысли начали от него отстраняться. Иногда я отключался надолго.

— Как это обнаружил Максим?

— В канун Рождества брат пробрался в мою комнату, чтобы положить подарки, но меня там не было. Он нашёл меня в постели Орлова.

О, боже.

— Тогда Орлов его избил? Потому что брат попытался тебя защитить?

Дмитрий кивнул.

— Орлов исполосовал его спину и на несколько месяцев запер в подвале.

Я даже и не подозревала об ужасном прошлом Максима. Сейчас он выглядел уверенным человеком, который находится в мире с собой и с Люсией.

— Как же вы сбежали? Орлова взяли под стражу?

— Нет, он... умер. За нас стала отвечать пожилая женщина, но заботился обо мне Максим, и мне стало лучше. Так, по крайней мере, казалось до подросткового возраста. — Он потёр ладонью лицо. — Чувствуя сексуальное удовольствие, я начинал отключаться. Я сопротивлялся всеми силами, но не мог ничего поделать. После секса я ничего не помнил. Это делало бессмысленным сам акт, и с каждым разом уплывать становилось всё легче.

Теперь я лучше понимала то, что случилось в нашу первую брачную ночь. Он боялся, что потеряет контроль.

— Ты обращался за помощью?

Он оскалился.

— Я перепробовал *всё*. Любую существующую терапию. Годами я изучал суть своей проблемы и как мне с этим жить, но диссоциации продолжались. Каждый день я чувствовал себя обворованным; каждый день я вспоминал, что ущербен. С прошлым я бы мог разобраться, но настоящее всякий раз добавляло свежую боль.

Я даже представить не могла, что это значит — десятилетиями жить с открытой раной.

— Рассуждая логически, я пришёл к выводу, что однажды я уже не вернусь. Мне было двадцать пять, когда я решил, что не смогу быть ни с кем в отношениях. А значит, Орлов на мне оставил свой знак, именно он смеялся последним. Это меня просто взбесило. Много лет я не чувствовал ничего, кроме гнева. В каком-то роде я был невольным ему верен, и придумал, как сбросить проклятие этого монстра навсегда, — он потёр шрам.

Самоубийство. Кульминация ужаса, жестокости и боли.

— После того, как Максим вмешался, он заставил меня лечь в клинику. Врач предложил таблетки, которые помогали бы мне оставаться в реальности, однако у них был один побочный эффект. Они убивали либидо. У меня был выбор. Вменяемость и воздержание или безумие и секс. Таблетки и отсутствие секса позволили мне сконцентрироваться на работе. Таким образом я прожил несколько лет.

— Когда последний раз ты был с кем-то до меня?

— Довольно давно.

Я видела, как он не хотел распространяться на эту тему.

— Насколько давно?

— Прошло несколько лет.

— Сколько именно?

Он расправил плечи.

— Я полностью воздерживался восемь лет.

Я ничем не выдавала изумления. Это многое объясняло в его поведении, начиная от нашего первого вечера... удивление на его лице, когда он изучал моё тело в туалете пентхауса.

Не говоря уж о том, с каким странным энтузиазмом его родные восприняли его интерес ко мне.

— Большую часть времени я работал, — сказал он, как бы оправдываясь. — И я страдал не в одиночку; Максим воевал с собственными призраками. Его спина была покрыта шрамами, и после того, что он вытерпел в том подвале, он не выносил чужих прикосновений.

Неудивительно, что самые длительные отношения у Максима длились всего час.

— Брат был покрыт шрамами снаружи так же, как я — изнутри. Я решил, что мы оба останемся такими навсегда, не желая иметь ничего общего с Алексом, вдвоём несущие эту

ношу.

— А потом он встретил Люсию, — пробормотала я. Дмитрий говорил, что ему была ненавистна сама мысль о ней. — И ты вновь почувствовал себя преданным.

Он со свистом втянул воздух.

— Да.

Я накрыла его руку своей.

— Это нормально. Я чувствовала бы то же самое. И любой на твоём месте.

— Я был так в нём разочарован. — Под моей ладонью рука Дмитрия сжалась в кулак. —

Мы с ним ставили разум и логику превыше всего, но он поклялся, что чувствует с ней связь, которую невозможно было объяснить ничем рациональным. Мой безжалостный циничный брат начал нести какую-то чушь о *грёбанных родственниках душах*.

Всё как рассказывали Натали, Люсия и Джесс.

— Я смеялся над Максимом, решив, что он стал таким же безумным, как я. Но когда он ради Люсии рискнул своей жизнью, я понял, что он и правда в это верил. А я — по-прежнему нет.

Чёрствая часть меня тоже относилась к этому скептически, но пример моих родителей...

— Максим мог почему-то выносить только её прикосновения. Он мог проспать всю ночь напролёт, обнимая эту девушку. Он смеялся. Даже помирился с Алексом. — Голос Дмитрия погрубел. — С момента его свадьбы я ещё никогда не чувствовал себя так одиноко.

Я вспомнила, как Дмитрий стоял в одиночестве на террасе, устремив взгляд на луну. Люсия сказала, что он по натуре волк-одиночка. И как это бывает с чудищами в сказках, Дмитрий вовсе *не хотел* таким быть.

Обхватив его кулак обеими руками, я запечатлела на нём поцелуй.

— Больше нет.

Его брови сошлись на переносице.

— Больше нет.

— Продолжай, пожалуйста. Я хочу узнать тебя лучше.

Приняв решение поделиться прошлым, Дмитрий продолжил:

— Мне не было ещё и тридцати, когда я заработал огромное состояние, которое не приносило удовлетворения. Деньги были подобны какому-то гротескному существу, увеличиваясь гораздо быстрее, чем я успевал их тратить. Богатство словно *издевалось* надо мной, потому что чем богаче я становился, тем сильнее тосковал о том, чего нельзя было купить за деньги: ясный рассудок, дружеское общение, собственная семья.

Это объясняло его стойкое желание тратить деньги.

— В конце концов, я понял, что являюсь единственным препятствием на пути Максима к счастливой жизни, его крестом. Год назад я оформил документы на постоянное проживание в Калифорнии, но по дороге сюда решил, что пора с этим завязывать. Бессмысленно проживать жизнь без удовольствия. Этим я был сыт по горло.

Год назад он снова планировал покончить с собой?

— И что случилось?

— По погодным условиям самолёт вынужденно сел в Лос-Анджелесе. Пришлось задержаться до следующего утра. Я подумал, почему бы не провести здесь выходные, напоследок упившись до беспамятства?

— Ты снова пытался себя убить?

Он покачал головой.

— Той ночью у меня случилось прозрение, будто луч света озарил все самые тёмные закоулки моей души. Я не мог перестать думать: *а что, если я тоже смогу получить всё то, что есть у Максима?* Наверное, прозвучит странно, но мне тоже *хотелось*, чтобы было ради кого пойти под пули.

Сумасшедший прекрасный мужчина.

— Максим полностью изменил свою жизнь, получив стимул: Люсию. Точно так же на Алекса повлияла Натали. Что если моя женщина существует и, ну, только и ждёт, чтобы я её нашёл. Я пообещал себе, что исправлю свою жизнь и стану достойным мужчиной для такой, как ты.

О, Дмитрий.

— Я перестал принимать лекарства. Они были небезопасны и запрещены в большинстве стран. Одно лишь это значительно улучшило моё состояние. Начал заниматься спортом и лучше питаться. Изучать секс, чтобы компенсировать мой ограниченный опыт.

А пирсинг сделал его «другим» — в отличие от того мальчика, которого растлевал Орлов.

— Ты удалил шрам.

Он кивнул.

— Не хотел, чтобы моя женщина стыдилась меня на публике. Я привёл бизнес в порядок, эффективнее выстроив процессы, чтобы освободить больше времени для удовольствия, которое, как я надеялся, ожидает меня впереди. Купил этот дом, приготовив всё для жены и жизни, которой пока не имел.

Он приготовил себя для меня. Ну, не персонально для меня, а для будущей жены.

— И послал Алексу оливковую ветвь.

— Да. Я начал понимать важность семьи. Выступать единым фронтом — очень мощная штука, не так ли? Потом, несколько месяцев назад, я проглотил гордость и попросил его помощи в *чрезвычайно важном* для меня вопросе, связанном с бизнесом. Он с радостью использовал своё влияние и связи, чтобы мне помочь. В процессе совместной работы я узнал подробности о его жизни на улице перед тем, как его нашёл Ковалёв. У Алекса были свои сложности. Мы пришли к пониманию, и с тех пор он мне помогает.

— Чтобы найти меня, понадобился год?

— Мы с тобой познакомились год спустя. Всё, о чём рассказывал Максим — и что я считал идиотской чушью — оказалось правдой. Однажды я спросил его, как мне узнать свою женщину. В теории. Он ответил: «ты почувствуешь, что тебя будто молния ударила». Это было ещё мягко сказано. Как только я увидел тебя — я понял всё.

Первое, что сказал мне Дмитрий: «*Ты...*» Этот мужчина действительно верил, что я предназначена ему судьбой.

— Вика, раньше я тебе не подходил. Ты бы едва меня узнала. — Он полностью развернулся ко мне. Мне показалось, что сейчас он и физически и эмоционально готов открыть свои секреты. — Даже после всех перемен мне бы хотелось больше времени на подготовку к встрече с тобой; я по-прежнему боюсь уплыть. Я ни разу не получал сексуального удовлетворения с кем-либо без диссоциации. Чем сильнее удовольствие, тем глубже отстраненность. Но вот появилась ты.

— Когда мы были в ванной...

— Мне хотелось верить, что на тебя я буду реагировать по-другому, но всё же я решил

не искушать судьбу и не кончать. Но ты меня слишком возбуждала. Мне нужна была разрядка. Я обезумел, но совершенно по-другому... — он смотрел мне в глаза, — ...и помню *каждую секунду, проведённую с тобой*.

Я резко втянула воздух.

— Неужели раньше у тебя такого не было?

Он покачал головой.

— То же самое случилось, когда я кончил в твоей квартире: чистое наслаждение. Но в нашу брачную ночь, когда ты опустилась на колени и принялась ласкать меня языком, я понял, что существуют новые высоты.

— Поэтому ты остановился.

— Да. Я пожаловался Максиму, потому что он обещал, что когда я встречу свою женщину, всё пойдёт по-другому. Я сказал, что не могу пойти на такой риск: диссоциировать навсегда и больше никогда тебя не знать. — Дмитрий не смотрел на меня, — мне просто нравится... быть с тобой.

Мне тоже нравится быть с тобой.

Он вновь перевёл на меня взгляд.

— Но Максим сказал: «Твоя жена заслуживает полноценную жизнь со всем, что к ней прилагается». И я решил, что у тебя будет настоящая брачная ночь, даже если это меня убьёт. Впервые удовольствие другого человека было более важным, чем моё собственное. Ничто не могло мне помешать обладать тобой. Так что после стольких лет сопротивления диссоциации, я остановился.

— Ты решился на это ради меня, рискуя навсегда себя потерять? — Решился ради женщины, которую к тому моменту знал лишь несколько дней? — Либо он был самым сумасшедшим мужчиной на свете, либо самым отважным.

Короткий кивок.

— И когда я вот так распахнул свой разум, приготовившись пропасть навсегда, ты проникла в каждую клеточку моего тела. Захватила мысли. Ничто не могло выдернуть меня из реальности, потому что я занимался любовью с моей женой. Каждый твой вскрик, запах волос или невообразимая мягкость кожи — всё это приковало меня к тебе.

— Ты говоришь так, словно я стала ключом к твоему выздоровлению, — обеспокоенно произнесла я.

— Я много трудился. Научился справляться. Но у меня просто не было стимула, чтобы принять по-настоящему пугающее решение.

Там, у обрыва, он сказал «пусть кровоточит».

Я вновь посмотрела на его руку.

Дмитрий был мрачен.

— Ты веришь, что я стал теперь совсем другим?

— Никогда больше так не делай, Дмитрий. Никогда-никогда. Пообещай мне.

— Очень хорошо, я могу это пообещать, — согласился он, добавив, — пока ты жива.

— Дмитрий! — я отпустила его руку и сжала свои виски.

— Это я тоже не должен был говорить вслух?

Что же я буду делать, если он узнает, сколько лжи я ему наговорила? Разве я не поступила как Орлов, хитростью сблизившись с Дмитрием, обманывая его, используя и предавая? Внутреннее чутьё требовало как-то выпутаться из этой ситуации. Но капкан уже захлопывался.

Дмитрий сказал, что успел познать столько сомнений и неуверенности, что этого хватило бы на целую жизнь. И хотя мне меньше всего хотелось бы добавлять ему новых, это казалось неизбежным. Что бы я не предприняла, это так или иначе причинит ему вред.

Он вновь прочистил горло.

— Теперь, зная мои секреты, ты будешь по-другому ко мне относиться? — Мой муж затаил дыхание.

Он только что весь передо мной открылся. Несмотря на такое травмирующее начало (отцовская злоба, убийство любимой мамы, страдания братьев, ужасающее поведение опекуна) Дмитрий Севастьянов умудрился вырасти благородным, сильным, мужественным и замечательным.

— Зная о твоём прошлом, я ещё больше хочу заботиться о тебе, Дмитрий. — *Он усмехнулся.* — Зная, на какой ты пошёл риск с момента нашего знакомства, я понимаю, какой ты смелый.

Он усадил меня к себе на колени — так, будто пообещал себе, что сделает это, когда выполнит свою задачу.

— И какой ненормальный?

Разве? Ну, иногда. И я не собиралась подслащивать пилюлю.

— Ну, немного ненормальный, здоровяк. — Своей ладонью я накрыла его сердце. — Но я по-прежнему предпочту честного безумца разумному лжецу.

Он обвинил меня своими сильными руками.

— Я рад, что ты не стесняешься называть меня ненормальным. В отличие от всех остальных. — Он прижал подбородок к моей макушке, обхватив меня крепче. — Только знай, что на этот риск я пошёл не потому, что безумен, а потому, что кроме тебя всё остальное неважно. Я одержим тобой. И то, что я чувствую, никогда не пройдёт.

У меня сердце перевернулось в груди, но моя тёмная сторона заставила произнести:

— Откуда ты знаешь, если никогда не чувствовал этого раньше?

Поцеловав меня в макушку, он вдохнул запах моих волос.

— Я уверен, что когда мужчина встречает предназначенную ему женщину, её запах для него ассоциируется со счастьем. В самых дальних уголках его разума появляется мысль: *«Эта женщина олицетворяет счастье. Она — мой дом»*. И всякий раз, когда он чувствует её запах, эта связь лишь усиливается. — Новый поцелуй. — Мой счастье — это ты, Виктория. Ты мой дом. *Именно потому*, что я никогда раньше ничего подобного не испытывал, сейчас я это понимаю.

Глаза защипало от слёз, и я порадовалась, что он не видит моё лицо.

«Пробыв столько времени во тьме, ни с чем не спутаешь свет», сказал он.

Может, он и правда отыскал родственную душу. Иногда происходят странные вещи, правда? Но это меня не успокоило. *После всего того, что он вытерпел, моё предательство его просто уничтожит...*

— Теперь вот сюда, — у меня были завязаны глаза, и Дмитрий вёл меня по дому к очередному сюрпризу.

Сквозь шарф на глазах я ничего не видела, но чувствовала, что мы находимся где-то в районе кабинета.

Сегодня исполнился месяц со дня нашей свадьбы. Иногда мне казалась, что мы были вместе всегда.

Иногда — что всего один день.

Утром мы отправились на его открытой Феррари вверх по Хайвей-1. Яркое солнце, пустая дорога и сексуальные улыбки Дмитрия. Мы делали покупки в прелестном маленьком прибрежном городке, где он пытался купить мне всё. Несмотря на неловкость, которую он ощущал, находясь в толпе, он попытался продлить нашу прогулку ради моего удовольствия. Или же специально тянул время, чтобы таинственный сюрприз доставили в срок.

Он прошептал мне на ухо:

— Почти пришли.

В качестве подарка для него я заказала билеты на кинофестиваль в Лос-Анджелесе и запонки с тигриным глазом, на удачу.

И мне казалось, что мой подарок будет сильно превзойдён.

Я раздумывала, не подарить ли ему, наконец, кольцо. Весь день он с гордостью представлял меня всем в качестве своей жены. После этого к его пустому пальцу обратилось уже немало взглядов. И он это заметил.

Когда он рассказал мне о своём прошлом, я заказала ему великолепное золотое кольцо с доставкой на дом. Среди всех пребывающих свёртков эту посылку Дмитрий не заметил. Теперь кольцо хранилось вместе с моими драгоценностями.

Я влюблялась в Дмитрия, но беспокойство удерживало меня от того, чтобы подарить ему кольцо, привязав навсегда.

Помимо всего прочего, мы с мужем по-прежнему находились в патовой ситуации относительно моей семьи — равно как и его собственной.

— Готова? — спросил он.

Я слышала, что он улыбался.

— Да! Хотя необязательно всё время мне что-то дарить.

— Я же сказал, что подарю тебе весь мир. — И что освободит меня.

За этот месяц Дмитрий сексуально меня освободил. Ему требовался контроль, а я поняла, что освобождаюсь, подчиняясь...

— И кому-то же надо тратить наши деньги, раз ты это делать отказываешься, — со вздохом добавил он.

Я споткнулась, но он меня подхватил.

— Неужели ты правда это сказал? — Во время диванного шопинга я, наконец, расслабилась, погрузилась в мечты и ощутила всю мощь богатства.

Я перевела огромный денежный взнос от имени бабушки в общество ветеранов. Мой дедушка — любовь всей её жизни, был пилотом, чей самолёт разбился, когда бабушка была беременна мамой.

Я установила стипендии для молодых дизайнеров, потому что всегда хотела чего-то

подобного для себя.

Я сделала щедрые переводы детским приютам, помня о Бенжи (и Дмитриии)...

— Пришли, — он начал развязывать шарф. — Но сначала я скажу то, что никогда не думал произнести: «Поздравляю с месяцем со дня свадьбы, *dorogaya zhena*», — он снял повязку.

Я недоверчиво моргала.

Передо мной была огромная дизайн-студия одежды с манекенами, стойками и тремя новыми швейными машинками. Одну стену занимали стеллажи для катушек, портновских метров и ножниц. Вдоль другой располагались рулоны дорогой ткани. Четвёртая стена была пустой. Там я смогу развесить эскизы!

— До этого момента... я не думала, что понимаю смысл слова «*восторг*», — пробормотала я. Подошла к раскройному столу, проведя пальцами по столешнице. Потом зависла у самой современной швейной машинки из виденных мною. Изучила ассортимент тканей, радуго оттенков и рисунков.

Мне хотелось исследовать абсолютно всё, но, как обычно, мой взгляд возвращался к Дмитрию. Я подбежала к нему.

— Ты самый лучший муж на свете! — о, я видела, что ему было приятно. — Никто никогда не дарил мне ничего более замечательного. — Я поднялась на цыпочки, чтобы его поцеловать. — Откуда ты знал, что купить?

— Я посоветовался с главным дизайнером в Шанель.

Я хихикнула, а потом поняла, что он серьёзен.

— Это не шутка?

— Нет, любимая. Не шутка.

— Как ты организовал всё так быстро?

— Курьерская экспресс-доставка. — Его стандартный ответ. — Покажу тебе своё любимое место здесь, — сказал он. — *Тач-скрин*. — Пустая стена вдруг засветилась, превратившись в десятиметровый компьютерный экран с иконками различных программ для дизайна!

По резкому взмаху его руки изображение сменилось, уступив место огромной канве.

— Вот, — он достал из кармана и вручил мне стилус. — Можешь зарисовывать и сохранять свои идеи. Отображаемая линия может быть разного размера и толщины. Здесь также можно установить тень.

Я нерешительно изобразила пару линий, а затем, осмелев, добавила базовую основу платья.

— А, чтоб меня. «Теперь мы готовим на газовой плите».

— Я... правда?

— Это образное выражение, — рассеянно ответила я, добавляя рисунку контрастности. Быстро разобравшись, как менять цвета, я принялась зарисовывать засевающую в голове идею.

Закончив основной набросок, я отступила назад, чтобы критически осмотреть эскиз, и лишь потом с беспокойством заметила, какая установилась в комнате тишина. Я повернулась к Дмитрию.

Он сидел, оперев локти в колени, жадно за мной наблюдая. И у него был стояк. Мой муж очаровательно пожал плечами, как бы говоря «*ничего не могу с собой поделать*».

— Ты совершенно неотразима, когда творишь.

Отложив стилус, я продефилировала к нему.

— Хочу наблюдать за тобой всякий раз, когда ты будешь работать в студии, — хрипло произнёс он. — Так что беру свои слова назад. Мое самое любимое место — этот диван.

Мой взгляд прикипел к его гордому лицу. За этот месяц он каким-то образом стал ещё красивее. Глаза блестели удовлетворением, тело готовилось меня улаживать.

И всё равно я чувствовала грусть. Дмитрий Севастьянов был *слишком* чутким, слишком внимательным и умным, и сексуальным и заботливым. Он был *слишком*...

Идеальным.

Этот подарок оказался последней каплей. Вся эта жизнь переполнила чашу.

Перед этим я позвонила Кэрин из туалета в прибрежной сувенирной лавке, словив, похоже, паническую атаку.

— Я едва могу дышать.

— Собираешься ему признаться?

— Разве я могу так рисковать? — Я бы ни за что ей не рассказала, что было у него в прошлом, так что вряд ли сестра поймёт, как сильно моё предательство ранит Дмитрия. — Что будет, если я его потеряю?

— Справишься с этим и станешь жить дальше, — сказала она отсутствующим тоном.

Бедная моя сестра.

— Может, ты ему так дорога, что он сможет тебя простить.

— Сможет *всех* нас простить. — Я по-прежнему понятия не имела, кто вызвал Бретта ко мне домой, чтобы заставить Дмитрия ревновать.

— Милая, месяц прошёл. Надо что-то решать.

Она была права. Телефонные разговоры с моей шайкой были чем-то вроде пластыря на незаживающей ране в груди. Слышать, как смеётся Кэш...

И пока я дожидалась разрешения этой дилеммы, дни продолжали ускользать...

— Вика? — Дмитрий стоял, глядя на меня в упор, явно пытаюсь разгадать мои мысли.

Я подняла на него взгляд. *Не хотела* бы я любить того, кто в конечном счёте причинит мне боль — или пострадает от меня; однако же сейчас я сама находилась в полушаге от того, чтобы по уши влюбиться в Дмитрия.

И снова мне казалось, что я задыхаюсь. В страхе, на нервах я могла представить любой вариант развития событий, кроме одного: мы с Дмитрием будем жить долго и счастливо.

С судьбой нельзя смухлевать.

Взыграл инстинкт самосохранения: если он меня бросит, мне конец, стану жалким подобием самой себя, бесконечно вспоминая то, что когда-то имела.

Я отступила на шаг — аферистка во мне почуяла самую большую ловушку из всех — и пробормотала:

— Я... э-э-э, мне надо позвонить.

— Ты снова это делаешь. Чем больше я пытаюсь тебя порадовать, тем сильнее ты отдаляешься. Объясни. Мне. Почему.

Мне был нужен всего лишь короткий перерыв. Я заставила себя развернуться и пойти к двери.

Что-то надо решать.

Я почти уже вышла в коридор, когда он развернул меня, схватив за руку. Подняв голову, я увидела его яростное лицо, бешеные глаза.

— Ты никуда не пойдёшь.

— Всего на минутку...

— Чёрт возьми, я не могу тебя понять! Если не считать тех случаев, когда я тебя ублажаю. — Он сжал в кулаке край моего платья. — Вот тогда ты позволяешь мне видеть *всё*. — С воплем он сорвал с меня одежду. Я сглотнула, потрясённая внезапной мощью эмоций — его и *моих*. — Вот тогда ты ничего не скрываешь!

— Дмитрий, погоди!

На пол к платью отправились лифчик и трусики.

Я вскрикнула, когда он подхватил меня на руки, прижав горячие ладони к попке. Бурлящие в нём эмоции, должно быть, меня напугали; ноги обхватили его талию, руки оплели шею, его рубашка царапнула напряженные соски.

Когда он рывком расстегнул ремень и стянул брюки вниз, моя киска уже стала влажной.

— Женщина, ты *сводишь меня с ума*. — Он насаживал меня на член, вздрагивая с каждым проталкиваемым сантиметром. — Боже, Виктория!

Я застонала, принимая его.

Прижав к стене, он яростно меня целовал. Но его бёдра не двигались.

Не прерывая поцелуй, он стянул с себя рубашку. Его обнажённая грудь скользила по моей коже, язык двигался так, словно трахал мой рот. Но он по-прежнему не сделал ни одного толчка.

Как он вообще справляется с этим первобытным инстинктом? Его член во мне, но он всё равно сдерживается, заставляя меня умирать от желания.

Он явно делал это намеренно.

Прервав поцелуй, он провёл губами по моей шее.

— Ты отстраняешься от меня, — хрипло произнёс он мне на ухо. — *Не надо*.

— Я не...

— Не лги мне! — Он наклонился облизать мою грудь, прикусив соски своими белоснежными зубами, всосав их между безжалостных губ.

Пока он неистово мучил мою грудь, я могла лишь цепляться за его плечи и умолять, чтобы он не останавливался.

Дмитрий сжал меня, сильно ущипнув соски.

Я вскрикнула, отчаянно желая, чтобы он, наконец, начал двигаться во мне.

— Ты мне нужен! *Пожалуйста*.

Он выпрямился. Его кожу покрывал пот, собираясь капельками над верхней губой. Стала влажной и моя прижатая к нему кожа на внутренней стороне бёдер.

— Смотри, какие отметины я оставил на твоей груди.

Я посмотрела вниз. При виде засосов, покрывающих всю кожу вокруг сосков, я смогла лишь беспомощно поёрзать на его члене.

— Нет! — Он оторвал меня от стены и шлёпнул по попке. — Почувствуй, что значит хотеть большего.

— А-а-а! — ожог от шлепка чуть не довёл меня до пика.

Его руки оплелись вокруг меня, жёстко сжимая в объятьях.

— Я одержим тобой, — сказал он так, как другой мужчина мог сказать «я люблю тебя». — Почувствуй то же самое ко мне! Желай меня так, как желаешь свой следующий вздох! — Я наклонилась поцеловать его в шею, ощутить вкус капелек пота, но он отдёргнул голову и прохрипел, — *не думай ни о ком, кроме меня...*

— Дмитрий, пожалуйста! — Я чувствовала его пульсацию внутри себя! И забарабанила пятками по его ягодицам.

— Ты принадлежишь только мне. — Он прикусил кожу на шее, и моя киска затрепетала. — Я тоже хочу принадлежать только тебе!

Несмотря на бурю эмоций (или как раз благодаря ей), я была на грани оргазма, напряжение внутри сконцентрировалось.

— Почему ты не отдала мне это чёртово кольцо?

Потому что эта сказка должна закончиться.

— Почему?

Запустив пальцы в его волосы, я вынудила его посмотреть мне в глаза. На языке уже вертелось «Что бы я ни сделала — всё будет неправильно, потому что я влюбляюсь в тебя!» Но я не смогла этого произнести.

Он понял, что я опять сдерживаю себя. Пальцы вонзились в мои ягодицы, глаза стали ещё безумнее.

— Блядь, да ответь же мне что-нибудь!

Когда я смогла лишь всхлипнуть в ответ, он вдруг резко вышел из меня, продолжая удерживать меня на весу над членом.

Я ахнула.

— Не-е-ет! Верни обратно — пожалуйста!

В его голосе слышалась угроза:

— Что, пусто внутри? Холодно? — Он выглядел безумным. — Так не должно быть, правда? Ведь желаемое так близко, просто протяни руку.

Я автоматически выгнулась к нему.

— Дмитрий? — Я не могла думать!

— Ты так близко ко мне, Вика, но вне досягаемости. А ради этого я готов убить... — Он снова вонзил в меня свой член.

— А, боже! — Моя голова откинулась назад.

Его бёдра резко качнулись вперёд. И ещё раз. И ещё. *Глубже*. Он наказывал меня, его мышцы бугрились.

— Дай мне хоть немного себя!

Моя грудь скользила по его твёрдому торсу. Киска напряглась, готовясь к оргазму. Мучительное удовольствие и давление нарастали. Я вскрикнула, задыхаясь:

— Дмитрий! Это слишком... слишком *сильно*.

Меня пугало то, что творилось с моим телом.

Меня пугало то, что творилось с моим сердцем.

Он вошёл в меня со всей силы.

— Дай мне что-нибудь! Ради всего святого, что угодно!

Правда вырвалась наружу:

— Я боюсь!

Изумление. Он сбавил бешеный темп и теперь входил в меня медленно. Он понимал, что в своём ответе я подразумевала сразу многое.

— Пусть всё идёт своим чередом, *moya zhena*. Я всегда смогу о тебе позаботиться. — Он тоже подразумевал многое. — Ты согласна?

Я тяжело дышала.

— Мне этого *хотелось* бы. Я-я пытаюсь.

Он кивнул. Сжав губы, стиснув челюсти, он вновь увеличил ритм. Он заполнял меня до предела, входя с каждым разом всё сильнее, беспощаднее.

— Отпусти, любимая, — прохрипел он мне на ухо. — *Я тебя держу.*

Оргазм накрыл меня силой ударной волны.

— *Дмитрий!* — запрокинув голову, закричала я.

Это болезненное давление нашло, наконец, выход, выдавливая из моих лёгких этот крик.

Мысли исчезли. Я парила; я молила. Смутно помнила, как он говорил, что я его навсегда. Что он будет бороться за место в раю. И со мной он кончит с такой силой, что струя спермы будет ощущаться новым толчком.

Я всё ещё продолжала кончать, когда его член запульсировал внутри.

Спина Дмитрия выгнулась, мощное тело содрогнулось от наслаждения. Одновременно с мучительным криком он выстрелил горячей струёй сильно и глубоко — словно новый толчок.

Приняв душ и завернувшись в халат, я вышла из ванной. На улице туман сметался с земли порывами ветра, начинался дождь.

Дмитрий, одетый в джинсы, сидел на краю кровати, уронив голову на руки. Точно так же он сидел в нашу брачную ночь, думая, что не сможет заняться со мной сексом.

— Я... я сделал тебе больно? — Голос у него был несчастный. — Эти следы на коже...

Ещё в ванной, всего лишь проведя по отметкам пальцами, я вновь завелась. Сев рядом, я дотронулась ладонью до его спины.

— Ты плечи свои видел, здоровяк? — К одной из царапин я прижалась губами. — Я отлично поточила коготки.

Он усмехнулся через силу.

— Ты не способен сделать мне больно, — уверенно заявила я.

— Но я и не способен полностью тебя удовлетворить. — Он поднял на меня полное страдания лицо. — У меня нет в этом опыта. Скажи, как сделать тебя счастливой. Если этому можно научиться, я научусь.

И я вдруг поняла, что этот момент я не забуду до конца жизни.

Он любит меня.

Я больше не могла назвать это одержимостью. Или безумием. За прошедшие четыре недели он действительно влюбился.

— Ты идеальный, Дмитрий. Я и мой багаж — вот в чём проблема.

Он отодвинулся с гримасой на лице.

— Идеальный? После того, что я тебе рассказал?

— Тем более после этого. Ты потратил много сил, чтобы преодолеть последствия травмирующих событий в прошлом. И одержал победу. Ты значишь гораздо больше, чем твоё прошлое.

Благоговение вспыхнуло в его глазах. И помоги мне госпожа Удача, я была близка к тому, чтобы ответить ему тем же.

— Тогда почему ты продолжаешь отдаляться? Почти ничего о себе не рассказываешь. Скучаешь по своей семье, но не хочешь их навестить. Нервничаешь после каждого моего подарка, хотя знаешь, сколько у нас денег. Вика, чего ты боишься?

Открою ему часть правды.

— Меня воспитали так, что если что-то слишком хорошо, чтобы быть правдой, то так оно и есть на самом деле. И я ужасно суеверна. Если сложить всё вместе, то я просто дожидаюсь, когда же упадёт второй ботинок.

За окном сверкнула молния, словно подчёркивая мои слова. Я настороженно за ней проследила, прежде чем вновь перевести взгляд на Дмитрия.

— Я не понимаю.

— Всё *слишком* хорошо. У меня никого не было, а теперь вдруг появился мужчина, восхищающий меня каждую секунду. Я была официанткой под угрозой выселения, а теперь у меня всё это. — Я обвела рукой пространство вокруг. — Это словно пытаться дотянуться до звёзд, а я так никогда не делаю.

Мало-помалу он начал расслабляться.

— Почему?

— Потому что придётся отвести глаза от дороги и отпустить руль. Прямой путь к ДТП. — Дождь усилился, лило по всему побережью.

Он придвинулся ближе, в глазах появилась надежда.

— Как мы можем справиться с твоим суеверием?

— Это словно сказка, а все сказки заканчиваются...

— Почему все сказки должны заканчиваться?

Не риторический вопрос. Он хочет, чтобы я объяснила?

— Не знаю, почему. Но так всегда было раньше.

— Ты сказала, что сам я значу больше, чем прошлое. Почему твоя сказка не может быть чем-то большим, чем те, которые закончились?

На это я не знала ответа.

— Дмитрий, а если я недостаточно хороша для тебя?

Он опешил.

— Я объяснил, что ты для меня значишь. Как действуешь на меня морально и физически. Эмоционально.

— Но это не моя заслуга, *а твоя*. А ещё многолетней терапии и упорства в желании улучшить собственную жизнь, что ты и делаешь по сей день. Все предпринятые тобой перемены помогли преодолеть диссоциативное расстройство. — Он не стал с этим спорить, хотя я видела, что он не согласен. — И теперь, когда ты способен оставаться в сознании, может быть, ты захочешь найти себе кого-нибудь ещё. Вроде Люсии или Натали.

Кого-нибудь, кто не прогнал насквозь от бесконечных секретов.

Он моргнул.

— Я не совсем тебя понимаю.

— Они богатые и интеллигентные. Одна другой краше.

Он распрямил плечи.

— Ты богатая, талантливая, умная и невероятно красивая. Ты настоящий мастер дизайна.

Да уж, только *афёр*, а не дизайна. Другой социальный слой.

— Я далёк от идеала, — продолжал настаивать Дмитрий.

Вздохнув, я грустно улыбнулась.

— Не с моей точки зрения, здоровяк.

Он прищурился.

— Я считаю, что готов рассказать тебе больше о своём прошлом. Раньше я не был до

конца откровенен. — Угроза в его голосе словно предупреждала: меня ждёт нечто ужасное.

— Ты мне лгал? — Нет, я бы почувствовала.

— Я ни разу тебе не солгал. Но здесь замешан другой человек. Я храню его секрет вот уже двадцать три года, не рассказывая никому, кроме членов моей семьи. Сейчас я открою его тебе.

Он определённо разжёл моё любопытство.

— Ладно. Этот секрет я унесу с собой в могилу.

Кивок.

— Я говорил, что Орлов умер. Это правда. Но на самом деле он был убит.

За окном снова сверкнула молния.

Я сохраняла нейтральное выражение лица.

— Кто его убил?

— Мой брат и я.

Пока я пыталась оправиться от такой новости, мысли в голове сменяли друг друга. Орлов умер, когда Дмитрию было где-то девять лет, Максим мог едва считаться подростком. *Что мне ответить?*

Я выбрала нейтральное:

— Ты расскажешь, что произошло?

Дмитрий провёл рукой по волосам.

— После того, как Орлов избил и запер в подвале моего брата, увиденная жестокость ещё более усилила моё диссоциативное расстройство; изоляция с Орловым наедине подействовали на меня так, что я практически не приходил в себя. Несколько месяцев Максим был заперт в темноте, страдая, виня себя за невозможность меня защитить. Однажды вечером, в лютый мороз, я, наконец, очнулся. Может, меня разбудили завывания ветра за окном. А может поведение глумливого ублюдка: он знал, что Максим скоро умрёт.

Орлов спланировал убийство невинного ребёнка. Представляю, в каком ужасе находился Максим.

— Я понимал, что должен как-то спасти брата. Когда я попытался вытащить ключ из кармана Орлова, он проснулся, но я был готов. Перед этим я принёс с улицы лопату. И со всей силы ударил ею Орлова. Потом освободил Максима и мы... мы душили Орлова до тех пор, пока он не испустил дух, — сказал Дмитрий, и его взгляд заметался по моему лицу в попытках хоть что-то прочесть.

Мне захотелось его встряхнуть:

— И ты чувствуешь за это вину? Тащишь эту ношу? Сбрось её немедленно!

Он сглотнул.

— Я не знал, как ты отреагируешь.

Я тщательно подобрала слова.

— Психопат вынудил вас с Максимом защищаться. Вы невероятно храбрые.

Он вновь заговорил, словно я чего-то не поняла:

— Я помог *убить* человека. И случись подобная ситуация снова, я поступил бы точно так же.

— Думаешь, я бы сделала меньше, если бы могла спасти Бенжи от перенесённого им ужаса? Те люди до сих пор на свободе, Дмитрий. А мы с этим знанием живём. Вы с Максимом сделали так, чтобы в будущем монстр-убийца не мог преследовать других детей, хотя никто не знает, какие вы герои, — я обхватила ладонями его лицо.

Так же, как в нашу первую ночь, он прильнул к моим ладоням.

— Герои?

— Если бы кто-нибудь не позволил Орлову избрать тебя своей жертвой, как бы ты назвал этого человека?

Он отклонился.

— Я никогда не думал об этом в таком ключе.

— Для меня всё кристально ясно. Спасибо, что доверился мне.

Он внезапно нахмурился.

— И всё? — Плечи и мышцы шеи напряглись, он был разочарован.

— Если ты рассказал об этом, чтобы предстать передо мной не в лучшем свете, то

добился прямо противоположного результата.

Он раздражённо вскочил на ноги.

— У меня есть и другие тайны. Моя семья связана с *преступностью*.

Повтори-ка?

— Ты говоришь, что твоя семья нарушает закон?

— После смерти Ковалёва Алекс стал вором в законе — могущественным человеком в преступном мире.

Отец Натали был связан с *организованной преступностью*? А её муж Алекс — связан до сих пор?

— Чем он занимается?

Оружие, наркотики, проституция? Всё сразу?

— Ничем. Он — бывший вышибала, которому платили за обеспечение защиты. Максим также был связан с мафией по политическим каналам.

Невероятно.

— А ты?

— Я пользовался влиянием Алекса и его связями.

— Чтобы разобраться с чрезвычайными бизнес-проблемами, — вспомнила я. — В чём они заключались?

Казалось, Дмитрий обдумывал свой ответ.

— Я больше ничего тебе не расскажу, пока ты не начнёшь делиться собственными секретами.

Как мы могли, исследуя подноготную Севастьяновых, не встретить даже намёка на нечто подобное?

— Разве об этом не должно быть упоминаний в интернете?

— Эту информацию я удерживал под жёстким контролем. За последний год я потратил немало денег, чтобы скрыть наше прошлое.

Я нахмурилась.

— А почему ты сейчас мне об этом рассказываешь?

— Потому что ты должна понять, что я несовершенно. И что доверяю тебе, в том числе секреты моей семьи. Что, в отличие от сложившегося образа в твоей голове, я могу быть таким же понимающим, как и ты.

Дмитрий и его семья нарушали закон. Разве таких людей смутят пара-тройка (а то и три десятка) аферистов?

Впервые за много недель я почувствовала надежду. Дмитрий рисковал жизнью ради спасения Максима, и Максим сделал то же самое ради него. Они пошли на всё, чтобы выжить. Если я смогу объяснить, как отчаянно мне нужно было обезопасить родителей, Дмитрий наверняка меня простит.

Если любит...

Он поделился своей историей; он заслужил право узнать мою. Я признаюсь во всём, пойду ва-банк, но лишь в том случае, если он поймёт, что я выбрала его своей жертвой лишь ради спасения семьи.

— Дмитрий, ты знаешь, что ради своей семьи я готова на всё.

Он сел рядом.

— Конечно.

— Думаю, ты им очень понравишься. Хочешь поехать на несколько дней в Лас-Вегас и

познакомиться с ними? Можем отправиться в пятницу. — Пусть у них будет пара дней на подготовку.

Пожалуйста-пожалуйста, госпожа Удача, пусть он меня простит.

Этот его взгляд... может, этого будет достаточно.

— Да, Вика, — хрипло произнёс он. — Я бы очень этого хотел.

— Не хочу упускать тебя из виду, — рука Дмитрия покоилась на моём плече.

Я разгладила ладонями ткань его рубашки.

— За час ничего со мной не случится, здоровяк.

До сих пор не верилось, что я неделю буду жить в пентхаусе «Кали». Все сотрудники как один вытаращились, когда мы входили в отель: я в облегающем модном платье и бриллиантах под руку с Дмитрием, а «во избежание неприятностей» довершали процессию Старски и Хатч.

— Я бы отложил дела, — Дмитрий уже установил ноутбук и другие необходимые вещи в кабинете, — но надо сделать пару рабочих звонков.

Утром перед отъездом ему не удалось поработать традиционный час по моей вине. Я застала его в муках выбора: какой галстук взять с собой в поездку.

— Не стоит так серьёзно подходить к выбору одежды.

Нахмурившись, он держал в руках два галстука.

— Для меня очень важно произвести на твою семью хорошее впечатление, любимая.

Ну да, я запрыгнула на него, и галстуки разлетелись в стороны.

— Мне всё равно нужно сделать заказ для службы доставки еды на вечер. — Своих я планировала приглашать частями. Если они соберутся все вместе, это смутит любого, что уж говорить о Дмитрие. Сегодня я пригласила только Бэнжи и Кэрин поужинать на террасе.

Я дожидаться не могла момента, когда смогу увидеть семью, ужасно соскучилась. Также надо было переговорить с сестрой наедине, спросить её совета...

Дмитрий поцеловал меня в макушку, затем выпрямился, чтобы посмотреть мне в глаза.

— С нетерпением жду, когда смогу познакомиться со всеми.

— Да уж я поняла. — Он был взвинчен с того самого момента, как только я предложила всем вместе встретиться. — И вскоре я также хочу увидаться и с твоей семьёй.

— Им я как раз и собираюсь сделать один из звонков. — Ответ был не особенно многообещающим.

Я поправила бретельку на платье.

— Я — причина раздора между тобой и Максимом?

Он приподнял мой подбородок.

— Все без исключения члены моей семьи уверены, что ты для меня — единственная и неповторимая. Если они о чём-то и волнуются, так это о том, как бы я всё не испортил.

Тогда почему он не говорит, в чём суть разногласий?

— Они не думают, что я охотница за богатством?

— Вовсе нет. Они знают, что это я настоял на брачном контракте. Ты в любой момент можешь уйти с половиной нашего состояния, только всё равно... — он улыбнулся — ... продолжаешь носить моё кольцо и будить меня по утрам минетом.

Я изогнула бровь.

— Ладно, муж. Вперёд. — Я толкнула его в грудь. — Работай. Обеспечивай. Увидимся через час.

В дверях кабинета он помедлил.

— Вика, всё будет хорошо. Об этом я позабочусь.

Хотелось бы мне в это верить.

Потому что даже после того, как Дмитрий полностью открыл мне душу, интуиция внутри не умолкала. Что-то было не так, и это прочно засело в подсознании. Может, Карин поможет разобраться.

Предоставленная самой себе, я решила потратить несколько минут, чтобы взглянуть на пентхаус другими глазами. Войдя в гостевую ванную, вспыхнула от воспоминаний. Дмитрий ждал этого восемь лет. *Я помню каждую секунду, проведённую с тобой.*

Нет, он ждал этого всю свою сознательную жизнь: *Потому что, красавица, ничего приятнее в этой жизни я ещё не делал, и ради того, чтобы это длилось дольше, я готов на всё.*

Я вышла на террасу и поднялась на площадку с растущей повсюду глицинией и бурлящим фонтаном. Логово моего чудища. *Для меня эта область неизведанна*, сказал он. *Но мне уже нравится мой проводник.* Эта территория оказалась неизведанной для нас обоих, по разным причинам.

Несмотря на яркий солнечный день, так не похожий на лунную ночь, я покрутила кольцо на пальце и вспомнила наш первый поцелуй. *Я буду играть с тобой в игры...*

Тогда я даже не подозревала, как сильно изменится моя жизнь. Не подозревала, что мне когда-нибудь придётся во всём ему признаться.

Но сначала — знакомства.

Я пошла назад, собираясь заказать все любимые блюда Бэнжи и Кэрин, не обращая внимания на сочетаемость. Стейк, ризотто, суши, пицца...

Только я вошла в гостиную, как из сумочки на журнальном столике донёсся звук входящего сообщения. Я быстро подошла и вытащила розовый мобильник.

И недоверчиво заморгала, прочтя то, что прислала Кэрин.

КВ: Конец света на улице.

Что за...? Я прочитала сообщение вновь, словно надеясь, что оно изменится.

Когда два дня назад я написала ей и пригласила прийти, она ответила: *свяжусь с тобой, когда прибудешь в Кали.* Ответ был странным, но я решила не обращать на это внимание, решив, что она расстроена из-за Уолкера.

Кэрин, как собиралась, перечислила ему назад все деньги, присланные на ребёнка, и то сообщение, на которое он ответил:

Очевидно, ты запустила когти в очередного простофилю. Но если думаешь, что я позволю другому мужику воспитывать моего сына, подумай ещё раз.

А сейчас я боялась, что дело было в чём-то ещё. Я посмотрела в сторону кабинета. Захотелось обо всём рассказать Дмитрию, но вдруг это ложная тревога? Я успею спуститься вниз и вернуться вновь прежде, чем он поймёт, что я вообще уходила. Стуча каблучками, я побежала к главному выходу.

У дверей стоял Старски.

— Собираюсь выйти на пару минут поболтать с подругой, — сказала я ему. — Не буду выходить из здания.

Он колебался, так что я добавила:

— Я не спрашиваю разрешения, Старски, — и проскользнула мимо. Телохранители раздражали, даже когда были на моей стороне.

На улице главная подъездная дорога оказалась забита отъезжающими гостями. Наконец, я обнаружила Кэрин, Бенжи и Пита в его седане. Все трое задумчиво наблюдали, как я пробиралась к ним сквозь плотный поток машин.

Как только я плюхнулась на заднее сиденье рядом с Бэнжи, он сразу же щёлкнул пальцами:

— Дай-ка мне свой телефон.

Нахмурившись, я отдала ему мобильник.

— Что происходит?

Пока он со световой скоростью копался в настройках, с переднего сиденья Кэрин смотрела на меня взглядом, в котором скользило что-то, очень похожее на жалость.

— Ты не влюбляешься в Дмитрия, детка. Ты ведь уже влюбилась, да?

Поколебавшись, я признала:

— Влюбилась.

«Добро пожаловать в мир разбитых сердец» — гласило выражение её лица.

— Да что, чёрт возьми, происходит? Он будет гадать, куда я подевалась.

С водительского сиденья обернулся Пит.

— Мы спасаем тебя.

— От чего?

Он посигналил машинам, загородившим дорогу впереди.

— Мы всё объясним, но сейчас надо отсюда убраться.

— Куда?

Бэнжи вскинулся.

— Молчи. Не сейчас. Её телефон на прослушке.

— На прослушке?? — Сердце заколотилось. — Кто мог подсунуть туда жучок? Вы что, сегодня проснулись и решили «у Вайс, наверное, в телефоне жучок»?

— Это сделал твой муж, — сказал Пит.

— Абсурд. — Я почувствовала панику. — Зачем ему это?

Бэнжи выключил телефон и вернул мне.

— Уверен, что сейчас мы можем разговаривать свободно.

— Ты не можешь знать, что это Дмитрий. — Но кто ещё мог такое проверить? У кого была возможность? — Может... может нас по какой-то причине прослушивает картель?

Бэнжи помотал головой.

— Ты единственная из нас на прослушке. К тому же взлом для получения доступа к микрофону был произведён крайне изощрённо. Такое под силу лишь техническому гению. Считай, что он клонировал его и также получил доступ ко всем твоим данным в реальном времени.

Данным. К каждому сообщению, фотографии, письму и поисковому запросу. Краска прилила к лицу, когда я вспомнила, что я про него писала, что *говорила* о нём в запале.

— С какого времени?

— Невозможно сказать, — ответил он. — Но могу предположить, что с самого начала.

С первого вечера? Значит, он мог слышать, как я сказала Кэрин, что ни с кем ещё не кончала так сильно, как с ним. Я стала анализировать события. Он должен был слышать, как наша семья планировала его развести. И позвонил рассказать о машине как раз в тот момент, когда мы обсуждали, как монетизировать его интерес! — Значит, он в курсе, кто мы такие. Что мы сделали. — И я по-прежнему была ему нужна? Я уставилась на кольцо. Наверное, сначала он следил за мной для безопасности. Может, теперь даже жалеет об этом, как я жалею о том, что использовала его. Может, нам стоит попробовать психологическое консультирование. — Это не обязательно случай «конца света».

— Есть ещё кое-что, — сказала Кэрин. — Пару недель назад я разговаривала с Джованни, консьержем в «Кали». Он рассказал, что Севастьянов уже был в казино примерно год назад.

— Дмитрий рассказал мне про тот раз. — Когда он принял решение круто изменить свою жизнь.

Кэрин продолжала:

— Я кое-кому приплатила, чтобы достать записи с камер наблюдения. Два дня назад мы их получили. — Она ждала, пока я приеду в Вегас, чтобы не обсуждать это по телефону с возможной прослушкой.

Моё беспокойство усилилось многократно. *А вот и второй ботинок.*

— И?

— Севастьянов тебя видел. И проследил за тобой.

— Но какой в этом смысл? Если он видел меня и заинтересовался, почему не подошёл? Он же потрясный миллиардер.

— Тогда он не был таким потрясным, — сказал Пит. — Он был очень худым. Уверен, что в то время он был наркоманом. А пил так, будто собирался себя прикончить.

Он и пытался. Но это было до того, как он начал тренироваться и правильно питаться. До того, как он перестал принимать лекарства.

— Да всё равно, я бы с ним пообщалась.

— Нет, Вайс, не пообщалась бы, — сказала Кэрин. — У тебя был девичник.

— Ты о чём?

Пит яростно нажал на клаксон.

— Именно он избавился от твоего жениха.

Я вспомнила вечер измены Бретта. Да, просто поразительно, насколько гиперсексуальной оказалась та тёлка.

Стриптизёрша, каким-то образом попавшая на вечеринку. К Бретту.

Боже мой.

— Интуиция подсказывала, что это подстава! Думала, что это вы всё подстроили, чтобы убрать лоха из моей жизни.

— Не мы, — сказала Кэрин. — Должно быть, Севастьянов нанял частного детектива в Вегасе, чтобы раскрутить сценарий обольщения.

Не то чтобы я хотела оправдать Бретта, но разве хоть кто-то смог бы выдержать профессиональную атаку соблазнительницы? Пятнадцать минут назад я бы жизнь на Дмитрия поставила. А сейчас мне казалось, что я его совсем не знаю.

Он заставил меня страдать, обставив всё так, чтобы я застукала жениха с другой женщиной. Успех его плана зависел от боли, которую я должна была испытать.

— Копать мы начали с детективных агентств, — сказал Пит. — Вскоре получим новые данные. — Он вытянул шею в поисках пространства, чтобы сдать назад.

Я бы тоже с удовольствием это сделала — сдала бы назад на целый месяц жизни. Я ведь чувствовала, что-то было не так!

— Вы считаете, что Дмитрий следил за мной *целый год*?

— Да, сеструня, — взгляд Бенжи был таким серьёзным, что у меня глаза наполнились слезами. — Готов поставить на это десять штук.

Вот же маньяк-манипулятор!

Моё внимание привлекло движение у входа в отель. Помяни чёрта...

Голова Дмитрия дёргалась из стороны в сторону в поисках меня. Взгляд бешено метался.

— Блин. Уже явился, — пробубнила Кэрин.

Заметив нас, он бросился вперёд, быстро сокращая расстояние огромными шагами.

Пит заблокировал двери.

Добравшись до машины, Дмитрий дёрнул ручку двери. Маскируя панику, произнёс:

— Любимая, открой дверь.

Я потрясла головой.

— Что случилось? — его голос стал более сиплым.

— А ты не знаешь? — Я подняла мобильник.

Его глаза округлились.

— Вика, позволь мне всё объяснить!

Что объяснить? Он играл моей жизнью. Играл *мною*. Проведя параллели, я понимала всю иронию ситуации. Но если не считать случая смертельной опасности, моей жертвой никогда не становился хороший человек.

Почему *он* выбрал *меня*? На глазах выступили слёзы.

— Просто *поговори* со мной. — Боль в его голосе мучила меня даже сейчас. — Пожалуйста, *zhena toya*, не плачь.

Слёзы закапали по щекам.

От каждой слезинки он приходил в ещё большую ярость.

— Открой дверь! — Кулак впечатался в крышу автомобиля.

Кэрин подпрыгнула.

— Да в конце концов! — рявкнул Пит.

Но это было только начало.

— Чёрт побери, дай мне... добраться до тебя! — Такого сильного акцента я у него ещё не слышала. — Дай лишь возможность объяснить! — На крышу обрушился новый удар. Месяц назад он пригрозил Питу: «*Никогда не вставай между мной и ею. Последствия будут плачевными*». Сейчас между Дмитрием и его женой оказалась машина.

Всё, что я могла делать — молча смотреть на всё это и реветь. Кэрин обернулась и протянула мне руку. Инъекция силы.

Он провёл ладонью по растрёпанным волосам.

— Я могу всё исправить! Вика, любимая, я *могу*. — Он выглядел так, словно был в шаге от безумия. Я чувствовала себя точно так же.

У входа его телохранители сдерживали охрану казино.

— С Бреттом ты всё подстроил? — пролепетала я, но Дмитрий, похоже, услышал.

Взревев от досады, он с такой силой дёрнул ручку, что мне показалось, она сейчас сломается.

Я получила ответ. Вырвался всхлип. Но я хотела услышать всё от него.

— Ты всё подстроил?

Дмитрий, сглотнув, замер.

— Да.

Я едва справилась с приступом тошноты. То беспокойство, с которым я пыталась бороться, не имело отношения ни к судьбе, ни к удаче, ни к слишком-идеальному-мужу. Подсознательно я улавливала подсказки в его поведении, чувствуя неминуемый крах. Меня уже связали и бросили на рельсы, дрожащие от приближающегося поезда.

— Я даже смотреть на тебя не могу!

Это лишило его остатков самоконтроля.

— А знаешь что, жена? Я бы сделал это ещё раз!

— Отъебись от меня! Никогда не хочу тебя больше видеть!

Наш автомобиль дёрнулся вперёд на пару метров, но тут же оказался заблокирован такси.

— *He-e-et!* — завопил Дмитрий, дико вытаращив глаза. Продолжая дёргать ручку двери, он ударил кулаком по стеклу. Машина покачнулась.

— Господи, — пробормотал Бенжи.

— Просто открой дверь, Вика. — Новый мощный удар по стеклу оставил на нём кровавый след. — Ты не можешь уехать!

Даже сейчас я боролась с желанием его утешить.

— Наконец-то! — воскликнул Пит. Машина понеслась вперёд, оставляя Дмитрия позади.

Обернувшись, я смотрела, как он бежал сквозь поток машин, крича:

— *Не бросай меня!*

— Она плачет?

— Похоже, её сейчас вырвет.

— Только не в моей машине!

— Заткнись нахрен, Пит.

— Вайс, милая, скажи что-нибудь.

Но я не могла, я вообще едва способна была мыслить, потому что в ушах продолжал звучать рёв. Голова раскалывалась от звуков, но тело будто онемело.

Вот так сходят с ума? Дмитрий чувствовал это на протяжении стольких лет?

За окном замелькали знакомые места, но кровавый отпечаток Дмитрия на стекле окрашивал всё в красный цвет.

Я больше не чувствовала себя в Вегасе как дома.

Моим домом стал особняк на омываемом океаном утёсе с мужчиной, оказавшимся незнакомцем.

Я смотрела на своё кольцо, а слёзы продолжали бежать по щекам...

Наконец, много времени спустя, мы подъехали к дому родителей. Я позволила Кэрин проводить себя внутрь.

Когда мама с папой вскочили, чтобы меня обнять, с моих губ сорвался предательский всхлип. Ледяная Вайс разлетелась вдребезги. Я едва среагировала даже на приветственный булк Кэша из манежика. Смутно заметила, как Эл с бабушкой сменили шерри на более сильное средство — водку. Потому что ситуация казалась полной жопой.

Мама смахнула слёзы с моей щеки.

— Милая, мы со всем разберёмся.

Папа пытливо изучал моё лицо.

— Он что, поднял на тебя руку, горошинка?

Я покачала головой. И наконец, обрела способность говорить.

— Он был... замечательным. Очевидно, слишком хорош, чтобы быть правдой.

Я уселась на обшарпанный диван, мама с папой сели с одной стороны от меня, Кэрин — с другой.

Мама погладила меня по спине.

— Тогда помоги нам во всём разобраться.

Как? Если я и сама не могла этого осознать.

— Я не знаю... я не... не могу думать.

Что в чувствах Дмитрия было настоящим?

Наши отношения, как и сам Вегас, оказались фальшивыми.

Я едва сдержала очередной всхлип.

— Мы не можем понять, почему, — нахмурилась мама. — Он что, любит играть в игры?

Дмитрий предупреждал меня, что как раз это он и будет делать.

Бенжи уселся в кресло родителей.

— Может, он просто типичный богатенький козёл, который наслаждается, манипулируя другими. Он мог, например, поспорить с братьями, что Вайс в него влюбится.

— Может, он в курсе, что никому не внушает симпатии. Он мог следить за Вайс, всё про неё изучить, потом, словно хамелеон, измениться, заставив её влюбиться в себя.

Они продолжали выдвигать различные теории, одна фантастичнее другой.

— Хочу посмотреть запись с камер, — сказала я наконец.

Кэрин кивнула.

— Бэнжи подготовил нарезку.

Брат щёлкал кнопками на дистанционном пульте.

— Перемотаю на нужный момент.

Экран телевизора засветился.

Я заметила, что это был новый широкоэкранный телевизор, купленный на деньги Дмитрия. Хорошо. На стенах красовались подаренные мною картины.

Запустилась запись с камер наблюдения главного холла в «Кали», внизу экрана высветилась дата и время.

21 августа, 22:10

Я едва узнала сидевшего в конце бара Дмитрия. Это был растерянный наркоман с суицидальными наклонностями — тень того человека, каким был он сейчас.

Он весил как минимум на десять килограммов меньше. Бледная жирная кожа, худое лицо, мёртвые глаза, полные боли.

Видеть его таким... Сердце так сильно сжалось, что ещё чуть-чуть, и лопнет.

Дальше на экране появилась группа из семи человек: Кэрин, я, наши двоюродные сёстры и подруги по афёрам. В тот день мы решили ночевать в «Кали», а теперь направлялись в соседний клуб.

Кэрин, как всегда неотразимая, в облегающем красном платье, указывала дорогу. Она была беременна, но внешне это было незаметно, если не считать сияющей кожи и роскошных волос. Все мужчины, мимо которых она проходила, впивались в неё глазами. Однако Дмитрий второй раз на неё даже не взглянул, когда она прошествовала рядом.

Далеко позади замыкала шествие я. Шла с распущенными волосами, в чёрном платье без рукавов.

Смеялась над чем-то.

Заметив меня с противоположного конца бара, Дмитрий резко выпрямился. Пристально смотрел на меня, растирая грудь, пока я проходила мимо. Его мёртвые глаза внезапно вспыхнули интересом...

Он однажды рассказал, как впервые меня увидел. Тогда он говорил правду, рассказывая о настоящем первом разе: *Ты казалась мне ангелом. С какой-то изюминкой. Моё сердце замерло, а потом пустилось вскачь. Когда я увидел синеву твоих глаз, то решил, что у меня сердечный приступ.*

Тыльной стороной запястья я вытерла щёки. Он смотрел на меня так... словно я была свечой во тьме.

Кинув на стойку деньги, он бросился за мной следом и выскочил из казино.

Запись переключилась на более позднее время. Дмитрий незаметно наблюдал, как я обчищала карман. Наверное, тот парень меня отшил.

Дмитрий зачарованно склонил голову на бок. *Ангел с изюминкой.*

— Отлично тиснула, Виктория, — пробормотала бабуля.

— Не слишком-то. Он меня видел. — Если добавить к этому слезку... — Он же всё время знал, кто мы такие. — Беспокойство и маскировка — всё было зря.

— О, да, — вставил Пит.

Под утро Дмитрий проследил за нашей группой до самого лифта, а потом отправился

прямо к стойке администратора, вызвав того на разговор.

Дмитрий заплатил за информацию обо мне? Чтобы узнать номер комнаты? Он ведь прямо тогда мог заложить жучок в телефон.

— У меня появилось подозрение насчёт всех твоих неудачных розыгрышей, так что мы заполучили и другие записи, — сказал Пит. — Вайс, он заporол все твои аферы.

Мои кулаки сжались.

— *Что??*

Включилось другое видео, записанное чуть больше месяца назад. На нём был Найджел, который ждал меня в лобби, нервничая и без конца проводя ладонью по голове. А в стороне стоял Дмитрий, выглядящий в тысячу раз лучше, с телефоном в руке. Он набирал на нём какой-то текст; несколько секунд спустя Найджел, побледнев, уставился на экран собственного мобильного. Дмитрию как-то удалось его напугать.

Точно вовремя появилась я в своём белом платье с драпировкой — и в изумлении смотрела, как сбегает мой объект.

На видео Дмитрий расправил плечи, явно собираясь со мной заговорить. Как же он, должно быть, нервничал!

Пока он шёл ко мне, я раздражённо выдохнула и написала Питу унижительную смс о своём поражении. Увидев, как я сжала виски, Дмитрий замедлил шаг. Вид у него при этом был совсем разбитый, словно он не мог вынести мою боль. Хотя сам являлся её причиной!

Потом его агрессивно взяла в кольцо стайка местных куколок, не дав возможности начать со мной разговор. Дмитрий нахмурился и нерешительно ушёл прочь.

Телевизор погас. Но я продолжала сидеть, уставившись на экран.

Как он сказал тогда на балконе? «А вдруг я всем отказал, чтобы дождаться тебя?»

Господи Боже, когда он вздыхал, глядя на луну, он тосковал по *мне*.

А потом, словно по мановению волшебной палочки, через несколько секунд появилась я. Неудивительно, что он был шокирован.

Только-только саботировав мой розыгрыш, не подозревая, что именно было поставлено на карту, он меня поцеловал. Хотя нет, *погодите*. Он же всё знал. Знал о картеле. Я прищурилась. Он так легко расстался с деньгами, потому что *всё равно собирался им заплатить*.

Так зачем заставлял нас страдать? Почему бы не заплатить пораньше? Разве он не видел, как мы были напуганы? Он ведь слышал, как на протяжении нескольких месяцев мы ни о чём другом не могли говорить.

— Смотрю я это видео и не вижу на нём человека, способного обидеть мою дочь. Вижу одержимость, навязчивую идею, но не угрозу, — сказал отец.

— Одержимость? — Бенжи выключил телевизор и отложил пульт. — Можно и так сказать. Сегодня, пытаюсь добраться до Вайс, он разбил руку о стекло машины.

— Но как он мог весь год держаться на расстоянии от Вайс? — спросила мама.

— Убрав Бретта с пути... — Пит почесал затылок. — Наверное, получив отсрочку, он использовал это время на то, чтобы очиститься. — Пит повернулся ко мне. — Дмитрий нынче чист от того, на чём он сидел?

— Да, — пробормотала я. — Полностью.

— Перед вашей свадьбой он упоминал сложности, — произнёс Бенжи. — Учитывая его сегодняшнее поведение, я так думаю, он имел в виду не наркотики. — Когда я кивнула, он заключил: — Значит, сложности психического характера.

Меня по-прежнему сдерживала лояльность к Дмитрию. Я никогда не выдам его тайну.

— Последние годы он плотно работал над некоторыми проблемами. А вместе мы достигли большого успеха. — Наверное. *Кто знает, было ли это по-настоящему?* — Встретив его пару недель назад, вы бы просто решили, что он эксцентричный богач.

Кэрин обняла меня за плечи.

— Ты ведь говорила обо всех этих красных флажках, но я продолжала давить.

Так оно и было. Они *все* на меня давили. «Ты же можешь его упустить!» кричала мама. С другой стороны, у нас просто не было выбора.

Бенжи наклонился вперёд.

— Я очень сожалею, что твоё сердце разбито, но выйти за него замуж было всё-таки правильным решением. Теперь ты богата. Тебе больше никогда не придётся работать.

Но мне нужен был *Дмитрий*. Мне нужен был муж. Или мужчина, который, как я думала, был им.

— Он не обезопасил себя брачным контрактом, связываясь с аферисткой? — Карин покачала головой. — О чём он только думал?

— Наш юрист сказал, что контракт настоящий, — подтвердил Пит. — Состояние Дмитрия уменьшится на полмиллиарда.

На самом деле его состояние куда больше, Пит.

Мама кивнула.

— Как бы там ни было, Севастьянов рискнул. И проиграл.

Они говорили так, словно Дмитрий сделал какую-то глупость, но даже в моём состоянии я была готова его защищать. Он, может, и безумен, но далеко не глуп. Он был самым умным мужчиной из всех. Методичным. Быстро обучаемым...

Догадка заставила мои глаза округлиться. Я вскочила с места, со свистом втягивая воздух.

Он ведь обучался!

— Теперь я понимаю, — прошептала я. — Теперь я чётко понимаю, что он делал. — Картинка начала складываться.

— Не томи, Вайс, — сказал Бенжи.

Я принялась мерить шагами комнату.

— *Он* позволил *мне* его подцепить. — Лисичке было невдомёк, что в курятнике ловушка.

— Не понимаю, — сказал папа. — Что ему было нужно?

— Он хотел, чтобы мы были вместе. Поженились. — И не просто поженились. Чтобы наши жизни были связаны. А у него на это было так мало времени.

Те, кто встречаются, обычно занимаются сексом. Если бы он продолжал мне отказывать, я могла бы что-то заподозрить. С другой стороны, если бы он повёл себя так, как в нашу брачную ночь...

Наверное, боялся, что я сбегу.

К тому же, его одержимость становилась всё более явной. Он не смог бы долго её скрывать. «*Потому что ещё никогда я так сильно ничего не хотел, понимая, что у меня лишь одна попытка, чтобы тебя завоевать*», говорил он. Неудивительно, что наше общение он называл мучительным. Даже представить не могу, как сильно на него давил прошедший год, все эти перемены, усилия.

— Но почему бы просто не очаровать тебя? — спросила мама.

Мой мозг лихорадочно работал.

— Мы вместе разрешили некоторые сложности только лишь потому, что у меня не было выбора, я слишком глубоко завязла. В обычных отношениях я бы уже трижды сбежала. Он это знал и не мог рисковать. Он думает, я... предназначена ему судьбой.

Кэрин нахмурилась:

— Милая, о чём ты говоришь?

Я сжала пальцами переносицу.

— Он хотел, чтобы я не реагировала на очевидные сигналы, не слушала интуицию, а только следовала за ним. Он хотел, чтобы интересы нашей семьи совпали и с *его собственными*, чтобы все вокруг подталкивали нас к браку.

А значит, нужен был накал страстей. Идея с картелем была гениальной.

— Я потеряла нить событий, дорогая, — взмолилась бабуля.

— Либо кризис с картелем подстроил тоже он, либо Дмитрий просто наблюдал за развитием ситуации, извлекая собственную выгоду. Разве вы этого не видите? Он раскручивал *многоходовку*!

Он действительно научился. *У нас.*

Воцарилась мёртвая тишина.

Я заново проиграла в голове все его действия, взглянув на них в разрезе этапов многоходовки.

— Определив меня как клиента, он проделал подготовительную работу, клонировав телефон и устранив любые препятствия (типа моего жениха). Потом собрал команду. — Я повернулась в Питу. — Как ты заполучил работу в «Калидон»? Дал кому-то взятку?

— Да работа по сути сама меня нашла. О-о-о... — Он всё понял. — Я думал, что мне повезло. Господи Боже, это русский меня туда *устроил*. Меня! Я оказался подсадной уткой.

Я кивнула.

— Дальше — встреча. Его золовка сказала, что ещё удивилась, когда Дмитрий предложил им всем лететь в Вегас. Они все поневоле оказались подсадными утками. С их помощью он хотел произвести незабываемое первое впечатление. Мне они показались такими простыми и забавными, что от одного этого Дмитрий уже выиграл.

А четвёртый шаг? Внедрение? С помощью подарков и секса Дмитрий проник в мою жизнь.

Мама повернулась к отцу, изумлённо хихикнув.

— Канзасский трюк.

Папа ошарашено кивнул.

— Развести афериста. Да чтоб меня.

Бабуля подняла рюмку.

— Перехитрил лисичку, правда?

Эл опрокинул в себя стопку водки, а потом сообщил:

— Мы, русские мужчины, очень хитрые.

Я переводила взгляд с одного на другого.

— Вы же отправили Бретта ко мне, чтобы тем самым заставить клиента быстрее на мне жениться. Дмитрий воспользовался этой ситуацией к собственной выгоде, втянув *меня* в кризис.

— Да, только маленькое замечание, — сказал Бенжи. — Бретту никто из нас не писал.

Я снова уселась на диван.

— Это сделал *Дмитрий*. Он легко мог это проделать.

Тогда в моей квартире он сказал: «Это последняя ночь, которую мы проведём порознь», потому что *знал*, что на следующий день мы поженимся. Я украдкой взглянула на кольцо. Оно уже было наготове.

— О, да, он хорош, — сказала мама. — Безжалостный русский *хорош*.

— Отказ от предварительного подписания брачного договора и был его жертвой, — заметила Кэрин.

Я кивнула.

— Чтобы укрепить моё доверие. Он даже поставил ультиматум «Скажи да или скажи прощай».

Он обставил всю мою семью. И сейчас они все выглядели в равной степени озадаченными и восхищёнными.

— Неплохо сработано, Севастьянов, — пробормотал отец.

— Хакер — на все руки мастер, — сказала мама.

— Настоящий серый кардинал, — хохотнул Пит.

Эл поглаживал свою бороду.

— Обыграл нас, как заправский гроссмейстер.

— Прямо Кайзер Созе какой-то...

— Кто-кто?

— Ну, из фильма «*Подозрительные лица*».

Неудивительно, что моя интуиция была тревогу. Я чувствовала, что он что-то замыслил, подсознательно понимала, что меня обыгрывают!

— Почему вы не злитесь? — вскричала я. — Понимание его мотивов не отменяет того, что он сделал! Он подслушивал наши разговоры. Нанял тёлку, чтобы соблазнить моего жениха. Может, и угрозу картеля придумал!

— Нельзя обижаться на половину пунктов твоего списка, потому что они разыгрывались в рамках многоходовки, — заметил Бенжи. — Либо они не считаются, либо мы просто дрянь, а не люди.

— Но мы-то всегда выбирали действительно мудаков!

Папа прочистил горло.

— Горошинка, его многоходовка *зависела* от того, что мы сами будем тянуть с него деньги.

— Только чтобы спастись от картеля — в кризисной ситуации, которую, возможно, он сам и подстроил. — Похоже, это никого не волновало.

— Он не хотел упустить свой единственный шанс с Вайс. — Мама вздохнула. — А я ещё подозревала, что он какой-то ужасный извращенец.

— Я тоже, — Кэрин, поднявшись, направилась к манежу, откуда взяла Кэша на руки. *Он загулил, захлопал глазками*. Надо же, как подросток. Так хотелось тоже его подержать, но меня слишком сильно трясло.

— Мы все подозревали, — согласился Пит. — Вайс, ты же больше всего боялась, что он поймёт, кто ты такая на самом деле, и сбежит. Он боялся того же в отношении тебя, поэтому подстраховался со всех сторон.

— Зная всю твою подноготную, он всё равно пытался разбить машину, лишь бы попасть к тебе, — сказал Бенжи.

— Ты же хотела мужчину, способного на широкие жесты? — Кэрин устроилась на

подлокотнике дивана, удобнее перехватив Кэша. — Как в кино? Как насчёт года жизни, посвящённого тебе, и риска потерять половину своего состояния, лишь бы тебя завоевать?

Мама убрала с моего лба прядку волос.

— Что до тебя... Никогда ещё я не видела тебя такой расстроенной, но кольцо его ты всё-таки не сняла.

Вскочив на ноги, я вновь принялась ходить из стороны в сторону.

— Вы такие же ненормальные, как и он! — Я представила, как Дмитрий в этот момент сходит с ума, гадая, вернётся ли его жена. *Только не уезжай... Ты мой дом...*

В моей голове звучал его голос.

Но забыть про картель я не могла. Неужели всё было подстроено?

— Несколько месяцев мы жили в постоянном страхе. Я думала, папу собираются сжечь заживо! Только подумайте, скольких мужиков пришлось дополнительно соблазнить Кэрин, а сколько часов я пыталась хоть кого-то раскрутить, не зная, что все мои попытки заранее обречены на неудачу. Мама, сколько бессонных ночей ты провела?

И если он слышал все мои разговоры и читал смс, то знал, в какой тревоге я находилась весь последний месяц, так почему же он не облегчил мою участь? Почему заставил мучиться относительно кольца? Испытывал меня, что ли?

Снаружи донёсся звук мотора.

Бенжи встал, чтобы выглянуть в окно.

— Чёрт возьми, это он! Наверное, отследил Вайс.

— Ему это не нужно было, — сказала Кэрин. Он знает её. Знает нас. Знает, что здесь наше убежище.

Пит вскинул брови.

— Он идёт сюда! В нашу берлогу! Ну и яйца же у этого сукина сына!

— У русских мужчин *большие* яйца, — в тон ему ответил Эл.

Я подскочила к окну. Потрясённо выдохнула. Дмитрий подходил к парадной двери.

Бабуля хихикнула над стопкой водки.

— Это покруче моих сериалов.

Я резко обернулась, услышав, как открылась и закрылась входная дверь. Без стука.

Вся моя семья, сгорая от любопытства, взирала на огромного миллиардера, который только что без приглашения ворвался в убежище.

Он вообще много чего сделал без приглашения.

Стоя на противоположном конце комнаты, он расправил плечи, но я знала, как ему сложно было войти в это логово льва. Персональный ад, как сказала когда-то Люсия.

Он ненавидел повышенное внимание, а сейчас все глаза были прикованы к нему. Утром всё, чего он хотел, это произвести хорошее впечатление на мою семью. Он никак не мог решить, какой выбрать галстук. А сейчас его волосы растрёпаны, глаза бешеные, рука кровоточит.

Я вдруг ощутила сочувствие. *Будь холодна, Вайс.*

— Вика, мне нужно с тобой поговорить. — Его голос охрип, ведь он так громко кричал, чтобы я его не бросала.

Сердце сжалось, но я не должна была сдаваться. А значит, он не должен был ко мне прикоснуться.

— Всё, что ты хочешь мне сказать, можешь сказать в их присутствии. Прямо здесь.

— Очень хорошо. — Его взгляд упал на каждого из членов семьи (которые выглядели так, словно были зрителями интереснейшего шоу), а потом вновь вернулся ко мне.

— Я тебя люблю.

У меня рот открылся.

— Мне нравится. Прямо. Чётко. Без обиняков, — оценил Пит.

Дмитрий не закончил:

— А ты любишь меня.

— Люблю? Да я уже не уверена, что вообще тебя знаю. Ты вылепил себя так, чтобы я на тебя клюнула.

— Вылепил. До определённого предела. И ты действительно меня *знаешь*.

— Ты целый год следил за мной и полученную информацию использовал, чтобы меня одурачить. — Как же, наверное, его расстраивали мои постоянные заявления, что он меня совсем не знает.

Или что его одержимость пройдёт.

— Разве мы в этом не *схожи*? — спросил он. — Всю полученную информацию я использовал, чтобы доставить тебе удовольствие. Ты упоминала Калифорнию. Я купил для тебя её кусок. Ты хотела путешествовать. Я запланировал десятки маршрутов. Ты мечтала создавать одежду...

И он подарил мне студию. А из-за моего пристрастия к эксгибиционизму он купил дом из стекла.

Он выяснил мой фетиш и хорошо его изучил — хотя сам от этого страдал. Ради меня он даже удалил лазером шрам.

— Чего ты от меня хочешь теперь?

— Я хочу обручальное кольцо, которое ты купила для меня и думала, что хорошо спрятала, и которое я ежедневно примерял с того самого момента, как его доставили. Я хочу торжественную церемонию с нашими семьями, безо всяких секретов между нами. Я хочу

семейную жизнь, а не просто брак.

Он примерял кольцо?

— Разве я могу тебе верить? А ты? Разве можешь верить мне?

— Каждый раз, поверив тебе, я лишь выигрывал, и не был удивлён, потому что *знал* тебя.

— Сверху донизу, очевидно.

— Абсолютно, — бесстыдно признал он. — А ты можешь мне верить, потому что я ни разу тебе не солгал.

Я покопалась в воспоминаниях. Мой честный безумец не лгал, зато успешно *изворачивался*. Рассказывая про свой вечер прозрения, он не упоминал меня явно: «Я пообещал себе, что исправлю свою жизнь и стану достойным мужчиной для такой, как ты.» Но подразумевал, что именно я *была* его женщиной.

Он не солгал, рассказывая о том, как приехал в Лас-Вегас.

Его внешность на видео убеждала меня, что тогда он был на грани самоубийства.

Как же по-другому он выглядит сейчас. Он сам стал другим. Круто изменил свою жизнь. Ради меня.

Я была его «стимулом». Той, ради кого он бы пошёл под пули.

Он подошёл ближе на шаг, глаза меня гипнотизировали.

— Когда я увидел тебя впервые, ты шутила и смеялась, воплощала всё то яркое, что отсутствовало в моей угрюмой жизни. Я был зачарован; я должен был пойти за тобой. Ты оказалась в другом баре. Там был конкурс пошлых стишков. Ты прочла с ирландским акцентом тот, что занял первое место.

Вспомнив, я покраснела: скороговорка сомнительного вкуса, но — я была пьяна.

Парень из Нантакета трахал все, что движется,

Он в любую дырочку был готов скользнуть.

Раз однажды вечером он в забор пристроился,

А спустя мгновение осталось лишь стряхнуть.

— Вика, впервые на моей памяти я рассмеялся. Меня ошарашил звук, вырвавшийся из моей груди. И я понял, что ты предназначена мне. Надо было лишь узнать твоё имя.

— Ведущий попросил меня представиться, — вспомнила я.

Его лицо стало суровым.

— И ты сказала, что празднуешь здесь свой ебучий девичник. Я только-только тебя нашёл, а ты оказалась помолвлена.

— Так что ты взял на себя задачу по манипуляции моей жизнью, — сказала аферистка.

— Изучая твою семью, я открыл для себя многоходовку. Разводка с подсадной красоткой мне показалась хорошим началом. И я немедленно этим занялся.

Внутри вспыхнула ярость.

— Но ты *знал*, что причиняешь мне боль! — Я вновь мерила шагами комнату. — Ты вообще понимаешь, как мне было тяжело?

— Я терпеть не могу причинять тебе боль! — Он провёл по лицу разбитой рукой, не чувствуя раны. — Я пообещал себе, что попробую подловить его всего раз. Рассудил, что если он не устоит перед искушением (практически перед самой свадьбой), значит, и дальше будет тебе изменять. Я убеждал себя, что если он устоит, я навсегда оставлю тебя в покое. — Дмитрий бросил на меня тот самый взгляд утопающего. — Но это, чёрт возьми, была ложь — потому что я бы никогда от тебя не отказался. Я бы продолжал отправлять к нему

женщин, пока он бы не оступился.

Из лёгких вдруг исчез воздух, я замедлила шаги.

— Написать ему с просьбой о встрече от моего имени — было ненужной жестокостью.

— За развлечения надо платить. — Теперь он применял нашу же логику! — Ты посчитала, что это сделал кто-то из твоей семьи, но обиду на них не затаила.

Блин. Хорошее замечание.

— А для чего нужно было с ним драться?

— Ни для чего. Просто хотелось наказать его за неверность. — Он сжал кулаки. — Как он мог так поступить, помня всё это о тебе? Я завидовал абсолютно каждому его воспоминанию.

Очевидно, Дмитрий прочитал все письма, которые Бретта мне писал, но я промолчала, ведь мы с Питом и сами жалели, что не клонировали его мобильник.

— И, в конечном счёте, в той боли виноват твой бывший. Он не ценил того, что имел, — воскликнул Дмитрий. — Так что да, я специально подставил его, потому что ты заслуживаешь честного мужа. И я, в отличие от него, *умею* уследить за дамой!

Бо-же-мой. Игра слов из трюка на три карты! Нельзя быть таким сексуальным.

Бабуля, мама и Кэрин хором вздохнули.

— Шах и мат, — лукаво пробормотал Эл.

Не совсем.

— Угроза картеля была настоящей?

— Да.

Я резко ускорила шаг.

— Ты и наркобароном манипулировал к собственной выгоде? — Этого я простить не смогу *никогда*. Если он подверг мою семью опасности...

И всё равно я не могла верить, что Дмитрий был на такое способен.

— Я *убедил* его взять мои деньги, вместо того, чтобы наказывать Джозефа, — Дмитрий указал на отца.

Я замерла.

— Ты — что?

Папа словно окаменел; мама глядела на Дмитрия, словно он был каким-то легендарным героем.

— Угроза была весьма реальна, — Дмитрий подошёл ещё на шаг ближе. — Я уже говорил, что наладил отношения с братом. Изначально я так поступил, потому что ты, очевидно, ценила крепкую семью, и в моей собственной я не хотел никаких размолвок. — *Представлять собой единый фронт — мощная штука, правда?* — Но в переговорах с картелем Алекс оказал неоценимую помощь.

Потому что Алекс был *вором в законе*.

— Те самые *важные* рабочие вопросы... — Дмитрий обратился к брату со шляпой в руке после стольких лет ненависти — чтобы спасти моего отца и семью.

— Я выплатил всю сумму наркобарону, пообещав, что позднее будет новый перевод, но попросил не сообщать вам, что долг погашен.

— Чтобы создать впечатление срочности, — догадался Пит.

Дмитрий согласно ему кивнул, затем вновь повернулся ко мне.

— Я посвятил Алекса в мой план по завоеванию тебя. Он один понимал, что я не смогу *освоить* искусство обольщения, и попытка завоевать тебя традиционным способом заранее

обречена на провал. Мы оба знали, что мои ограничения (и одержимость тобой) я не смогу скрывать слишком долго.

Ограничения в сексе. Потому что люди, которые встречаются, обычно занимаются сексом.

— Ты знал, что я буду раскручивать дойку. — Когда я настаивала, чтобы мы не занимались сексом, он ухватился за эту идею.

Дмитрий наклонил голову.

— А Максим и остальные — они знали про меня и мою семью?

— Не знали до следующего дня за тем, когда ты со всеми познакомилась. Максим с Василием, главой его службы безопасности, всю ночь тебя проверяли. Ты неплохо старалась скрыть информацию о себе, но эти двое способны найти всё на свете.

Бенжи поднял руку.

— Может, я не вовремя, но можно мне с ними перекинуться парой слов?

Дмитрий уже готов был ответить, но я так взглянула на брата, что тот заткнулся.

— Максим пришёл ко мне на следующий день, — продолжал Дмитрий, и сообщил, что ты аферистка из целой династии мошенников. Я признался, что веду собственный розыгрыш. Он был уверен, что как только ты узнаешь об этом, то прервёшь любые установившиеся между нами отношения. С его точки зрения мои надежды были обречены на провал. Никто из них не приехал нас навестить и не позвонил, потому что они не хотели тебе лгать — или неосторожно открыть мой план прежде, чем я во всём признаюсь.

— А что сказала Люсия? — Её ведь преследовал психопат, который тоже пользовался нашими уловками.

— Она тоже боялась, что я могу тебя потерять. И весь месяц давала мне ценные советы.

Я пожевала нижнюю губу.

— Почему ты не выждал подольше? Ты говорил, что не был готов.

— Пришлось ускориться из-за твоих розыгрышей. — Он провёл пятернёй по волосам, ещё сильнее напрягшись. — Я не хотел, чтобы ты ещё кого-нибудь соблазняла! Поэтому старался отвадить всех клиентов. Однако изучение каждого из них отнимало слишком много времени. Написать сообщение Найджелу от имени его брошенной жены было легко, а найти её личный номер в Сен-Бартелеми — нет.

Он изучал каждого? Я ухватила за своё возмущение.

— Зачем ты допустил, чтобы я мучилась, гадая, просить ли у тебя денег? Ты же знал, что я хотела даже использовать кольцо. — То самое кольцо, которое по-прежнему удобно располагалось на моём пальце.

— И я молча желал, чтобы вместо этого ты обратилась ко мне. Ты считаешь кольцо символом. Когда ты решила довериться мне, у меня появилась надежда, что вместе с кольцом ты сохранишь и меня.

Я прищурилась.

— Ты меня проверял? Поэтому всё время твердил, что я в любой момент могу уйти от тебя с деньгами.

Кивок.

— В тебе я не сомневался с самого начала, но мне хотелось доказательств и для всех остальных, кто мог подставить под сомнения твои намерения в отношении меня.

— Например, для твоей семьи.

Медленное покачивание головой.

— Например, для тебя.

Я сглотнула.

— Ты бы когда-нибудь признался мне во всём?

Ещё один шаг ко мне. Когда он успел оказаться в метре от меня?

— Я говорил, что открою все свои секреты, как только ты откроешь свои. Объяснить мои поступки было бы куда проще, если бы ты *призналась*, чем ваша семья зарабатывала на жизнь.

Логично. В который раз.

— Вика, я никогда не лгал.

Аферистка во мне готова была аплодировать ему, но можно было возразить, что я просто не задавала правильных вопросов. Попробую сделать это сейчас.

— Осталось ли что-то, что ты ещё не рассказал, а я хотела бы знать?

Какие-то другие секреты?

— *Да*. Узнав твой адрес, я поставил своих людей следить за тобой. Всегда, когда меня не было рядом.

Я так и знала! Даже представить невозможно, насколько это ужасно.

— Ты моё самое драгоценное сокровище в мире, разве мог я не обеспечить твою защиту?

Ну, если так посмотреть, то, наверное, «ужасно» — это небольшой перебор.

— На самом деле, следили за каждым из вас, пока я не убедился, что угроза со стороны картеля полностью миновала.

Я обвела глазами всю семью, задержавшись на маленьком Кэше. Дмитрий оберегал нас всех именно тогда, когда мы больше всего в этом нуждались.

Словно уже был одним из нас.

Он открыл было рот, чтобы что-то добавить, но заколебался.

Я угрожающе покачала головой.

— Выкладывай.

— Устыдившись, что его обвели вокруг пальца, глава картеля собирался устроить показательный случай с убийством твоего отца.

Я быстро взглянула на родителей. Мамины ногти впились в папину ладонь. Она его чуть не потеряла... Он мрачно накрыл её руку своей.

Я беззвучно шевелила губами. Вместо этого разговора я могла бы нести сейчас цветы на папину могилу, зная, что перед смертью его пытали.

Вот *это* шах и мат.

Дмитрий повернулся к Кэрин.

— Имей в виду, что отец твоего ребёнка тайно за вами следит. Каждый вторник и пятницу, когда вы с Кэшем гуляете в парке.

Просияв, Кэрин крепче прижала сыночка.

Но Дмитрий не закончил:

— Но также он следит за тобой рядом с... э-э-э... домом с камерами.

Её лицо сразу поникло. Для Уолкера всё выглядело так, словно она спала с кучей пиявок.

Со временем мы и с этим разберёмся.

Дмитрий снова повернулся ко мне.

— Вика, теперь ты знаешь обо всём. У меня больше не осталось секретов.

Моё вечное беспокойство исчезло. Дмитрий выложил все карты на стол.

Интуиция угомонилась.

Он сделал ещё один шаг, глаза горели янтарём.

— Последний год был сущей пыткой: я видел тебя и слышал твой голос, но не мог ни заговорить, ни прикоснуться к тебе. Каждый день я мучился, задаваясь вопросом, сможешь ли ты меня полюбить. И всё равно я бы снова прошёл через всё. — Его голос чуть надломился. — Пойми, *moya zhena*, я бы прошёл снова через все тридцать два года.

Дыхание перехватило. Смысл сказанных им слов...

Я огляделась по сторонам. Эл и бабуля одобрительно отсалютовали рюмками. Кэрин выразительно кивала. Бэнжи поднял вверх большие пальцы, а Питер прошептал «Да». Мама с папой держались за руки, как двое влюблённых голубков, доказывая, что сказки существуют на самом деле. Конечно, они же идеально подходят друг другу...

Было совершенно ясно, что Дмитрий не просто разыграл одну аферу. Не просто выучил несколько наших трюков. Аферы — это стиль жизни, и он прожил в таком стиле целый год, изучая наш язык и каждую мелочь, чтобы стать профи. Войти в число аристократов нашей профессии. Аферистом, разыгрывающим аферистов.

Проигрыш ещё никогда не был так сладок.

Я быстро сократила расстояние, остававшееся до мужа.

— Дмитрий, ты точно не лох. — Я ведь с первого дня это знала.

— Я... нет. Думаю, что нет. — В его глазах была надежда. — Наверное, я начал лучше понимать людей. Сейчас мне кажется, что ты хочешь меня поцеловать, — пробормотал он. — Сделай это, Вика.

Если лопнула труба. Сейчас мне не казалось, будто я пытаюсь дотянуться до звёзд. Мне казалось, что я предъявляю права на то, что и так принадлежит мне. Прижав его к себе, я привстала на цыпочки. И поцеловала своего мужа.

Аферист для аферистки.

Одно свадебное платье спустя...

Можно было подумать, что я подарила Дмитрию луну с неба.

Стоя на балконе нашей спальни, я наблюдала, как он демонстрирует кольцо друзьям жениха — Максиму, Алексу, Питу и Бенжи.

Слово «блистательный» даже близко не могло описать, как мой муж выглядел в смокинге.

На самом деле, все пятеро в вечерних костюмах производили неизгладимое впечатление в пылающих красках тихоокеанского заката.

Кэрин (главная подружка невесты) вместе с Люсией и Натали только что помогла уложить подол моего платья в замысловатый шлейф. Они уже спустились к остальным, чтобы дать мне возможность прийти в себя.

Наш дом был полон родственников, оказались заняты все бунгало. Гости веселились на танцплощадке, угощаясь отличным вином и изысканными деликатесами. Ясное дело, бесплатная еда разожжёт аппетит любого афериста.

Самые младшие братики и сестрички наперегонки носились с собаками Макса и Люсии.

Как Джесс (одновременно и подружка невесты и свадебный распорядитель) умудрилась за такой короткий срок спланировать и церемонию, и торжественный приём — было выше моего понимания.

Она даже забронировала всё необходимое для нашего медового месяца в Париже, таинственно порекомендовав посетить там некий клуб...

Облокотившись на балконную ограду с бокалом шампанского в руке, я наблюдала, как вместе со всеми смеётся Дмитрий.

Когда я видела его таким счастливым, мне казалось, что сердце было готово выпрыгнуть из груди. За последние три недели он расслабился и теперь, когда не нужно было ничего скрывать, излучал удовлетворение.

В тот день, когда в родительском доме мы узнали обо всём, я представила его всем родственникам, уже влюбившимся в моего «героического мужа», спасшего жизнь Джентльмена Джо. В тот момент Дмитрий чувствовал меньшую неловкость, чем обычно, наверное потому, что уже успел открыть всем свою душу.

Тем вечером он привёз меня обратно в Кали. Мы занимались любовью, а потом он открыл свой последний секрет:

— Если бы я тогда не оказался на самом дне, то никогда бы не приехал в Лас-Вегас. Я никогда бы не встретил тебя. Боль прошлого пережить куда проще, понимая, что у неё была своя цель. Она привела меня к тебе. Ты моя награда за все страдания, *тоуа zhena*...

Сегодня я соединяла свою жизнь с жизнью Дмитрия Севастьянова без какого-либо давления и лишь по одной причине: я его любила.

Словно почувствовав мои мысли, он поднял взгляд вверх. Его горящие глаза сияли ещё ярче, улыбка была ещё шире. Он тут же направился ко мне.

Судя по растерянным взглядам Пита и Бенжи, Дмитрий покинул их прямо в середине разговора. Зато его братья были в восторге.

На лестнице грохотали шаги поднимающегося Дмитрия. Какое совпадение: ровно два месяца назад я также поднималась по лестнице в его логово, надеясь покорить чудище.

И покорила. И сделала частью семьи.

Госпожа Удача улыбнулась...

Пытаясь перевести дух, Дмитрий вышел ко мне на балкон. Точёные скулы были тронуты здоровым румянцем, который подчёркивал золото глаз.

И этот цвет напоминал мне пронзительные закаты и новое начало.

— Я всё ждал, когда ты спустишься, — произнёс он так, словно прошло несколько лет. — Сколько нужно времени, чтобы уложить шлейф? Ты всё платье *сшила* быстрее. — Первое платье, созданное в моей студии.

Открытое шёлковое платье имело чуть изменённый а-образный силуэт с прямой линией декольте, классический крой и не содержало никаких украшений. У юбки традиционного белого цвета сзади был длинный бальный шлейф. Всё невероятно просто.

Кроме корсета чёрного цвета.

Образ я назвала «ангел с изюминкой». Получилось шикарно, раз уж я сама так говорила. И как любая великая идея, процесс создания был вдохновенным, яростным и стремительным.

Дмитрий присутствовал при каждой стадии. Следил, чтобы я успевала поесть и выспаться, и ещё мы чуть не сломали бедный диванчик.

Ну, вообще-то он присутствовал *почти* при каждой стадии. Я смогла его удивить финальными штрихами, радуясь тому, как нахмурились его брови, когда он впервые увидел меня под руку с отцом. Как сказал папа «Он сражён свалившимся на него счастьем. Такой как он никогда не будет воспринимать это как само собой разумеющееся. И *тебя* он не будет воспринимать, как само собой разумеющееся...»

Я подняла на Дмитрия взгляд.

— Я наслаждалась закатом и музыкой — и тем, как мой муж демонстрирует всем своё кольцо.

— Видела, да? — Он поднял его вверх, не удержавшись от улыбки. — Оно, наконец-то, моё. Значит, и я — твой.

С внутренней стороны кольца я заказала гравировку «*Потому что знаю, ты никогда его не снимешь. Люблю, В.С.*» Сегодня мы решили обменяться традиционными клятвами — рокошущий голос был полон гордости, когда пришла его очередь говорить. Но прошлой ночью я спросила, какой была бы его клятва, если бы можно было импровизировать.

— Я хочу тебя защищать. Хочу баловать. Хочу, чтобы у нас были дети, которых я тоже буду баловать. Хочу состариться рядом с тобой. И в конце жизни ты будешь уверена в том, что я любил, холил и лелеял тебя каждое мгновение.

Ну да, я запрыгнула на него, и не один раз...

Он обнял меня, окутывая теплом и соблазнительным запахом. Вместе мы наблюдали, как празднуют наши семьи.

Помимо всего остального, что Дмитрий привнёс в мою жизнь, у меня появились два новых брата и три сестры (с длинным страдальческим вздохом он признал, наконец, Джессику частью семьи). Все они были в восторге от этого брака.

Прямо перед официальной церемонией Люсия поддразнила меня:

— Вайс обязательно нужно надеть что-то старое, что-то новое, что-то синее, и что-то тиснутое.

Избавившись от секретов, наши семьи могли объединиться и быть самими собой. Мы уже видели результаты.

У бассейна Эл и Василий сосредоточенно играли в шахматы, за игрой наблюдала бабуля. Когда Эл первый раз разложил доску, я прошептала Дмитрию:

— Словно Мэверик против Айсмена, да? — Ноль реакции. — «*Лучший стрелок*»? — Да, мужу придётся посмотреть немало фильмов.

А ещё кое-что было между Бенжи и Джесс.

Угадав мои мысли, Дмитрий махнул в их сторону.

— Даже не подозревал такое.

Эти двое сидели рядышком, смеясь над какой-то шуткой Джесс. В момент их знакомства взбалмошная пробивная Джесс взглянула в его глаза и *покраснела*. А потом вдруг лишилась дара речи. В свою очередь, Бенжи не спускал с неё глаз — вернее, своего объектива фотоаппарата.

Я кивнула.

— Не знала, как это воспримет Кэрин, но она за него рада. В конечном счёте, она призналась, что до сих пор любит отца Кэша. — Её сомнения развеял тот факт, что Уолкер каждые вторник и пятницу наблюдал за тем, как растёт их сын.

Ещё не зная, как восстановить отношения, пока она решила продолжить прогулки в том парке, не подавая виду, что ей что-то известно.

Там внизу, она кружилась в танце с Кэшем, агукающим у неё на руках. Малыш выглядел таким элегантным в комбинезончике-смокинге, сшитом бабушкой, сверкая всем вокруг своей единственной парой зубов.

— Я также ничего не знал про Кэрин и Уолкера, — заметил Дмитрий, его глаза сверкали. — Думаю, стоит организовать небольшой розыгрыш.

— Ах ты, мошенник! — поддразнила его я, а потом прошептала: — *Выкладывай*.

— Мы купим остатки его компании — на имя Кэрин. Они поймут, что осталось совсем немного времени до того, как корабль пойдёт ко дну. Может, срочная выплата по фальшивым закладным?

Я округлила глаза.

— Заставить их работать *вместе*! Ты просто гений.

Взяв меня за руку, он поцеловал ладонь.

— Искусство розыгрыша — моё призвание.

Я вздохнула. Быть замужем за Дмитрием — круче, чем флеш-рояль.

Он был по-прежнему мужчиной моей мечты, слишком прекрасным для правды. Но звёзды, до которых дотянулись мы вместе, стали нашими.

Он прав: почему сказка должна заканчиваться?

Снизу донёсся смех, привлекая наше внимание.

Максим, закружив, увлёк Люсию на танцплощадку. Даже Натали выманила Алекса потанцевать.

Невозможно было оторвать глаз от того, как пары Севастьяновых были увлечены друг другом.

Мама с папой уже давно заняли танцплощадку, веселясь и флиртуя, как на первом свидании.

Они-то как раз *жили* долго и счастливо.

Я повернулась к Дмитрию.

— Думаешь, через тридцать лет мы будем так же счастливы, как родители?

Обхватив ладонями моё лицо, он пристально на меня посмотрел. В его глазах больше не было тайн, одни лишь обещания.

— Я позабочусь об этом, Виктория Севастьянова.

Я накрыла ладонью его сильное сердце.

— Мне нужно больше, чем три десятка лет. Ты мне нужен навсегда.

Он коснулся губами моих губ.

— Если жена хочет — жена получит.

Снизу послышались свист и аплодисменты, и мы улыбались, целуясь.

Дмитрий Севастьянов обещал освободить меня и подарить целый мир.

Он делает и то, и другое, каждый день...

Больше книг на сайте - Knigolub.net